

A photograph of a sunset over a field of pink roses. In the background, two large solar panels are visible, tilted towards the sun. The sky is a mix of orange, pink, and grey, with some clouds. The foreground is filled with lush green leaves and numerous pink roses in various stages of bloom.

Лена Гурова

Развод... это не
всегда верно!

Лена Гурова

Развод... это не всегда верно!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68099765

SelfPub; 2023

Аннотация

Развод... К сожалению, не редкое явление в нашем обществе. Девочки, выходя замуж, зачастую используют легкомысленную фразу: "Если что, разведусь!" А мужчины относятся к институту брака и, правда, как к зачётке: сначала он работает на неё, а потом – она на него! Как просто! А если учесть, что миллиардеров становится всё больше и больше, а Золушек и подавно, вообще элементарно. В любовных романах. А в жизни?

Лена Гурова

Развод... это не всегда верно!

Люся... Люда...

– К доске пойдёт... К доске пойдёт...

Класс замирал, кого-то теряли, кто-то выглядывал из-под парты, некоторые ложились на стол, прячась за впереди сидящими, а кое-кто и просто прощался с жизнью...

– К доске пойдёт Люся!

Возглас облегчения проносился по всему кабинету. Кому незнакомо это чувство? Особенно, если не знаешь урок, и оценок маловато. Оно не знакомо ей, Люсе Градовой. Она никогда не боялась отвечать у доски, язык молот без передыха и обязательную, и произвольную программу. Поэтому её старались посадить на место почти сразу, чтобы оставить время для других учеников. А лучшая подружка Люськи, троечница и первая красавица школы в одном лице, Маргарита Гладкова, вообще не понимала, зачем спрашивать Градову, если она и так всё знает. Нет, вундеркиндом девочка Люся не была, просто хорошая память и внимание на уроках делали своё дело. И если кому-то пятёрки доставались пятой точкой, просиживая часами за зубрёжкой, то ей бы-

ло достаточно прослушать урок. Поэтому, когда к ним уже в последнем классе пришёл новый математик, он сделал акцент на ней, позволяя объяснять решения задач и уравнений вместо него. Сам же сидел в телефоне, назначал свидания и уточнял часы работы тренажёрных залов. А ученицы сходили по нему с ума. И она, и Ритка, и ещё пол школы, как минимум. Ну ещё бы! Высокий красавец, спортивного телосложения, черноволосый, голубоглазый, улыбчивый, всегда в новой чистой рубашке, расстёгнутой на пуговичку, из-под которой торчали чёрные волоски, и в тёмных джинсах, подчёркивающих длинные крепкие ноги... Он отрабатывал обязательку после института, чтобы потом уже начать работать по-настоящему, где-нибудь на айтишной ниве. Поэтому знания учеников были ему по барабану. Люсю он называл коллегой, Ритку – будущей роковой женщиной, а мальчишек, причём всех – потенциальным мясом для армии. Что её и отворотило от него, он ей разонравился. Люся росла в семье офицера и очень уважала военную службу. Но Ритка... Она умирала, таскала подругу за собой, а сама таскалась за ним, Максимом Эдуардовичем. Гладкова узнала про него всё: где живёт, куда ходит есть, когда посещает спортзал, с кем общается, ну разве только расписание посещения им туалета оказалось для неё недоступно. Уроки Люся давно не делала, а вот Маргарита летела в тар-та-ра-ры, хвост двоек в одиннадцатом классе обещал большие неприятности. Надо было что-то делать, что-то предпринять, спасти подружку.

И она решилась. Подкараулила математика после школы и высказала своё фи.

– Уважаемый педагог! Вам не стыдно просиживать место около окна все школьные часы? Нам экзамены сдавать, а вы...

– Нет, ну ни в какие рамки! – Возмутился Максим Эдуардович. – Мало того, что ты не даёшь мне прохода ни днём, ни ночью, так ещё и нашла способ достать таким образом? Мне что, позаниматься с тобой? Но учти, я дорого стою, ты не потянешь.

Люська чуть не захлебнулась от возмущения, сглотнув слюну. Хорошо хоть не отравилась, ядовитых словечек на языке крутилась уйма. Она? Не даёт прохода? Он перепутал её с Риткой, хотя как это возможно, они совсем не похожи, только фамилиями созвучны. Ну и что делать, выдать подружку? Она хватала ртом воздух, так ничего и не придумав. "Педагог", посмеиваясь, двинул прочь от школы, пружиня накаченными ногами. Ну ладно, война так война, напыщенный индюк.

На следующий день Люся не пошла к доске, пусть сам объясняет. И получила первую в своей жизни двойку, жирную, красную, на пол листа дневника. На следующем уроке ситуация повторилась, появилась вторая пара. А после третьей её вызвали к директору. Татьяна Ивановна, "вобла" в простонародье, посмотрев на неё поверх очков, грустно улыбнулась.

– Ничего не понимаю, Градова! Первое полугодие близит-

ся к концу, а у тебя – двойки. Я даже четвёрок не помню в твоём исполнении, а тут... Сейчас придёт Максим Эдуардович, будем разбираться. Но пока его нет, не хочешь ли ты что-нибудь сказать в своё оправдание? Я чего-то не знаю?

Девчонка только открыла рот, как в кабинет, не постучавшись, впёрся математик, деловой, с папочкой под мышкой, в толстом свитере-поло, блеснув в её сторону голубыми стрелами. А она так и стояла с гримасой буквы «О» на лице, не успев сказать даже "а".

– Максим Эдуардович! Потрудитесь, пожалуйста, объяснить появление двоек у нашей Люси, идущей на золотую медаль все одиннадцать лет. Нонсенс какой-то.

– Никакого нонсенса нет. Она не отвечает на уроках, не выходит к доске, ведёт себя дерзко. За что и получает.

– Люся? Дерзко? Ничего не понимаю. Да что происходит, девочка? Так, я пойду возьму себе кофе, голова кругом. А вы пообщайтесь, выработайте консенсус, дальнейшую линию поведения.

Люся как стояла посреди кабинета, так и осталась стоять, а "педагог" уселся в кресло директрисы и уставился на ученицу, очень нагло и откровенно. У них в школе не отменили форму, но разрешили некоторые вольности: мини, складочки, разную длину рукавов, более современные воротнички. Мама Люси, швея от бога, одевала своих девочек сама. И Люське было пошито короткое форменное платьице со складочками по низу и у-образным вырезом, по краю которого

пришивались очень красивые, тонкие, кружевные прошвочки. И застёгивалось оно спереди, прикрывая застёжку лаконичным фартучком. Но сегодня вместо фартука на Люсе был пояс, это тоже разрешалось. Тонкая талия, стройные ножки, руки с длинными пальчиками, переплетёнными в замок под животиком, и грудь, выпирающая в вырезе явно маловатого в том месте платья. А главное, волосы чистого светло-серого цвета, пушистые, длинные, собранные в высокий хвост и такого же цвета глаза, хлопающие длинными ресницами и немного близко посаженные, что очень быстро исправляется макияжем, которого на девушке не было ни грамма. Да, она обещает быть красоткой, необычной, не такой как все. Сколько ей, шестнадцать? Макс явно загляделся на девочку...

– Мы таким образом вырабатываем консенсус?

– Каким?

– Вы раздеваете меня взглядом, прямо как наш физрук. Даже глаза пожелтели, как у него. – Она сама от себя не ожидала такой наглости, но уж очень раздражал её этот пингвин, чем развязывал Люське язык, обычно она не дерзила взрослым. – Вы посоветуйтесь с ним, он за оценки предлагает переспать. – Её несло в "открытое море". – За гимнастику – два раза, за лёгкую атлетику – три, а за волейбол – ничего, потому что наша школьная команда выиграла первенство в этом году. Мне не повезло, я же капитан сборной. Прямо даже не знаю, как жить дальше, если и вы выкатите свой преиску-

рант.

Макс обалдел. Ни один мускулик не дрогнул на лице этой дерзкой капитанши. А он думал, что она влюбилась в него вместе с другой красоткой, Ритой, кажется. Или это такая маска? Ей, явно, не всё равно. Да о чём он? Всё, не всё – ему-то что?

– Насчёт преискуранта надо подумать, но в его пользователи ты точно не попадёшь. А что касается двоек, мой тебе совет – никогда не спорь с преподавателями, себе дороже.

– Вывод: чтобы попасть в пользователи, надо проглотить свой язык. Это точно не для меня. Я могу идти?

– Логика у тебя хромает, тяжело будет идти. Найди провожатого! – Уже вдогонку великий математик попытался исправить положение...

Макс видел, как она выходила со школьного двора в сером пуховике и розовой шапочке. А сзади шли два одноклассника, один с её розовым рюкзачком, а второй – с волейбольным мячом. Да, с провожатыми проблем нет.

Лёшка и Арсений, лучшие друзья Люськи, жили с ней в одном дворе, даже в одном подъезде. Их родители приятельствовало, вместе отмечали праздники, ездили на дачу к Лешкиным родителям. Дети сдружились, у Арсения была ещё сестра, Бэлла, немного старше их, и чудили и развлекались они вчетвером. Их так и называли – Люськин квартет. Потому что Люся постоянно отмазывала своих друзей от наказаний и разбирательств, имея, явно, адвокатские спо-

собности. За что пацаны её очень ценили и ходили за ней по пятам. На волейбольной площадке не было более рьяных болельщиков, чем они, на школьных дискотеках танцевали втроём, а в строительном лагере, куда летом ездили все девятые классы, мальчишки чуть не расположились на раскладушках рядом со своей дамой. Конечно, были выгнаны с позором из девичьей опочивальни, но око держали остро, чем очень развлекали одноклассниц, постоянно визжащих при виде их физиономий в окне, в двери или выглядывающих из-за какого-нибудь угла, за которым скрылась Люся.

– Ну вот что! – Не выдержала девочка. – Это переходит все границы. Ещё раз позвольте себе эдакое – прокляну!

– А ты сделай, уже, выбор, кто тебе больше нравится...

– Ой, не начинайте, сто раз сказано, говорено-переговорено... Вам как лучше: кто мне больше нравится или, кто больше не нравится? Мы – друзья. Или пошли лесом, надо-ели.

– Тогда, с кем ты хочешь дружить больше?

– У-у-уф! Я вас сейчас убью, отвалите и не ходите за мной, у меня свидание.

Пацаны онемели. Вот так раз. Появление третьего ничего хорошего не предвещало. А Люська уже ускакала, Ритка ждала. На свидание. Ха-ха...

Градовы уже седьмой год жили в этом городе, и мама предрекала скорый переезд к новому месту службы отца.

Что-то они и так задержались. Расстраивало одно: у старшей дочери последний класс школы, так не хотелось срывать в середине года. Может, пронесёт? Не пронесло.

И когда до Люськи дошло, что отец ни в какую не соглашается оставить её у родителей Алёшки, чтобы она смогла закончить школу в своём любимом классе, белый свет померк. Она редела с утра до ночи, помогая маме собирать вещи. Они уже перепробовали все способы убеждения главы семьи. Ноль, броня, никаких возражений не принималось. За неделю от девочки осталась одна тень, она ничего не ела, почти не разговаривала, в школу ходила как робот.

Как-то вечером, засидевшись в школьной библиотеке, домой совсем не хотелось, она напоролась на Максима Эдуардовича. Он выходил из учительской, застёгивая на ходу джинсы. А следом вылетела училка по биологии, растрёпанная и раскрасневшаяся, в полу-расстёгнутой кофточке и задравшейся юбочке. Они, явно, не ожидали кого-нибудь встретить в такой неурочный час. Люся, сразу сообразившая, в чём тут дело, ну не совсем дитя неразумное, отпрянула к стенке, чуть не сбитая математиком. Биологичка попыталась принять приличный вид, застёгиваясь и одёргиваясь. Получилось ещё хуже, пуговицы поскакали по полу, а шевелюра сползла набок... Люське стало так смешно: с одной стороны пингвин с расстёгнутыми штанами, а с другой – биологичка в разорванной кофте, с торчащими антеннами шпилек. И оба дышат, как будто пробежали стометровку.

Девчонка расхохоталась, звонко, от души.

– Вы что? Подрались? Чего не поделили? Двучлен или пестик? – Её переживания на время улетучились, и она была даже благодарна своим учителям за это. – Может, вам нужен рефери? Я готова. Итак...

– Ты что себе позволяешь, Градова? – Заорала биологичка. – Какое твоё дело? И что ты, вообще, тут делаешь? Следила за нами? Или за Максимом?... Эдуардовичем?

– А что за ним следить, он весь как на ладони, семикрылый восьмичлен. Ничего нового и интересного. Всё старо как мир. Ну, сами разберётесь, видимо. Мне пора домой. – Что-то она последнее время не похожа на себя совсем...

– Ах ты, мелкая пакостница. Смотри-ка, какая смелая стала перед отъездом-то. Ну я тебе устрою аттестат, будет тебе золотая медаль. Да я...

– Захлебнись уже, Ираида! – Математик вспомнил, что он умеет говорить. – Иди Градова, иди.

И сам пошёл по коридору на выход. В гардеробе висел только пуховик Люськи. Он снял его и картинно предложил поухаживать.

– Надеюсь, вы не успели подложить мне в карман тротила? Или яду в капюшон накапать?

– Хватит, Люся! Не переусердствуй, тебе ещё двойки исправлять по...

– Что? Двойки? Да пошли вы к чёрту со своими угрозами. Плевать я хотела на ваши инсинуации. Дорвался до вла-

сти, педагогишко, и решил, что имеет право изгаляться над людьми. Шишка на ровном месте! – И рванула на улицу, в чём была, в платье и туфельках.

Видимо, передраги последних дней совсем довели отличницу...

Было уже темно, двор школы освещался, а за поворотом – темень. Люська влетела в эту тьму и со всего маху въехала по льду в большой сугроб, сильно разбив об ледяную глыбу коленку. Кровь брызнула фонтаном, девушка вскрикнула и свалилась на лёд, он стал красным мгновенно. Господи, что делать? Орать бесполезно, до ближайших домов далеко, а в роще перед школой пусто. Слёзы залили лицо, боль пульсировала, кровь толчками выплёскивалась наружу.

Её подхватили. Она не сразу поняла, что математик тянет «раненую» к своей машине.

– Потерпи, Люся, у меня аптечка хорошая, сейчас всё сделаем и поедem в травмпункт. Потерпи, девочка, ну как же ты так?

Она молчала, зажав зубами нижнюю губу. Ей было очень плохо. Душевная боль переплелась с физической, делая девочку очень уязвимой, слабой и послушной... Она слышала только голос учителя, комментирующего свои действия, и ей становилось спокойнее, она доверилась ему полностью. Максим Эдуардович, закончив, пересадил совсем обессилившую девчонку на заднее сидение, укрыл пледом и повёз... Куда? Люське было всё равно, она почти сразу засопела, со-

гревшись. И проснулась, когда он заносил её в городскую больницу. Врач, осмотрев, похвалил за грамотно наложенную повязку, но объявил, что рана глубокая, надо зашивать. У Люськи от ужаса позеленели глаза, и душа ушла в пятки.

– Молодой человек, несите вашу девушку в пятый кабинет. Я сейчас.

– Не надо меня в пятый, и в десятый не надо, – прошептала она. – Я домой хочу. Пожалуйста.

– А ходить ты хочешь, разбойница? Вот что за безрассудство, в минус двадцать летать по сугробам в одном платypiшке? Молчи теперь уже. Я тебя в обиду не дам. Сейчас обезболивающий сделают, ничего не почувствуешь.

И он, правда, во время процедуры не отходил от неё, держал за руку, ласково успокаивал. А когда Люська уткнулась носом в его плечо, погладил по голове, по щеке и, даже, поцеловал в макушку, чтобы не ойкала.

– Ну что, домой? Говори адрес.

В машине было тепло и пахло лимоном. Люська любила этот плод в любом виде, даже целиком могла слупить. Вдыхая аромат цитруса, она расслабилась и не расслышала вопрос.

– Тебе больно, девочка? Что ты молчишь?

– Я очень люблю лимоны. Балдею. И ничего не болит, лекарство ещё действует.

– Кстати, нужно таблетки купить, врач посоветовал. Где тут аптека?

– У меня денег нет, копейки остались.

– Где аптека, я спрашиваю.

– Вон там, голубая вывеска кафе, а рядом аптека.

– Ну вот и прекрасно. Ты в кафешке посидишь, кофейку попьёшь с лимонным сиропом, а я схожу.

– Спасибо вам большое, но вы не обязаны...

– Так, Градова, люди должны помогать друг другу. Разве нет? – И он выволок её из машины, занёс, посадил за стол.

– Какие сладости мы любим? Люся, отвлекись немного от своих дум, полакомись. Ну, честное слово, не стоит даже благодарности такой пустяк. А может, ты есть хочешь?

– Здесь так вкусно пахнет... А можно мне пирожок с капустой и корзиночку с киви?

– Принято. – Он заказал и ушёл в аптеку.

Из угла кафе за ними во все глаза наблюдала первая сплетница и ябеда их школы. Но Люська её не заметила. Они с математиком наелись, напились и таким же «макаром» вернулись в машину.

А утром вся школа гудела. В обед прискакала Ритка.

– Это правда? Ты вчера была в кафе с Максимом? Как ты могла? Тем более, что уезжаешь!

– Да, подожди, не верещи. – И рассказала всю свою эпопею.

– А целовались, тогда, зачем? А обнимались?

– Ты что, обалдела? Ходить я не могу, пока. Вот он меня и занёс, за стол посадил. Ну стала бы я на виду у честного на-

рода так подставляться? Ритуль, опомнись. И кто это такую ерунду разносит?

– Да наша всезнайка и доносчица. Я тебе больше скажу, Максиму досталось от директрисы, она так вопила! Давно такого ора не было. Правда, потом, ручку ему жала, улыбалась, расшаркивалась. Теперь понятно, почему. Так ты до конца полугодия не придёшь в школу? И когда вы отбываете?

– Папа уже уехал. Мы, видишь, на солдатских кроватях спим. Как только квартиру обустроит, отзвонится. В любом случае, скоро.

Через два дня Люся уже ходила, мама бегала с какими-то документами, а девочка принялась за обед. Она любила это дело. Правда, с удовольствием готовила что-нибудь этакое, необычное, для гурманов. Но в холодильнике пусто, только набор для борща. Поставив бульон, потихоньку спустилась в магазин, в соседний дом. Идя назад, несколько раз поскользнулась и остановилась. Вот зачем набрала полный пакет продуктов, как теперь дотащить? Сзади кто-то обнял её за талию и выдернул тяжёлую ношу из рук.

– Ох, и девчонка, бестолковая. Я тебя из окна увидел, у друга был в гостях. Да ты его знаешь, у Витьки-гитариста. Он мне много чего интересного рассказал про тебя. Ну пошли, я тебя держу.

И они двинулись "тихой ногой".

– Во-первых, здравствуйте. А во-вторых, что это он на-трепал, разгильдяй, про меня? Он – Мишка Квакин, а я –

Тимур, или Тимуриха, или Тимуренция. Мы с ним не совпадаем. Только поём вместе летом, под гитару, тут ему равных нет.

– Я бы градацию провёл наоборот: Люська Квакина и Витька-тимуровец. Он у нас в армии и за маму, и за папу был. За правду бился до конца.

– А вы были в армии? А как же пушечное мясо из наших мальчишек? – Люська дёрнулась, нога поехала не в нужном направлении, уволакивая за собой и все остальные органы, и оказалась зажата между пакетом и кольцом рук.

И глазами, голубыми-голубыми, сердито смотрящими на неё.

– Людмила, не озоруй!

У Люськи поползли вверх и глаза, и брови. Её так не называл никто. Она – Люся, и этим всё сказано. Два раза, при получении паспорта и свидетельства об окончании музыкальной школы, проскакивало это имя. И всё. И вдруг? И как красиво он сказал: "Людмила"...

– Меня Люся зовут.

– Нет. В школьных документах есть только Людмила Градова, очень красиво. Ну что, дошли? В вашей пристройке лифта нет? Давай уже донесу до квартиры.

А потом и в квартиру, и картошку почистил, и мясо прокрутил. Наелся борща, поблагодарил и ушёл. А Люська ревоплощалась в Людмилу... Вот стоило просто пообщаться по-человечески, и человек раскрылся совсем с другой сто-

роны. Ну как же он хорош! Статный, быстрый, пахнет лаймом, рассказывает – заслушаешься. И не какой он не математик. Он – разработчик компьютерных программ широкого профиля. Отработает год в школе по чьей-то там просьбе и вперёд, хоть в космос. А глаза... Так, Люся, спокойствие, только спокойствие...

Поток слёз, откуда только брался, не прекращался до тех пор, пока город не скрылся за пеленой снежной позёмки, поднимаемой ветром. Люська обнимала плюшевую собаку, подаренную кем-то из одноклассников, сестра – куклу, красивую, немецкую. Она была на седьмом небе от счастья, получив кучу конфет, открыток с пожеланиями, сувенирчиков и маленьких мягких игрушек, надаренных её старшей сестре на долгую память... На вокзале был весь класс, и параллельный тоже. Даже классная пришла и "вобла". Они всё извинялись перед мамой Люски за две четвёрки в аттестате – по биологии и математике. А Людмила всё надеялась увидеть Максима... И уже в купе, засыпая, решила: "Наверное, некогда ему, очередные пестики с тычинками "изучает", применяя свой матанализ..."

Южный город, шумный, большой, неухоженный, но сияющий новогодними гирляндами, не понравился. Совсем не произвёл хорошего впечатления. Причём, и на маму тоже. Грустно встретив Новый год, также прошли и каникулы. У

папы не было свободного времени, он что-то там принимал, «входил в должность», приходил поздно. Поэтому девочки полазили немного по городу, ознакомились с окрестностями и осели дома. Сестра уплетала целыми днями конфеты "Птичье молоко" и воздушную кукурузу, а Люська с мамой – южные, вкуснющие яблоки, в большом количестве доставляемые отцом. Весной стало понятно, что без вмешательства усиленных спортивных занятий ползущий вверх вес не остановить, домашние посиделки сделали своё дело. В школе Люсю встретили не очень радостно, она была чужая. Да и не больно-то хотелось, никто набиваться не собирался. Но физрук, поняв, что новенькая – неплохой спортсмен, попытался пристроить её в школьную команду по гандболу. Любимого волейбола здесь не практиковалось, а новая игра ей не понравилась. Тем более, что капитан женской сборной, уже мастер спорта и член городской команды, Люську не взлюбила, и на первой же тренировке выбила новенькой плечо сильнейшим ударом мячом. Зачем? Ведь Градова ещё и правил не знала, и в этот дурацкий гандбол играть не умела. Но этот инцидент подружил стойкую волейболистку с преподавателем, а потом и с его женой и сыном. И до самого ухода Эдуарда Викторовича в мир иной они общались, ездили на море, отдыхали на дачу. Вот так получилось. И младшая сестра училась у него и тоже очень любила этого доброго, юморного, замечательного человека, луч света в тёмном школьном царстве, куда попала Люся. Причём, по какой-то инноваци-

онной программе, выпускные классы в первом полугодии закончили обучение по школьной программе, по сути, закрыли аттестаты. И во втором занимались повторением и подготовкой к экзаменам. А Люське надо было догонять. Она вставала рано, чего терпеть не могла, но мама поднимала. Они бегали и упражнялись, сгоняли вес, и девочка садилась за тетради и дома, и в школе. Но процесс запутался, она стала получать сплошные четвёрки, и ни о какой медали речь уже не шла. Спасибо Эдуарду Викторовичу, он поддержал её, они с мамой выбили у директора индивидуальные занятия, и Люся неплохо закончила школу. Но мама долго ещё припоминала папе, что он сделал с их старшей...

Люся поступила в строительный институт и попала в колхоз на овощной завод, выпускающий соки. Она подружилась почти со всеми однокурсниками, благодаря бабушкиным «лепейникам», большим оладьям на сливках, поставляемым в их студенческий лагерь с настойчивой периодичностью. Весёлое, беззаботное время абитуры, новые впечатления, новые чувства и новые перспективы на будущее. Все в одинаковом положении, на старте взрослой жизни, мечты и фантазии зашкаливают, хочется сотворить чего-то, по-настоящему, совершеннолетнего, самостоятельного и запоминающегося. И Люська с удивлением заметила, что для многих это ассоциируется с возможностью безнаказанно курить, выпивать крепкие напитки и заниматься сексом. Причём по-

следнее вольное занятие особенно привлекало, выдавалось чуть ли не за геройство, количество совокуплений выстав- лялось напоказ, кто больше. В их потоке особенно выделял- ся Игорь Рубанов, девчонки сохли по нему, таяли от одно- го только взгляда в их сторону, даже посидеть рядом с ним уже считалось за счастье. Он был постарше, и, как потом выяснилось, уже и женат. Не избежала участи «влюблённо- сти в Рубана» и новая подружка Ирка, красивая, фигури- стая, про таких говорят – породистая, очень необычная де- вушка. Будучи чистокровной казачкой, она начала «военные действия» по охмурению красавчика. Но, как ни странно, он держал оборону, убажываясь доступными и уже поднаторев- шими в похотливых делах девицами. Люська никак не мог- ла понять, как можно влюбиться в такого ловеласа, да ещё не разборчивого в связях. А уж когда достоянием гласности оказались его сексуальные похождения с начальницей лаге- ря, дамой неопределённого возраста, у домашней девчонки, оторвавшейся от семьи несколько дней назад, и вовсе поеха- ла крыша. Хорошо, что она была не одна такая, воспитанная совсем на других идеалах и выращенная с чёткими разгра- ничениями, что такое хорошо, и что такое плохо. Но Ирка!?! В неё вселился бес, вытворяя с потерявшей голову девуш- кой совсем уже непотребные вещи, она, буквально, пресле- довала свой объект страсти, даже посещение им туалета бы- ло у неё на контроле. Уже весь лагерь откровенно посмеи- вался над «гордой представительницей казачьего племени».

Бедная Люська со своими нравочениями только разжигала огонь необузданной страсти, получая реакцию с точностью до наоборот: воздыхательница летела в лапы любовной страсти во весь опор. И Градова сдалась, поняв, что биться головой об стену ради не очень хорошо знакомой дурочки не имеет никакого смысла. Она отошла в сторону, вернее, попыталась. Но не тут-то было. Ирина, поняв и не приняв капитуляцию своей новой подруги, умолила не бросать её в таком «тяжёлом положении». И что удумала, стерва? Как-то вечером, когда институтская братия всюю прожигала свою молодость под музыку и танцы-зажиманцы, совсем не гордая казачка отвела Люську в сторонку и познакомила с несколькими парнями, представителями местной знати. Они не первый раз посещали городские посиделки, знакомились, вели себя дружелюбно, юморили, веселились и просвещали неприспособленных к деревенской жизни студентов. Предложение пройтись вдоль небольшой речушки не было принято, общество здоровых парней пополам с самой Ирккой не привлекало никаким боком, даже пугало. Но они не отставали, рисуя картинки околотоводной красоты, вечернего купания и дегустации разных сортов пива с разными же видами соленой или вяленой рыбы. Насчёт пива, это они не угадали, все друзья мужского пола знали о равнодушном отношении девушки к этому напитку. В бар к ней в пару выстраивалась очередь, потому что вход был платный, в обязаловку – две кружки пива и два рака: Люське – раки, пацану – пиво. А

расходы – пополам. Смысл общения отпал сам собой, тем более вечернее купание никак не входило в планы по чисто женским причинам. Но Ирка настаивала, и два крепких парня подхватили Люську и потянули насильно. Она даже не сообразила толком, что к чему, повиснув на мужских руках. Мало того, оказалась одна, потеряв свою подружку из вида. Вот тут уже, хошь – не хошь, пришлось вспомнить о речевом аппарате, завопив благим матом призывы о помощи. Но в ответ – тишина, народ веселился, музыка в лагере орала на всю, да и низинка около речки оттуда была не видна. Каравул! Процесс похищения Люськи Градовой проходил без помех и осложнений. Её посадили в лодку на руки одному из парней и зажали рот. Второй держал взбрыкивающие женские ножки, больно давя на икры. Самый прыткий из них, рыжий и щуплый, с большой головой, как апельсиновый Чупа-чупс, отдал приказ четвёртому, и мотор взревел, унося своих пассажиров, вольных и невольных, в неизведанные дали... Девушка из последних сил попыталась вырваться, изловчилась и вонзилась зубами в руку, затыкающую ей рот. Парень взвыл, схватил её за горло и влупил по физиономии, не заботясь о силе удара. Но, а то, что перед ним слабый пол, он вообще упустил из вида.

– Ещё раз дёрнешься, вообще убью. – Процедил он, засасывая укушенный палец и меча молнии злобными мигалками.

– Потише, Курень! – Головастик явно был главным. – Она

нам нужна целая, не повреди фэйс, придурок.

«Он что, этот Курень, любитель покурить? Или обкуренный? Или проектирует куреня, дома такие?» Эти вопросы, конечно же, были самыми важными сейчас для плохо сообщающей пленницы. . . А куда её везут и зачем, она даже не рассматривала, понимая после прилетевшего удара, что никто ничего не станет объяснять! А после того, как ей завязали глаза, она только по ощущениям воспринимала, что происходит: куда-то привезли, бросили на пол, предварительно замотав руки вонючей тряпкой. И именно по ней будет определено, кто сотворил с Люськой это злодейство.

Тишина, пахнет застоявшейся водой, тиной и чем-то ещё, неприятным. По всплескам воды, похоже рыбы, можно было предположить, что пленница всё ещё находится во власти речной стихии. Мокро, страшно, неудобно, даже проблематично поменять положение. Но уж нет! Градова не сдаётся, никогда! И, как будто, рядом никого, голосов и движений не слышно. Первым делом, нужно избавиться «от оков». И когда ей удалось освободить глаза, исцарапав пол лица, стало понятно, что она заточена в сарае, в котором хранили и обрабатывали рыбу. Отсюда и запах. Но вот с руками не получалось, никаких приспособлений для этого не наблюдалось, одно сено кругом. И дверь, заперта и даже без ручки. Обессилив, Люська уснула, подгребая побольше сенца к тому месту, куда упало её измученное тело.

– Люсенька, просыпайся! Совсем замёрзла, девчонка! –

Знакомый голос прозвучал как-то издалека, снится ей это, что ли. – Люся, Люся! – Продолжая тормошить и параллельно развязывая руки, настойчиво повторял тот же человек.

Рубанов! Это был он! Откуда? Градова быстро сориентировалась, вспомнила события последних часов. В маленькое окошко проникали скудные солнечные лучи раннего утра, получается, она проспала всю ночь. Всё тело ныло, голова выстукивала мелодии дятла, а рук она вообще не чувствовала. Да ещё и последствия женских дел. Стало не по себе, как-то неудобно перед мужчиной.

– Люся, подружка моя! – Змеёй подколодной ввинтился в мозг «подружки» визг Ирки. – Не выдавай меня, я тебе потом всё расскажу. – Это уже шипящим шепотом прямо в ухо прошелестела она.

Рубан поднял перепуганную и ничего не соображающую девушку и понёс к лодке, другой, не бандитской.

– Вот сволочи. Они что-то сделали с тобой? – Он, конечно, увидел следы крови на её джинсах.

– Нет, это... ну, это...

– Я понял, не стесняйся, ты же не виновата, что так... выглядишь так. Что естественно, заложено в самой природе женщины, то и не стыдно. Главное, что эти нелюди ничего страшного с тобой не сотворили. Ты их помнишь?

– Мы тебя всю ночь искали, облазили все окрестности, привлекли местных и...

– Не верещи, лучше постели что-нибудь на лавку и сними

свою куртку, Люсе надо согреться. – Не дал ей повизжать Игорь.

И всю дорогу держал Градову на руках, массажировал запястья, успокаивал, чем выводил из себя свою спутницу, спасательницу от бога. Та и не старалась скрыть недовольство, пытаясь отсадить Люську, вытащить из объятий предмета своего вздыхания. Она постоянно лезла со своими никому не нужными советами и колкостями, пока окончательно не получила отпор и ни заткнулась, надувшись и прожигая взглядом наглую найдёнку. А той было по барабану, быстрее бы уже в лагерь, в душ, а потом чайку... Но до спасительных водяных струй «пострадавшая» добралась только к обеду, пол дня отвечая на вопросы, оформляя и подписывая показания. Спасибо, хоть дали переодеться. Но разговор с куратором их потока напрочь выбил Люську из колеи.

– Ты понимаешь, что Ирина сотворила? В голове не укладывается. Я работаю с молодёжью двенадцать лет, всякое было, но такое... – Женщина явно не знала, с чего начать. – Твоё похищение планировалось, как повод для обращения к Игорю Рубанову, она надеялась произвести на него положительное впечатление, заполучить, наконец. Уму не растяжимо! Заметив, что он посматривает в твою сторону, паршивка не стала терять времени, а вдруг, ты уведёшь красавчика у неё из-под носа?! Ирина просчиталась дважды – Игорь никогда не спит с девственницами. Ну вот такой у него принцип. Всё это не мое дело, но не поставь тебя в известность

я не могла.

Вот вам и любовь с предубеждениями...

На первом курсе Ирка свяжется с великовозрастным заочником из солнечной Армении, забеременеет, сделает аборт, бросит институт. После истории в колхозе она и так была на плохом счету, чуть не получила условный срок. Через год никто и не вспоминал о ней. Известно было только, что, став женой другого армянина, нашего городского, она потеряла свободу, стала приложением к другим женщинам клана, не имела права выходить из дома и общаться с теми, кого знала до свадьбы. Каждому – своё.

Люська, Люда Градова отметила своё 17-летие. И пошла учёба, очень интересно и легко. Поэтому, когда она заикнулась, что хочет съездить в свой любимый город на зимние каникулы, мама поддержала её в категоричной форме. И папа отпустил.

Раннее утро. Поезд проехал мост, осталось минут десять... Люська стояла в тамбуре, прилипнув к окну, и душа выпрыгивала, нороя ускакать, не дождавшись тела, вперёд. Как она соскучилась?! Неужели сегодня увидит и Ритку, и соседку Наташку, уже невесту, своих любимых одноклассников, Лёшку с Арсением и всех, всех, всех... Ей аж жарко стало, краска бросилась в лицо, зря поспешила одеться. Расстегнулась, сняла шапочку, стала разматывать шарф, но открывшаяся дверь прохода между вагонами больно ударила

по локтю.

– Ой, осторожно, пожалуйста.

– Люда? Ты? – На неё смотрели удивлённые голубые-голубые глаза Максима Эдуардовича. – А я ещё в Москве, когда в поезд садился, подумал, как похожа девушка на Градову. А это она и есть, собственной персоной. Ты на встречу выпускников? Я тоже. Я же теперь работаю в столице.

Люська онемела, уж кого-кого, но математика встретить она даже и не мечтала.

– Здравствуйте, Максим Эдуардович! Я тоже рада вас видеть. – Дежурная фраза прозвучала сухо, мол, что встали, проходите уже.

– Ну счастливо тебе! Надеюсь, у тебя всё хорошо, Люда Градова. – И ушёл в соседний вагон.

Почему-то радужное настроение растворилось в воздухе, пахнущем лаймом. Пол минуты, и совсем другой коленикор. Она опять стала одевать себя, даже варежки напялила и шарф затянула посильнее. Как будто хотела абстрагироваться от мира сего, засунув свой поганый рот в кусок шерсти. Ведь она действительно рада его видеть! Это стало совершенно очевидно, только полыхнули голубым огнём глаза и зазвучал голос... Нет, не смогла она, Люся, забыть хорошего парня, Макса, не смогла. А ведь прошёл год...

Выйдя из поезда, Люська была подхвачена Лёшкой, Арсений семенил по скользкому перрону чуть подальше. А следом неслась Ритка. И влетела прямо в руки математика, чуть

не задохнувшись от увиденного.

– Максим Эдуардович, доброе утро! И вы к нам? На встречу приехали? Ну тогда, увидимся. Я, кстати, в комиссии по подготовке состою. Так что, если есть пожелания и предложения, с десяти до двух мы в школе. – Она выдала свою тираду на одном дыхании.

– Здравствуй, Маргарита! Буду иметь в виду. До встречи. – И, полыхнув злыми, но яркими, небесного цвета глазами в сторону висящей на Лёшке Люськи, быстрым шагом пошёл на выход.

Лешкина мама встретила девочку, как родную. Подарки были подарены, чая выпито самовара три, разговоры все не переговоришь, идите, дети, гуляйте. Что они и сделали. Дружной компанией завалились в школу, протаскив Люську по всем известным с детства старым адресам. За полдня она устала от своих ухажёров настолько, что уже не разговаривала с ними, а орала. Каждые пять минут эти двое устраивали соревнования «Кто любит Люсю больше». Вместо того, чтобы вдыхать родной воздух, радоваться морозцу, солнцу, сугробам и просто снегу, чего в южном городе нет, она успокаивала своих рыцарей. А когда решила сбежать от них, чуть не угодила под машину, немного ободрив руки о жёсткий наст сугроба вдоль дороги. И опять они спасали её и делили, кому какую царапину врачевать. Мрак.

– Ритка, как хочешь, но отвлеки этих из ларца, пока я хоть чайку попою в столовой, замёрзла совсем. И язык уже не во-

рочается, до конца дня я не доживу.

– Иди, я их займу чем-нибудь. Давай, давай, подруга. Уже бы выбрала кого, да и дело с концом. А то, ходишь, соблазняешь. Вон какая красавица стала, в тёплых краях-то. Нормальные люди зимой от нас уезжают, а ты – к нам. Чему я страшно рада. – Уже в вдогонку кричала Маргарита.

Два чая и четыре пончика, двойная доза, есть хотелось ужасно. Но руки замёрзли так, что пальцы не слушались, пришлось греть на двух стаканах сразу. Бедные ноги в обуви на рыбьем меху, не предназначенной для снежных прогулок, только-только начали возвращаться к своим функциям, покалывая иголочками и начиная гореть. Такой дискомфорт... И Люська потихоньку расстегнула сапожки, стильные, красивые, чёрные с бордовыми подпалинами, купленные мамой у барыг для любимой дочери. Вытащив свои непослушные нижние конечности, задрала их на стул, стоящий напротив, надеясь, что никто не увидит под столом это безобразие.

– Люська! Привет! Я и не надеялся увидеть тебя ещё раз в этой жизни! – Витька-гитарист, Квакин и Тимур в одном лице, подлетел к ней на всех порах, выдернул стул, на который она только что пристроила ноги, и уселся, всем своим видом показывая, как он рад.

И тут же был облит горячим чаем, сладким и крепким... Стаканы от такого нахрапа вылетели из рук, облив и его, и Люсю.

– Витька, чтоб тебя... Обалдел? Вот что теперь делать? Не

лето красное, а мои вещи у Лёшки, – возмутилась девушка. – Вся радость от встречи с тобой померкла в моём сердце, момент упущен!

– Здорово! Молодцы! – Смех Максима Эдуардовича разлетелся по столовой и попал прямым сообщением в мозги Люськи, атаковал её и без того взвинченную душу.

– Ну, где же ещё можно так искренно посмеяться? Ничего так не радует, как усевшиеся в лужу товарищи. Лучше бы тряпку принесли, хоть какая-то польза была бы от вас! Ржёт он...

И, как ни странно, математик смотался на кухню, приволок скамеечку под ноги девушки, притащил работницу столовой. Та всё убрала и забрала залитые чаем сапожки, обещая их оттереть и просушить. Это часа на два. Повеселились. Витька, отмывшись над раковиной, тоже представлял из себя довольно уморительную фигуру в большом свитере Максима Эдуардовича, размера на три больше нужного. А тот остался в рубашке с расстёгнутой пуговичкой и торчащими из неё чёрными волосками...

– Люська, ну прости меня, дурака, эмоции зашкаливают. Ни поржать, ни попеть, ни пошухарить без тебя. Мы с дворовыми всё лето тебя вспоминали.

И понеслось, а помнишь?

– Никогда не забуду, как спасал тебя от Абрамова-старшего. Та ещё семейка! – Объяснения предназначались математику. – Отец двух сыновей, Юрки и Женьки, заведовал

большой больницей, его очень уважали в городе. С младшим Люська дружила, они вместе ездили в детский военный лагерь каждое лето, готовили себя в "рэмбов". А Юрка, разгильдяй и хулиган, гроза района, предводитель таких же безбашенных пацанов, был тоже уважаем в определённых кругах. И ничего поделать с этим было уже нельзя, воспринималось как факт. И что вы думаете? Он влюбился в нашу отличницу, комсомолку, красавицу и музыкантшу Люсеньку. И стал за ней "ходить", как раньше говорили. А ей лет двенадцать было. Да, Люсь?

– Ну что тут интересного, было и было. Повыдаёшь мои секреты, как же жить потом, прочитанной книгой? Оставь хотя бы повествование, пролог ты уже прочитал, остался эпилог. И всё на этом.

– Не-не, одну главу имею право открыть миру, я имел прямое отношение к тем событиям. Так вот, Макс, это что-то. Девке двенадцать, а всё уже на месте. Только она ничего в этом не понимает и носит свою картонную папочку для нот, помнишь, с верёвочками? И боится, до смерти боится этого Юрку. А тот плавится при виде девчонки. И оберегает её от всех и вся. То есть, всё время держит в поле видимости. И вот, иду я с работы поздней осенью, темень в роще, выползаю к дому и натыкаюсь на Люську, сидящую в кустах и трясущуюся от холода. А под её подъездом, в жёлтом круге от лампочки, банда Абрамова с ним во главе. И он их турзучит, разносит за то, что потеряли девчонку, а уже поздно и холод-

но. Ну нормальный пацан, переживает, тем более по делу. Я предложил свою помощь, набившись в провожатые. А у самого на завтра назначены проводы в армию. И я ей, в шутку, говорю: " Люсь, я завтра родину защищать ухожу, вали всё на меня. Скажем, ты меня будешь ждать, ну всё такое-прочее." Надо было видеть эти глаза! Перепуганные, удивлённые, ничего не понявшие, но по семь копеек.

– Нет, так нельзя, – говорит. – Они тебя побьют, и я буду в госпиталь к тебе ходить, бульоны таскать. Лучше уж сдать. Боюсь я его, глаза чёрные, сам как скала, и ругается нехорошими словами. Стенька Разин, Пугачёв и Распутин отказались бы от своих подвигов в его пользу, были бы живы.

– А ты не влюбилась, девочка, часом? Этот парень тебя точно в обиду не даст, и беречь будет. Тебе не надо от него бегать, нужно поговорить.

– Ага. Счас. С ним даже Женька, хоть и брат, не может ни о чём договориться.

– Это разные вещи, девочка, поверь мне. – И ловлю себя на мысли, что разговариваю с ребёнком, вообще-то, а не с девушкой. – Так, всё, домой.

– Сначала – ты, потом – я.

– Ты предлагаешь проводить меня до подъезда?

– Да, ты же сам сказал, что он ничего мне не сделает. В конце концов, эта беготня и прятки мне самой уже поднадоели.

– Короче, все наши препинания закончились тем, что я

должен был из своего подъезда проследить за ней и позвонить, убедиться, что девчонка дома. Представляешь, она не дала меня на растерзание страшным злодеям, хотя сама трусила и боялась. Конечно, что уж душой кривить, я был совершенно уверен, что Люське ничего не грозит. Но часто вспоминал эту боевичку, особенно, когда нас сбрасывали... Ой, чуть не проговорился. Ха-ха-ха...

Максим во время этого рассказа как-то странно поглядывал на Люсю, улыбался по-доброму, рассматривал незаметно, как будто не видел её раньше.

– А ещё...

– Нет уж, хватит, Виться. А то Максим Эдуардович...

– Слушайте, ребята, вам давно пора перейти на ты. Максим уже не твой учитель, да и ты у нас уже студентка. И потом, мы с ним одноклассники, а я с тобой давно на короткой ноге. Один момент...

И ускакал. Повисла пауза. Люська, хоть и держала ноги на табуреточке, сквозняк и холодный пол пробрали её до костей. Не заболеть бы...

– Замёрзла? Что там с твоими сапогами? Пойду на разведку.

Витька притащил горячего чайку, лимон, каких-то плюшек и шоколадку, горькую, как Люся любит. Ей стало приятно, что он помнит о её вкусах. Всё-таки, друг с детства, хоть и старше на семь лет. А математик принёс свою куртку и её шубку и заставил девушку пересесть на диванчик, поса-

дил её на куртку, а шубкой прикрыл. А потом они выпили на брудершафт, чмокнулись в щёчку, напились, наелись, согрелись. И наржались, опять вспоминая и детство, и юность, и школу, и армию, и институт, в который пацаны поступили, ещё будучи в армии.

Макс не учился в их школе, он закончил соседнюю. Эти две школы постоянно бились за первенство, побеждая с переменным успехом. И знали друг друга ещё и по общему летнему лагерю. Люську ждали и там, и она планировала заскочить к своим друзьям перед родным школьным вечером. А у Макса, как выяснилось, была девушка Лариса, которая училась года на четыре раньше, и Люся хорошо её помнила. Очень красивая, рыжая, с круглыми глазами и пухлыми губами. Они жили вместе. Макса пригласили на работу в большой холдинг, основным направлением которого был космос. И он очень гордился этим. А Лариса проходила преддипломную практику рядом, в НИИ. Они случайно (или не случайно?) встретились, вспомнили друг друга, и завертелось. Девушке очень хотелось замуж за такого перспективного парня, ещё и с покладистым характером, а про внешние данные и говорить нечего, настоящий мужик. Красивым Макса не назовёшь, но он привлекал женский пол своими чисто мужскими качествами: высокий, крепкий, но и стройный, одновременно, без накаченных мышц, но силушкой не обделён, он смотрел на мир своими голубыми глазами, умными и чистыми, улыбаясь одними уголками рта, и производил впе-

чатление надёжного, успешного, уверенного в себе и в будущем, человека. Настоящий мужик, с ним в огонь и в воду, не чета этим сладким красавчикам, нарциссам и ловеласам. Но Лариска, сыграв девственницу в первый их сексуальный контакт, сделала большую ошибку. Почему-то решила, что у Макса не так много опыта, как у неё, красивой, холёной, рано начавшей половую жизнь. Он и не претендовал на первенство, но враньё и деланное жеманство не переносил.

Ан нет, матушка, просчиталась. Одно время они даже перестали встречаться, но Лариса смогла убедить его, что раскаивается и всё такое, стала заботиться о нём, занялась домашним хозяйством. И всё встало на свои места. Кроме разговоров о свадьбе. Но молодая женщина называла себя женой, пусть гражданской, пока разберутся, и позиционировала свою особу единственной и любимой этим замечательным мужчиной. Никого к нему не подпускала, отслеживала все передвижения, встречи и посещения своим Максом всяческих мероприятий, стараясь быть везде с ним. Вот и сейчас она подъезжала к родному городу, чтобы показать всем, кто она для него. И чтобы ни гугу, ни одна не пройдёт.

Люся, как и планировала, сначала зашла в дружественную школу. Девчонки заставили её надеть туфли, чтобы не чувствовалось, что она заскочила на минутку. Пару часов они её не отпустят, это точно. К ней сразу подошёл Володя Алёшкин, в морской военной форме, курсант военно-медицинской академии. Он симпатизировал Люське и никогда

этого не скрывал. Девчонки ахнули. Эта парочка смотрелась умопомрачительно: Люська в синем брючном костюме с золотыми маленькими пуговичками, выложенными красивыми вензелями, очень похожими на якоря, затянутая поясом с позолотой, на высоких каблучках, с вспененными кудрями и чётко вырезанной чёлкой, и моряк, во всей красе. Их даже сфотографировали, и фото появилось потом в местной газете, освещающей встречи выпускников. Они с Володей так и протанцевали почти час, он её никому не давал, пока Витка, друг детства, не выдрал её у него из рук. Это получилось очень смешно, поохотали, пошутили, по-доброму. Выяснилось, что ресторан снят для обеих школ, и желающие могут гулять хоть до утра. Договорились встретиться там, Люське нужно было в свою альма-матер.

В зал вошли Максим и Лариса. Все повернулись на них, стали приветствовать, удивляться их совместному появлению, сразу уяснив, что они – пара.

– Добрый вечер, Люда! Ты уже уходишь? – Макс оторвался от своей пассии и подошёл к ней. – Всё нормально, последствий переохладения нет?

– Спасибо, всё хорошо.

– Тебя проводить?

– Куда? Не надо, я дорогу знаю назубок, с закрытыми глазами проползу. Да и ваша дама волнуется, пора возвращаться.

– Почему опять на вы?

– Вырвалось, вы так основательно смотрите в присутствии своей ... жены?

– Мы живём вместе, о свадьбе говорить ещё рано, я не готов.

Лариса вальяжно приближалась к ним.

– Максимушка, познакомь меня с девушкой, я, что-то, её не помню.

Вот зараза, не помнит она. А кто вытаскивал вас, мадам непомнящая, из дебрей непролазной глупости, совершенно-го незнания элементарных математических основ накануне выпускных? Семиклассница Люся Градова по просьбе директрисы школы. Правда, это не помогло, образование Лариса получала платное, экзамены сдавала, вернее оплачивала всем, чем можно, что подворачивалось под руку и под одно место.

Но что это Люся так завелась? Ей-то что...

– Люда Градова. Она из твоей школы, ты не можешь не помнить её.

– Да? Люда, Люда... Нет, никаких Люд я не припоминаю. А, Люська. Та самая, твоя коллега, которая проводила за тебя уроки, пока мы с тобой ворковали, мой дорогой. Спасибо, Люся, что освободила моего Макса от такой рутины. Он же у меня – гений. – Ей, явно, доставляло удовольствие "ставить на место" крутящихся вокруг её мужчины баб.

– Не стоит благодарности, тем более что оценены мои поутуги были очень скромно. Всего хорошего!

Нет, что-то не так, совсем не так. Одно то, что Максим рассказал этой рыжей дуре, как измывался над Люсей, вывело девушку из равновесия. А то, что он ещё и живёт с ней, парадокс. О чём они разговаривают? Гений и мартышка. Хотя, для кое-чего разговоров достаточно и на уровне первобытного строя. Весь вечер она не могла избавиться от чувства брезгливости, что ли, неправильности. Макс и Лариска...

В ресторане творил полумрак. Половина бывших школьников, изрядно подпивших, кто песни пел, кто бил себя в грудь, клянясь в любви и верности, а кто и, просто, спал. В какой-то момент на танцполе остались две пары: Люся с Володей, уже переодевшимся в гражданку, и Лариса с Максом.

– Давай поменяемся партнёрами, – предложил математик. – Для разнообразия.

Люська дёрнулась, но выпендриваться не стала.

– Всю жизнь мечтала познакомиться с морским офицером. Не ревнуй, милый, – заплетающимся языком прокукарекала Ларочка.

– Люда, я не рассказывал ей ничего о тебе. Тем более, мы тогда ещё и не встречались. Что взбрело в голову этой фантазёрке? – Макс прохрипел эти слова сразу, как будто они у него на кончике языка готовились к старту и "пли"...

– Вы считаете, мне это интересно? Тем более про фантазии. Я предпочитаю сегодняшний день и планы на будущее без всяких профанаций. Одним словом, мы разговариваем на разных языках, и ценности у нас, видимо, тоже разные.

Я ценю в людях ум, честность и искренность. Ой, извините, что-то я не туда, шампанское, видимо. Как поживаете, Максим Эдуардович?

– Людмила, сейчас же прекрати. Я тебе не гуру, я – друг. Давай домой провожу, пора уже. Да и мороз под тридцать, а я на машине.

– Меня Володя проводит, для этого есть такси. И потом, ваша сожительница – Карлсон? Она живёт на крыше, и сама долетит? Карлриса. Точно, ей подходит: Лариска, у которой сносит крышку. Поаккуратнее с ней, а то нафантазирует, не разгребёте, уважаемый. Алёшкин, нам пора. Всего хорошего, Максим Эдуардович! Привет Москве.

Проклятый сапог никак не застёгивался. Володя, боясь порвать колготки, и так и эдак крутил собачку змейки, всё мимо, какая-то нелепая ситуация, страшно смущающая будущего морского волка. Люська, устав прыгать, уселась. А бравый моряк стоял перед ней, как принц перед Золушкой, и всё заглядывал в глаза девушки, извиняясь и балдея одновременно. Да он бы всю жизнь так перед ней простоял. Завтра Володя обязательно расскажет Люсе о своей тайне, о его чувствах к ней, вспыхнувших ярким огнём, теперь уже серьёзно, по-взрослому. Сегодня неудобно, они оба устали, для объяснений нужна романтическая обстановка. И он уже кое-что придумал...

– Какие шикарные сапоги, итальянские, небось, с армянского рынка? – Какой же неприятный голос у пассии Макси-

ма.

– Конечно, вам, видимо, хорошо известен ассортимент этой помойки, раз вы так хорошо разбираетесь что к чему. – Парировала Люся.

– А что тут разбираться? Всё, что не фирма (ударение на последнем слогe) – помойка. А на мне только брендовая одежда, и я могу отличить помойных крыс от благородных шиншилл. – Отбила удар Лариса.

– Ну тогда вы должны знать, что самую лучшую обувь в Москве делают именно армяне. Мне она не по карману, приходится обходиться Италией. Да и шубы из зверей, будь то крысы или шиншиллы, я не ношу. Ну что, Володя?

– Нужна свечка, – Максим стоял, держа в руке огарок. – Сможешь? – Это он моряку.

И действительно, молния поддалась. Все разъехались по домам. Алёшкин доставил Люсю до подъезда, хотел поцеловать, она аккуратно отстранилась, улыбнулась и вошла в парадное. Движение, крепкое объятие и её губы, попавшие в плен горячих, обжигающих, жадных губ... Максима.

– Ты что, обалдел? – Вот и перешла на ты. – Что ты себе позволяешь? Я, разве, давала тебе повод?

Она еле вырвалась, поняв, что её засасывает в пучину неизведанного доселе наслаждения, ноги подкашивались, сердце затихло, замерло, прислушиваясь к новым, таким вкусным ощущениям. Но мозги... Они встали на защиту разума и выволокли Люську на свет божий.

– А для проявления чувств повод не нужен. Я же вижу, как ты смотришь на меня, как реагируешь на эту дурочку, ревнуешь меня к ней, разве не так?

– Даже если и так, это не даёт тебе право, по-пиратски, не спрашивая, лезть ко мне в душу. Да ещё и в грязном подъезде. Фу...

И взлетела на этаж, где уже открылась дверь, и Алёшка орал, спрашивая, ну, где она уже там. Они с Артёмом и Риткой не пошли в ресторан, сидели небольшой компанией у Алексея, ржали, фотографировались, даже, целовались кое-кто с кое-кем. И ждали Люську. Праздник продолжился и затянулся до утра. А когда они проснулись, мама Лёшки преподнесла Люське букет шикарных гербер, красных, ярких, в зелени и такой же упаковке. От поклонника. А в нём записка: "Прости..."

Уезжала Люська совершенно в разболтанном состоянии. Макса она больше не видела, а его "возлюбленную" встречала везде. Её было очень много, и Ритка установила, что Ларка следит за Люсей. А с Максом их никто не видел. Говорили, что он с Виктором уехал в горы, оставшееся время посвятить лыжным спускам. И без пассии, которая на всех перекрёстках оповещала всех и вся, что у неё скоро свадьба, и они уедут куда-то туда, на крышу к Карлсону.

Володя, всё-таки, сделал ей предложение, но зная, что ей нет ещё восемнадцати, разрешил себе подождать ответа, лучше положительного. Он очень красиво украсил беседку

на даче родителей, расставил свечи, развесил огоньки, включил музыку. И снег, белый-белый, нетронутый, довершил волшебство. Ритка обзавидовалась, даже всплакнула от такой романтики, да в наши дни, но строго предупредила подругу о непростой судьбе жён моряков. Только любовь может цементировать такие браки, только любовь. Чего она Люське и желает.

– Я пока только учусь, Люся, – срывался голос Володьки. – Ещё три года буду жить в Питере. А там – неизвестно куда пошлют. А сейчас есть возможность приезжать к тебе, а тебе – ко мне. И если согласишься на моё предложение, я могу походатайствовать о месте службы в самом городе, мне уже предлагали. И не надо будет никуда уезжать, ведь хорошо?

– Дело не в этом. Я, как раз, не боюсь переезжать, с детства этим занимаюсь. Мне очень лестно твоё предложение, но я совершенно не вижу себя твоей женой, да и ничьей, вообще. Мои грандиозные планы не обременены свадьбой на ближайшие пять лет. Ты мне очень нравишься, но это не про любовь.

– Люся, я сказал своё слово, не смог промолчать. Извини, если что не так.

– Да всё так, очень красиво и необычно, просто чудесно. Но кольцо я не возьму, считаю это нечестным и ненужным, пока.

– Всё-таки, пока? – Цеплялся Алёшкин за появившуюся надежду.

– А кто знает наперёд свою судьбу? Но если ты встретишь другую девушку и поймёшь, что она важнее меня, я не обижусь, честное слово.

– Люська, какая ты замечательная, настоящая, я всё равно буду ждать твоего ответа. И звонить. Можно? А кольцо – твоё, я учёл все тонкости: и год, и знак Зодиака, и даже черты характера. И оно именно, Люськино, в любом случае, ни к чему не обязывающее. Не возьмёшь, обижусь. – Одед и поцеловал девушке руку. – Я его зарядил своей энергией, оно будет тебя хранить.

Ну вот почему так? Такой хороший парень, умница, будущий военный врач, косая сажень в плечах, настоящий русич, светло-русый, сероглазый, обаятельный и такой почти родной, а у неё, Люды Градовой, на губах горит ожог от поцелуя совсем чужого человека. Или нет? Ведь ей действительно никто не нравится, и уже год как снится голубоглазый математик в расстёгнутой рубашке и торчащими из неё чёрными волосками...

До её города не было прямого маршрута, поэтому до Москвы она ехала поездом, а потом решила полететь самолётом. Может дома сможет вылечить этот ожог, избавиться от вкуса губ Максима, извести на корню все цитрусовые запахи. До авиарейса оставалось почти пол дня, поезд в Москву приходил рано. Люся никого не хотела видеть, никому не сообщала, планировала погулять немного по городу, поразмышлять. И первое, что она увидела при выходе из вагона

был он, Максим Эдуардович собственной персоной.

– Привет! Не удивляйся. Мне позвонил Виктор, попросил встретиться и проводить на самолёт. Он сказал, у тебя большой багаж, и помощь не помешает.

– Для этого есть носильщики. Что за глупость. Не утруждайтесь, Максим...

– Люда, я уже здесь. – Он перебил её, чтобы не услышать это пресловутое "Эдуардович". – Нет смысла не воспользоваться моими силами, тем более что я сегодня уже всё равно не попаду на работу. Давай!

Сгрёб Люськины пожитки, отправил её вперёд, чтобы не потерялась, была в поле зрения, и очень быстро всё провернул. Она даже кофе не успела допить.

– Зачем купила эту гадость? Выброси. – И сам отнял недопитый стаканчик и выкинул. – Мы сейчас, первым делом, пойдём в чудное кафе. Тебе понравится, я уверен.

– А в чём вы ещё уверены, Максим Эд...

– Люда, ну хватит. Я виноват, не сдержался. Но меня можно понять, когда такая красота рядом. Неужели ты не знаешь, что ты очень красивая? И будешь расцветать и дальше, ведь тебе только семнадцать.

– Похоже, вы в этом разбираетесь лучше меня. Или уже разобрались? Ваша невеста трубит на весь город о вашей свадьбе, а вы о чужой красоте тут распинаетесь.

– Лариса бежит вперёд паровоза. В моих планах нет никакой свадьбы. Пока.

Люська вспомнила про "пока" с Володей, и ей стало совсем нехорошо, нечестно, как-то. Надо заканчивать с этим.

– Куда она там бежит или взлетает на крышу, забрав с собой малыша, видимо, Максимчика, мне параллельно, господин математик. В данный момент, меня интересует диагональ метро поближе к аэропорту. Я лучше там посижу, и в кафе схожу, и по периметру погуляю. Без вас.

И направилась обратно в камеру хранения, чтобы больше уже не возвращаться на вокзал. Но Макс за ней не пошёл. Задача совсем запуталась, вопросы наслаивались один за другим, а ответы... Ну зачем выпендриваться? Неужели нельзя дать волю чувствам, погулять, пообщаться, попить, поесть, а потом уже решать, что да как? Нет, надо сделать ещё хуже, когда уже и так нехорошо! А с другой стороны, каким чувствам? У него есть крыска Лариска, они живут вместе, пусть даже не расписаны. Сейчас многие так делают. Нет, правильно, марш гулять по периметру.

Не пришлось – квитанция на багаж осталась у Максима. А без неё получить чемоданы проблематично. Ну уж до отлёта точно не получится. Кошмар! Один выход, звонить Ритке.

– Ритуль, я попала. – И рассказала свою эпопею. – Звони Витьке, или сбрось его телефон.

Добрые волшебники, чёрт бы их подрал.

– А Витьки нет, он ещё не вернулся. Не дрейфь, я найду телефон Максима, тем более что его мадам ещё здесь. Запускаю агентурную сеть. Будь на связи, проверь зарядку. Не

прощаюсь.

И точно, телефон на грани. Люська пошла искать возможность подзарядится. Да и самой не мешало бы, кофе-то у неё экспроприировали. В большой кафешке, напоминающей столовую, ей разрешили подключить телефон за внушительную купюру и принесли кофе с бутербродом, сделанным для участников Куликовской битвы. И правда, какая гадость, эта ваша заливная рыба. Люська, хоть и была голодная и злая, но впихнуть в себя "это" даже не дёрнулась. Напротив, на лавочке, сидела женщина, явно, бомжиха. И смотрела на хлеб с сыром, как на бутерброд с икрой.

– Вы хотите есть? Возьмите, пожалуйста. Я не буду, аппетит пропал.

Та подскочила, схватила Люськин завтрак, буркнула пол спасибо и уметелилась. Зазвонил телефон.

– Люсь, этой звезды нигде нет. Наверное, уехала. И Витька не отвечает, там, в горах, плохо ловит. Но я ищу. Всё будет хорошо, жди. И знаешь, подай всё-таки заявление об утере. Если что, вернёшься к нам, а через время, когда всё будет улажено, спокойно уедешь.

Люся вытащила зарядку, потянулась за сумкой и увидела в дверях столовой бомжиху с её сумочкой, ухмыляющуюся во весь свой беззубый рот. Она заорала, сорвалась с места, ну куда там. Эта королева подвалов и звезда воровских представлений растворилась в мгновение ока. От обморочного состояния Люську спасло умиротворённое зрелище: Лариса

поправляла Максу шарфик, целовала его, что-то нашёптывала в ушко. И он чмокнул её, обнял одной рукой, а второй уцепился за увесистый чемодан. И они пошли. И это уже был сам батюшка шок... Люська превратилась в столб, язык проглотил все буквы, она даже забыла про квитанцию... Вернул её в реальность страж порядка, прореагировавший на её крик. Дальнейшее неинтересно, и вспоминать даже противно. Но ребята линейного отдела помогли сдать билет на самолёт и отправили её ближайшим поездом обратно к Ритке, предварительно оформив все бумажки. И когда Люся уже подъезжала к своему городу, пропиликал звонок с чужого номера.

– Я вас слушаю.

– Люда! Ты где? Я только обнаружил эту чёртову квитанцию. Вот я дурак.

– Вы не ошиблись номером, дурак? Не имею никакого желания выяснять кто вы и что вы. Я вас не знаю.

Он ещё несколько раз звонил, пока она не убрала его в чёрный список. А почерневшая душа истекала лимонным соком, ранки пощипывали, непонимание и смятение выворачивали её, эту душу, наизнанку...

Второй раз Люсю проводили до самого трапа самолёта. Витька и Ритка. Он по пути домой приостановился в Москве, специально дожидаясь подружку. А Ритка просто так, в столицу, пошариться по рынкам и бутикам. В линейном участке растяпе отдали найденную сумку, только без денег и всякой

женской мишуры. Главное, документы на месте. И кольцо, запрятанное в потайном кармашке. Она одела его и решила не снимать никогда. А может и правда, оно убережёт её от передряг и разочарований...

И берегло. Ровно до того момента, когда она оказалась в Питере, приехав на выпуск молодых лейтенантов флота, в том числе и Владимира Алёшкина. Зачем? Она и сама не знала. Закончив четвёртый курс, Люся уже чётко наметила, где будет работать. Когда после школы она подала документы в строительный институт и пришла на встречу с кураторами, одна их них вызвала на разговор абитуриентов, живущих в районе железнодорожного института, ну и тех, кому интересно что-то новое. Люська и жила в пятнадцати минутах ходьбы от альма-матер. В результате пять человек оказались студентами института ж/д транспорта на таком же строительном отделении, даже лучше. По окончании в дипломе у них будет две специальности: инженер путей сообщения – инженер-строитель. Очень сложный по учёбе и разнообразный по месту приложения полученных знаний факультет. Так и получилось – кто-то работал на ниве зодчества, а кто-то уходил на железку. И эти последние, как правило, оказывались на плаву гораздо чаще, чем первые. А у Люси вообще бомба, она будет работать в конструкторском бюро большого концерна, занимающегося проектированием и возведением сопутствующих железной дороге зданий и объектов. Во как! Но недаром же она считалась лучшей из лучших, смело при-

нимала участие во всяческих конкурсах и олимпиадах, выигрывала и получала возможность создать что-то своё. Конечно, была замечена и приглашена, сначала, на практику, а потом и на работу. На неё уже был принят адресный запрос.

А Володя всё ждал. Даже мама с папой поглядывали на неё косо, ну чего морочит парню голову? Вот и решила она поговорить и расставить все точки над "и". Но такие вещи надо решать с глазу на глаз. А что решать? Она ни за что не упустит шанс поработать в перспективном и интересном месте. Короче, нужно определяться, хочешь – не хочешь.

А в Петербурге – белые ночи. Весь вечер, сразу после приезда, и всю ночь они с Володей гуляли, забыв о времени. До этого не виделись почти год. В августе прошлого он приезжал ненадолго, проводил Люсю в настоящую геологическую экспедицию, в которую она долго и упорно напрашивалась, захотелось посмотреть воочию на поиск полезных ископаемых. А напряжённый последний год, со стажировками, сложными экзаменами и практиками не позволили Алёшкину вырваться. И Люся на зимних каникулах опять была на очередной выставке, проводила дни открытых дверей и чёт знает что ещё. И вот, глаза сияют, эмоции зашкаливают, рот не закрывается... Что это? Им так хорошо вместе, сердца бьются в унисон, хочется рассказывать, делиться, открывать свои самые сокровенные уголки души, и слушать, слушать другого... И уже, катаясь на первом утреннем катере, Люся уснула, замотанная в плед, уютно свернувшись в руках Во-

луди. Ночь в пути и вторая без сна сделали своё дело.

– Господи, я всё проспала. Ничего не посмотрела. Вот сонная тетеря.

– Люся, да мы ещё сто раз покатаемся с тобой. А сейчас я отвезу тебя к своей тёте, она уже ждёт. Надо подготовиться к завтрашнему торжеству. Я вернусь вечером, и мы всё обсудим.

– А это удобно? Я же тебе никто. Сколько твоей тёте лет?

– Пятьдесят. И она – мой самый лучший друг. И про тебя знает, давно уже.

– Я ещё немного посплю и пойду гулять, не буду ей мешать. А твои родители когда приедут?

– Завтра, рано утром. Люся, не заморачивайся. Ты у меня самая красивая, самая умная и самая родная и близкая. И мне очень приятно, что ты носишь моё кольцо. – И поцеловал ей руку, а потом и щёчку, а потом и губы, нежно, словно изучая их изгибы.

– Володя, неудобно, в такси. Я так не хочу.

– Я понял. Отложим до вечера. – И улыбнулся, как будто зажглись сто свечей одновременно, так светло.

Тётка, Римма Ивановна, оказалась женщиной приятной наружности бальзаковского возраста. Невысокая, полноватая, без единой морщинки. Улыбнувшись одной стороной лица, приняла Люсю с рук на руки. Накормила, отправила в душ, уложила спать. И всё выведала: кто, откуда, зачем и почему. Осталась довольна увиденным и услышанным, ушла

на работу, оставив девушке ключи от квартиры.

Люська проснулась с чувством "как у себя дома"...

Прогуляв до вечера, она уговорила Володю прокатиться ещё раз по Неве. Если он не устал, конечно. Чего-то подобного он и ждал, любознательная натура его Люськи не могла успокоиться, пока она не вернёт пропущенное утром. И зрелище, и сорвавшийся поцелуй. И встретившись около Петра, они вцепились друг в друга, не стесняясь и не обращая внимание на прохожих. Морской волк, широкоплечий и ладный, настоящий русский богатырь со светлыми волосами и ясными глазами, и девушка с чудными, чисто серыми, длинными и волнистыми кудрями, стройная, на каблучках, пытающаяся обхватить своего героя руками, пока он сам ни оторвал её от земли и ни зацеловал. И потом, на кораблике, где они уселись в углу последнего диванчика, до них дошло, что никто и не смотрит ни на какие достопримечательности. Люся с Володей были не одни такие на этой лодке любви...

В большой квартире места хватило всем. Даже рано приехавшие старшие Алёшкины улеглись на пару часов в спальне тётки, которая уже встала. А потом и Люся тоже. В гостиной на маленьком диване прикорнула какая-то девушка, а Володя сопел на большом.

– Доброе утро! Все уже в сборе? – Спросила, тихонько войдя на кухню.

– Люся, перепугала. – Дёрнулась Римма Ивановна. – Проходи, я как раз кофе сварила, хотела идти тебя будить. Сядь

уже.

– Что-то случилось? – Спросила девушка, учуяв в голосе тётки тревожные нотки.

– Даже не знаю, случилось или свалилось на голову. Прямо, язык не поворачивается это сказать. – Она внимательно посмотрела на Люську, подошла, обняла. – Скажи, вы что-нибудь решили уже с Володей?

– Что именно вас интересует?

– Ты хочешь сказать, какое мне дело? Да? И будешь права. Но тут такое ... – Она не успела договорить, на кухню вошла мать Володи с видом, минимум, герцогини.

– Доброе утро, милая девушка. Это хорошо, что вы проснулись, не придётся долго объяснять. Мой сын спит крепко, и, если вы покинете этот дом тихо, без истерик, он и не проснётся. И мы избежим ненужных сцен. Надеюсь, вы поняли меня?

Люся во все глаза смотрела на эту женщину. Она видела её не первый раз, но, чтобы так? Совсем другой человек.

– Вы выгоняете меня? Чем же я заслужила такую немилость, я могу узнать?

– Конечно. Мы привезли с собой невесту Володеньки, беременную, волновать её нельзя, вы же понимаете. Я очень рассчитываю на вашу порядочность, зная ваших родителей.

Почему-то упоминание о родителях очень задело Люську. Она встала, посмотрела на молчащую Римму Ивановну, не получила поддержки и вышла их кухни, так и не притро-

нувшись к кофе. Оделась за секунду, схватила сумку, она её и не распаковывала толком, остановилась около Володи, задержав свой взгляд на секунду, и ушла, оставив за собой незакрытую дверь. А вдруг, хлопнет, разбудит моряка и его невесту, ждущую ребёнка и которую нельзя волновать. И пока спускалась, её, эту дверь, так и не закрыли. Может, надо было вернуться?

Торжественное событие начиналось в десять на плацу военной академии. Володя успел рассказать, где, что и когда. Но как пробраться туда? Она уже купила темный парик под каре, тёмно-зелёный брючный костюм, шляпку-канане, очень идущую ей в этом парике и гармонирующую с отделкой под некрашенный лён и такой же сумочкой. Очень даже живенько. Под проходной она познакомилась с женщиной, которая чуть не плакала, ожидая своего мужа, где-то застрявшего. А время поджимает, опаздывать нельзя, оба пропуска у неё. Вот так Люся и попала, уцепившись за эту тётку, муж которой оказался уже внутри. Та даже не спросила, зачем, будучи благодарной за поддержку.

Алёшкиных не заметить было нельзя. Колоритные родители, невысокая тётка и черноволосая, с Володю ростом, долгоязая дивчина. Она так и выглядела, как будто приехала из украинского села, забыв переодеться. Но внешне очень даже, с пышными блестящими волосами, голубоглазая и улыбкавая. А вот Володю Люська не могла найти никак. Он должен был стоять точно с боку, в передней шеренге, обладая

ростом богатыря. И только когда на трибуну пригласили первого выпускника с речью в адрес преподавателей и начальников-наставников, она увидела его. И если вчера его глаза полыхали и светились счастьем и от встречи с Люсей, и по поводу окончания учёбы, и от возможности ощутить себя нужным и в личном, и в служебном плане, то сегодня перед ней стоял служака до мозга костей, угрюмый мужик с лицом без эмоций... Невеста зааплодировала, захихикала, обращая на себя внимание, мол, смотрите, это мой, это мой. Люське стало противно, и она поспешила на выход. И уже у самой проходной её поймала Римма Ивановна.

– Я была уверена, что ты придёшь. И что постарайся себя видоизменить, догадывалась. Поэтому и узнала. Правда, не в толпе, а когда ты стала продвигаться против течения. Пойдём выйдем.

Люся молча продефилировала через проходную и отправилась напрямиком в кафе напротив: позавтракать так и не удалось, а уже обед скоро. Она не оборачивалась, ей было всё равно, идёт за ней тётка или нет. Но та шла, след в след. От еды она отказалась, попросила воды и смотрела на девушку, жующую круассан, как резину.

– Он не знал. Для него это сюрприз.

Люся молчала.

– Она – дочка друзей родителей. Её отец, владелец целой сети автомагазинов, а мать – директор большой трикотажной фабрики. Там есть всё, нет только зятя. И они запали

на нашего Володьку. Но ты пойми, девочка, он столько лет ждал тебя. При этом, молодой мужик, не импотент. Конечно, бабы у него были, но только для секса. Он сам мне говорил, что ничего никому не обещал. Просто удовлетворял свою похоть. Ты извини, что я так с тобой разговариваю. Но мы уже взрослые девочки, ведь да?

– Если вы хотите знать девочка я или нет, то я вам доложу: в свои 21 год я всё ещё девственница. И откуда берутся сюрпризы у дочки друзей родителей, я даже не догадываюсь. Наверное, ветром надувает. Спасибо за информацию. Не надейтесь, я не сдохну, выдюжу. А Володе такая и нужна, дивчина. Чтобы к ноге, чтобы детей рожала, чтобы благодарна была и ни в чём себе не отказывала. А я зарабатываю сама, материально ему не помощник, да и дел по горло. Что не делается, всё к лучшему. Прощайте.

– Зачем ты так, Люся!

– А, да! Передайте, что я желаю ему семейного счастья и здоровья, и его будущей жене и детям тоже. И ещё. Верните ему вот это кольцо, оно больше меня не спасает. Может, подойдёт его невесте? Вот теперь, точно, прощайте.

– Люся, подожди, вам надо поговорить. Люся, ты потом будешь жалеть об этом. Остановись, девочка.

А она уже неслась в сторону аэропорта. И к ужину была дома. Люська забыла включить свой телефон, вырубив его ещё утром. Бедные родители не знали, что и думать, когда поняли, что Володя Алёшкин ищет их девочку. И ещё боль-

ше расстроились, когда поняли причину этой потери... И поэтому, увидев, что их дочь опять собирает чемоданы, не удивились. Ведь новоиспечённый лейтенант мог приехать в любую минуту, а Люся этого и боялась. И убегала, куда глаза глядят, как выяснилось, в стройотряд. Ей надо было разобраться в себе. И Алёшкину она уже не верила, что-то не срасталось. Или она слишком многого требует?

А он, узнав от тётки, что Люська была в академии, получив в подарок "волшебное" кольцо, ближайшим рейсом улетел в тёплые края, послав к чёрту и невесту без места, и родителей, и ресторан... Праздник не удался! Но и дома Володя Люсю не нашёл и искал её на вокзале, в институте, у знакомых и друзей. Звонил Ритке, подключил своих друзей на случай появления девушки в родном городе. Переночевал в гостинице и пришёл к родителям своей любимой с серьёзным разговором.

– Я люблю только вашу дочь. Даже, если подтвердится моё отцовство, это ничего не изменит. Мы не успели толком поговорить, обсудить наши планы, наше будущее. А сейчас мне надо уезжать, я всё бросил, загремлю на гауптвахту по полной катушке. Очень вас прошу, сообщить мне Люськино местоположение. Я и сам буду продолжать её искать, но вам-то она точно отзвонится. Нам надо поговорить, я должен исправить последствия нелепой ситуации, объясниться. Простить себе не могу, что проспал всё на свете, потерял бдительность на фоне безмятежного счастья...

А Люся, как почувствовала, звонила каждый день, но где она, с кем, и чем занимается, не сообщала. Отец орал, мама плакала, а их дочь твердила только одно: мол, взрослая, не пропадёт, не хочет нагружать своими проблемами. Навивная, уже через три дня, кое-как уладив свои дела, в сторону расположения студенческого отряда строительного института летел на крыльях любви и надежды Владимир Алёшкин, лейтенант медицинской службы, получивший распределение на север. Он так мечтал об этом, был горд, что всё свершилось по его сценарию. Теперь его мысли и поступки были подчинены только одному – вернуть Люсю, повиниться, убедить в своей любви. И тут никакие сценарии не помогут... Только любовь...

Будущая великая проектировщица сразу заинтересовалась возведением большого привокзального комплекса, взяв на себя обязанности прораба. Уже на третий день взрослые мужики, страшно матерящиеся и чересчур опытные, поняли, какой грамотный специалист попал в их пенаты, хоть и девчонка. Конечно, практических знаний ей не хватало, но в купе с ними могло что-то получиться. А когда она с трёх раз забила костыль, просто грамотно располагая инструмент, под разными углами, Люську зауважали. Свой парень. Одно не состыковывалось – мат. Его девушка не выносила ни под каким соусом, мало того, она сразу терялась, переставала соображать. И именно, на третий день и случился скандал, по-

сле которого уже Люся смотрела на мир под другим углом.

С утра строители железки остались без материалов. Не подвезли. Прошло часа два, а Люся всё разбиралась с деревяшками для возведения лесов. Они пришли, но отличного качества, никак не для временных конструкций. Работа стояла и здесь. За простой никто платить не будет, и рабочие стали роптать. И интересное дело, никакого начальства, кроме студентки, на площадке не наблюдалось. Что делать? Люся отправила часть на разбор взорванного старого здания, а другая часть, буквально, за час перегрузила хорошее дерево на склад. И всё. Уже к обеду они стали выказывать своё недовольство, не стесняясь в выражениях, трёхэтажный мат стоял над стройплощадкой. Люся, зажав уши, продвигалась в сторону сторожки, чтобы связаться хоть с кем-нибудь. Но мужики, накрученные до предела, решили, что и.о. прораба не хочет их видеть и слышать. Чистоплюйка городская.

– А ну, мужики, что это она, удирает? Уши заткнула ...
– Непереводимый русский фольклор полился уже в сторону девушки.

Один из старых рабочих, аксакал, так сказать, перерезал ей дорогу, оторвал руки от ушей и затолкал на ж/д платформу.

– Куда это ты? Простой на твоей совести, из своего кармана будешь платить... и... и...

Гомон усилился, её окружили, претензии в матерном виде накручивались, как снежный ком. Люся попыталась объ-

яснить, что она, как раз, по этому поводу и хочет связаться с центральным пультом. Но куда там, её голос потонул в море грубых, мужских выкриков. Она растерялась, ей становилось не по себе. Студенческая братия в этот день уехала на другой объект, а два куратора – в ближайший город. Помощи ждать неоткуда. Но не убьют же они её? Она собрала все свои силы и заорала, жестикулируя руками.

– Всё было заказано ещё до меня. У вас есть старший, он должен был проверить исполнение и сопроводить. Где он? Спрятался?

Со стороны дороги к ним бежал какой-то человек. Все головы повернулись в его сторону и, воспользовавшись этим, Люська дёрнула в сторожку. Вот попала, так попала. Не о таком она мечтала в тишине читальных залов и галереях выставочных стендов. Только бы не разреветься...

Снаружи установилась тишина. Девушка напряглась, в трубке слышались отрывистые гудки, ситуация аховая. И воды в кулере нет. Да что происходит?

Открылась дверь и на пороге нарисовался... Макс. Максим Эдуардович собственной персоной.

– Вы здесь начальство? Почему с вами невозможно связаться? – Он сильно дёрнул Люську за руку, она даже вскрикнула. – Люда? Ты?

– Силу некуда девать, Максим Батькович? Добрый день, во-первых. И я не начальство, практику прохожу, опыта набираюсь, во-вторых.

– Да, здравствуй. Но я никак не ожидал увидеть тебя здесь. И...

– И, если бы вместо меня была другая женщина, то такое обращение нормально. Что вы хотели? Вы же по делу?

Он смотрел на неё, как на инопланетянку. Кого-кого, но увидеть её среди грубого мужского стада... Вот уж воистину, чудны дела твои, господи. Тоненькая, запакованная в грубый комбинезон, в платочке, скрывающем красивые волосы, с глазами на пол лица, среди серых туч всполохи молний при каждом проявлении эмоций. Хороша Люся, Люда, Людочка...

– Градова, я очень рад тебя видеть. Честно. Просто удивлён, даже поражён. Зачем тебе это? Насколько я знаю, тебя ценят как великолепного проектировщика, так сказать, генератора идей?

– Послушай, Максим. Мне сейчас не до разговоров. Связи нет, начальство вымерло, мужики ропщут. Ещё этот мат, уши пухнут. И воды нет, кошмар. А я третий день всего, толком ни во что не вникла. Так что ты хотел?

– Сейчас обед, отправляй своих в столовую. А мы поедem разбираться. Давай, Люда, побыстрей!

В машине Макса работал кондиционер, бутылка с водой в дорожной сумке-холодильнике, в термосе – кофе. Так можно жить. И странно, появление Макса не сильно её удивило, не вызвало особенных проявлений чувств. И Люся поняла, как она просто банально устала за эти несколько дней, и фи-

зически, и морально. И правда, на черта ей это? Что она кому хочет доказать? Себе? Ну да, и уже не отступится. Она прикрыла глаза и задремала, размякнув в комфорте.

Красивая, милая, дорогая сердцу и душе Максима, девочка. Запылённая, ручки без маникюра, пальчики длинные, дурацкий платочек. И всё равно, Люда Градова, его наваждение и отрада. А вкус того поцелуя... Вот бы ...

Он чуть не цапнул обочину. Девушка встрепенулась.

– Долго ещё? Бардак и махновщина, какая-то. А ты как здесь? Спустился из космоса на грешную землю?

– Как раз, наоборот. Нам на новый космодром нужна современная ж/д ветка. Вот и приходится сотрудничать с вашей епархией-анархией. Наверное, придётся менять подрядчика, не успевают они за нами. Может, ты порядок наведёшь? Как живёшь, девочка? – Вопрос прозвучал неожиданно.

– Я? – Люся подняла удивлённые глаза. – А ты? Справляешься с ролью отца?

Она знала, что Макс и Лариска поженились, что у них растёт сын, что Ларка сидит дома, при наличии няни, и ведёт божемный образ жизни, тратя хорошие заработки мужа на всякую шелуху. А он работает, днём и ночью, в Москве бывает редко. Ритка была уверена, что любви там никакой нет, и что Макс – тряпка, а не мужик, но очень умный. Ну а ей, Люське-то, какое дело?

– Да нет, конечно. Если бы сидел в офисе, в городе, толку

от меня было бы больше. А так, только скуучаю.

– И по жене? Она же могла жить с тобой здесь, как жёны военных. Тем более, пока ребёнок ещё маленький.

– Именно потому, что он малыш, она и не хочет. И хватит об этом. – Довольно жёстко закончил молодой папаша.

Люська надулась, отвернулась. Да ради бога, хватит так хватит.

– Ты не ответила, как ты?

– Не ответила, значит не посчитала нужным. – Жирная точка поставлена.

Весь оставшийся день она согласовывала, решала, находила выход, успокаивала, даже орала. В школу, где поселили стройотрядовцев, доплелась почти в полночь. А в шесть надо быть уже на объекте. Темнота и тишина в помещении удивили. Спят, что ли? Но в комнате девочек никого не было, и у пацанов тоже. Она, что, одна? А кураторы? Стало жутковато, в пустых помещениях от её шагов расплзлось гулкое эхо. Ну что ж, одна так одна. Сначала в душ. И уже там она услышала скрип двери и шарканье обуви. Быстро одевшись, потихоньку выглянула. В проёме двери стоял богатырь, в джинсах и майке-боксерке, выпуклые мышцы, крепкая шея, косящая сажень в плечах. Конечно, она сразу узнала Алёшкина.

– Ничего не понимаю, где люди? – Сам у себя спросил он. – Люся? Спит, наверное, уже. – И прошёл в комнату.

Она растерялась. Прямо, как в сказке: налево пойдёшь, кровать найдёшь, направо – разборки начнёшь, а прямо – на

выход попрёшь. И повернула направо.

– Здравствуй, Володя! Зачем пожаловать изволили?

– Люся, девочка моя! Ты здесь? Нам надо поговорить, ты всё неправильно поняла. И я...

– И ты попытаешься объяснить, что детей находят в капусте, или их аист приносит. Или аист приносит прямо в капусте. Вот веришь, сил нет никаких. Мне рано вставать. И уж если ты приехал, давай отложим до завтра. Тебе есть где переночевать? Можешь спать здесь, вон та кровать свободна. Спокойной ночи.

Она юркнула в свою постель и отвернулась. В душе боролись два противоположных чувства, исключаящих друг друга – любовь и ненависть. Но любовь ли? Сон как рукой сняло. Шум воды в душе, поскрипывание кровати, сопение и аромат мужского парфюма будоражили, не давали покоя. Люська повернулась и прямо перед носом увидела несчастные глаза моряка. Он сидел перед её кроватью на полу, когда успел перебазироваться, она и не поняла. Подскочила, вылипла глаза и ойкнула.

– Ты меня испугал. Чего не спишь? – Люся опять подивилась своей реакции, лучшим вариантом было бы сначала поцеловать его, а потом убить.

– Спать? Когда ты рядом?

– В Питере у тебя это очень хорошо получалось!

– Подожди, не заводись. Я знаю, что виноват. Понимаешь, это с детства, крепкий сон. Мама мучалась со мной, когда

будила в школу. И только в академии я смог переделать себя, тревоги и ранние пробудки сделали своё дело. А дома, уложив тебя, я ещё долго любовался своей Люсенькой, такой хорошенькой, такой родной. И улёгся в состоянии безмятежного счастья, что и вызвало такой же безмятежный сон. Ну прости меня, Люся, прости. – Голова скатилась на грудь, он затих, тяжело дыша.

– Володя, а ребёнок чем виноват? Ему тоже нужно просить прощения, что он уже почти есть? Перед кем, перед тобой? Ты его не звал, будьте любезны на выход? Так получается? – Эмоции взвились, Люську затрясло, она вскочила, пытаясь напиться воды.

Стакан бил по зубам, пижамка промокла, ноги заледенели...

Алёшкин стоял сзади, прибитый такой реакцией, понимая, что возразить нечего. Он аккуратно отобрал стекляшку, повернул девушку к себе лицом, приподнял, крепко обнимая, и прижал её голову к своему плечу.

– Тихо, Люсенька, тихо. Т-шш... т-шш. – Успокаивал он. – Ребёнок, если мой, моим и останется. Но его мать никогда не будет моей женой. И те полпраза, которые у нас с ней случились, этому ребёнку много радости не принесут. Мы оба были под градусом, я толком ничего и не помню. Никаких обещаний и признаний она не получала. Да я её всего второй раз увидел в тот день, в тот ужасный день моего выпуска. Сколько планов было построено для тебя, сколько

развлечений и поездок... Ну всё, Люся, успокойся. Давай, я тебя укачаю, а завтра мы поговорим уже серьёзно. Давай?

Люська ощущала себя половой тряпochкой, выкрученной, а потом и высушенной. На душе было погано. Она ухвати-лась за шею Володи, уткнулась ему в плечо, и он, перехватив поудобнее, стал раскачивать влево, вправо. Она быстро уснула, даже мокрая пижамка не помешала...

Оказавшись свидетелем этой встречи, Макс улепётывал так, что пятки влипали ему в одно место. Потянуло его к ней, видите ли... Да кто он такой? Сколько лет прошло? Ты, Максимушка, Малыш – чужой муж. И отец маленького мальчи-ка. Будь здоров, не кашляй. И не лезь в жизнь Люды, Люд-милы Градовой!

Утром она проснулась одна. Приснилось ей всё, что ли? И где стройотрядовцы? В комнате преподавателей раздавался храп. Ну, хоть эти появились. И Люся отправилась улучшать мир.

Володя нарисовался к обеду, одетый, как все рабочие, в комбинезон. Что за новости?

– Принимайте на работу, грубая рабочая сила готова. – Он улыбался во все тридцать два. – Обозначьте фронт работ, огласите весь список, пожалуйста.

– Какой список, Алёшкин? Тебе, разве, в Питер не надо?

– У меня отпуск, как хочу, так и проведу. И вы, прораб

Люся, мне не указ. Работу давай! – Залихватски закончил он.

– Да, пожалуйста. Сколько угодно.

Оставшийся кусок дня Люська всё посматривала в его сторону. Ловко орудуя лопатой, кувалдой, ломом, он выделялся из общей массы. Ладный, сильный, без усталости махающий инструментами, Алёшкин привлекал к себе внимание. И девочки-студентки, вернувшиеся к своим обязанностям, это внимание ему и дарили. Причём количество внимания явно превышало число рабочих моментов. Они крутились, вертелись, водичку подносили, и попить, и умыться, обращались за помощью, только что в штаны к нему не залазили. . . . , и она поняла, что ревнует, самым банальным образом. А памятуя о его сексуальных утехах, ни к чему не обязывающих, прибавилось ещё и раздражение. Всё это в купе не давало спокойно работать, голова то и дело выкручивалась в сторону моряка, сердце ухало, рискуя потерять своё законное место, душа терзалась в сомнениях. Надо поговорить, на-до!

Решив не оставаться допоздна, Люся брела на выход. Приняв душ, организм требовал горизонтального положения. Да и этого мачо нигде не видно, долетали только взрывы смеха и пение где-то далеко, похоже в районе гостиницы. Там и кафешка была, и даже танцевальная площадка. Сходить, что ли? Ну не спать же идти, хотя очень хочется.

Алёшкин сидел за столом кафе, девчонки вокруг, пацаны играли на гитарах, кто-то пел. А морской волк рассыпался в любезностях, глаза сияли, рот растягивался в улыбке, жизнь

прекрасна и удивительна. Вот и поговорили. И Люська отправилась восвояси, никем не замеченная. Ноги сами донесли её до берега озера. Она давно хотела сходить, узнав, что местные купаются в нём, и даже, дети. Тем более, что никого не было, а Люська без купальника. Водичка своими ласковыми объятиями обняла её, балдёж... Рядом что-то плесканулось. Рыба? Девушка перевернулась и увидела выплывающего перед ней Максима.

– Привет! Я каждый вечер сюда приезжаю. Иногда, даже ночью, если много работы днём. Местные верят, что вода в озере в определённые дни бывает живой, а в другие – мёртвой. Причём, каждый год эти даты разные. Сегодня – живой лист календаря. Я, конечно, не верю, но всё-таки.

Он сражу заметил, что Люся прикрывает свою грудь рукой и пытается подгрести к берегу.

– Не выходи, плавай, я на ту сторону. – И уплыл.

Люся так и не поздоровалась от неожиданности и пикантности положения. Но поплавать очень хотелось, и она, махнув головой, мол, поняла, расслабилась и опять разлеглась на воде, как морская звезда. Стало темнеть, проявилась луна, круглая, оранжевая, отразилась в воде, нарисовав дорожку. Класс...

А Максим, тихонько проплывая мимо, чуть не задохнулся от чудесного зрелища: через воду, немного искажая, просвечивала фигурка девушки, тонкие ручки, длинные ножки, животик, то заливаемый водой, то вынырывающий, и грудь,

красивая, круглая, как половинки шара, с ярко выраженными кружочками, в середине которых розовые сосочки, бесстыже торчащие вверх, набухшие от прохладной воды и обдувающего их ветерка... Как не утонул...

Уже с берега он позвал её, становилось прохладно. Отвернулся, она вышла, оделась, схватилась за его руку, поскользнувшись на траве.

– Вот здорово. Каждый день буду сюда приходить. Только ты оповещай меня о неживых днях, а то ещё превращусь в мертвую царевну. Что тогда?

– Я тебя расколдую, просто поцелую. – И сжал её руку. – И сам отомру. А то живу, как марионетка, позволяю дёргать себя за верёвочки. Только работа и спасает.

Люська вытаращила глаза, высвободила руку, но оторваться от его голубых омутов не получилось. В них было столько боли, столько тоски, они вопили о помощи, о вере, надежде, любви. Она поняла это чувством, название которому ещё не нашли. Ей показалось, что она видит его насквозь, что душа этого человека, сильного, умного, такого красивого, пуста. Просто воздушный шарик, с верёвочкой...

Её потянуло к нему со страшной силой, всё женское, и начало, и конец, вопило о желании зацеловать Макса, заполнить его всего, утолить своё естество, получив этого мужчину в свои владения! И он, как почувствовал, прижал Людочку, прошёлся губами по щекам, шейке, по плечам. И, поймав губы девушки, нежно-нежно прикоснулся к ним. Оторвался,

заглянул в милые глаза, опять поймал и уже целовал, получая удовольствие и отдавая его ей, отпускал, снова ловил, пока не впился, жадно и страстно, потеряв ощущение времени и пространства...

И это было совсем не то, что Люся ощущала на кораблике, плывущем по Неве...

Господи, на кораблике. Что она делает? Ведь этот человек отказался от неё, когда-то, ради своей будущей жены. Память услужливо нарисовала картинку на вокзале, Лариску, шарфик, поцелуйчики... Зачем всё это?

Она еле оторвалась, схватила вещи и понеслась восвояси, в спасительную темноту, от себя самой. Никто её не звал, никто не возвращал, и, тем более, не побежал за ней. Почему? Почему он такой нерешительный? Или она чего-то не знает?

На пороге школы ждал Володя. От него немного пахло алкоголем. Люську перевернуло.

– Совсем хорошо. Сначала наржался с девочками, напелся с мальчиками, напился не знаю с кем и припёрся. Ты что, Алёшкин, белены объелся? Иди спать. И не смей за мной ходить.

А чего обожралась она? Озверина?

И потекли какие-то странные дни. Максим не появлялся, ни на стройплощадке, ни на озере. Володя забирал её утром от школы, весь день опекал, помогал, чем мог. Работали до ночи, еле доползали до кровати. Ни с поцелуями, ни с разговорами, ни с вопросами личного характера он не лез,

видимо, ждал каких-то движений со стороны Люси. А, Люся... Пропадала девчонка... Ну откуда этот ботаник взялся опять на её голову? Чёртов бесхребетный подкаблучник, ещё и отец. Вокруг неё сплошные папаши – один состоявшийся, другой – в проекте. А она где? Что ей делать?

А жизнь подбрасывала очередные сюрпризы, ставила задачи, определяла направление к тому полю, которое нужно перейти, да не одно.

На стройке случилась авария, и Алёшкин своими грамотными действиями, как врач, оказал неоценимую помощь раненым людям. Он стал героем, и к нему потянулись люди из окрестных населённых пунктов, тащили детей и стариков. И как он не объяснял, что скоро покинет этот край, рассчитывать на него не надо, народ всё равно пёр и пёр. А молоденькая, хорошенькая медсестричка из местного фельдшерского пункта, помогающая во всём, заглядывала ему в рот и млела от одного взгляда в её сторону. Это заметили все, обсуждая и сплетничая за спиной у сильно работающей прорабки. Ну, а когда Люся увидела их после работы, садящихся в автобус до ближайшего городка, всё встало на свои места. Дело обстояло примерно так, как виделось Люсе: моряк, красивый сам собою, знающий себе цену, любимец женщин и душа компании не собирается потратить свою жизнь на эту капризную, задравшую планку до небес, Люську-выпендруску. Время идёт, часики тикают, ему скоро к новому месту службы. Имеет право. А то, что было почти четыре года назад, когда он

сказал, что будет ждать её ответа, это не в счёт, детские игры. В конце концов, он и её, Люсю, серьёзно замуж не звал и ничего конкретного не обещал. Обижаться не на что...

И она, отпросившись у начальства, решила сделать себе выходной и съездить на строящийся космодром, поговорить со своим профессором, ждавшем её там по научным делам, и, она самой себе боялась в этом признаться, увидеть Макса. Ну и в город, заодно, пошататься, осмотреть достопримечательности, подумать на досуге. Так и сделала, уехала этим же вечером. Добралась поздно, заснула сразу. И проснулась тоже, в пять тридцать, как на работу. И всё, сна ни в одном глазу. Ну что ж, пойдём гулять. Гостиница для персонала находилась в самом городе, а ехать на стройку было ещё рано. На полу под дверью торчала бумажка.

"Люда, я тебя вычислил. Не стал мешать. А завтра жду в семь тридцать в кафе за углом. Я."

Нет, ну каков! Я! Как будто она сразу должна догадаться, кто этот "я". Конечно же, Максим. Он её вычислил, математик, на арифмометре или на счётах? Что, всё так просто? Должна была приехать она, проявить инициативу? А он? Где был он?

Эти полтора часа Люськины мозги никак не хотели занять своё место. Они прыгали, несли галиматью, оправдывали, обвиняли, короче, плавилась. И в семь тридцать она уже устала от себя настолько, что даже не заметила, как пришёл Макс.

– Люда, привет! – Как-то обыденно поприветствовал он. – Ты зачем в наши края? К профессору? Он говорил, что ты должна подкатить на днях. А я завтра уезжаю, насобирал информации вдоволь, теперь нужно всё это обработать, и в дело. Так что, попрощаться пришёл.

– А если бы я не приехала, не попрощался бы? Ну и прекрасно, какие церемонии, счастливого пути, Максим Эдуардович! – Вот бы дать ему по башке, влепить по морде, выплеснуть кофе в лицо, как он тогда, на вокзале, в урну. – Привет семье! Следующий автобус в восемь? Мне пора.

– Я провожу.

– Да зачем? Лишние телодвижения, Максим Эдуардович. Идите собирайтесь, вас семья ждёт, столица, опять же. А мы уж тут, как-нибудь, периферийно.

– Люда, ты очень дорога мне, очень. – Он попытался поймать её руку, она отдернула, в сердцах. – Но я не могу бросить всё, не умею жертвовать своим делом, понимаешь? Очень много поставлено на кон. И семья тоже. Если сможешь...

– Не смогу. – Перебила Люся. – У меня тоже грандиозные планы, и мне тоже нужна семья. По-моему, всё понятно. Приятно было познакомиться. То есть, по... Да неважно. Прощайте, Максим Эдуардович.

Она не бегала так никогда. Чуть не влетела под машину, обложенная пятиэтажным матом, подвернула ногу, порезалась о прутья забора, первой забралась в автобус и усе-

лась около окна заднего сидения. Максим стоял на другой стороне дороги, красивый, подтянутый, сверкающий своими страшно притягательными, чисто голубыми глазами. Человек, за поцелуй которого Люська отдала бы пол жизни, или даже всю. Но он не её мужчина, он – чужой муж, отец чужого ребёнка, просто чужой. Нет, Людочка, не ври сама себе... Она отстранилась от окна, закрыла глаза, закрыла доступ к душевным мукам. Попыталась закрыть...

Очень плодотворно пообщавшись со своим любимым учителем, немного отвлеклась, посмотрела грандиозную стройку, аж дух захватывает, какие масштабы и горизонты. Посетила музей, купила маленький самоварчик на шишках, мечту своего отца, подарки маме и сестре и обалденный льняной сарафан для себя любимой, который тут же и надела. Набрала вкусностей и с полными сумками вернулась назад.

К автобусу летел Володька.

– Люся, где ты была? Ну так же нельзя, я же голову потерял, уже не знал, что и подумать. Ты в городе была? – Тревожные нотки пробивались в голосе моряка, ведь, если в городе, могла видеть их с медсестрой...

Эта хорошенькая девочка, скромная фельдшерица, на деле оказалась настоящей фурией. Бедный Алёшкин еле отбилась о неё, от поцелуев, обнимашек и предложений себя в разных позах. Из-за неё он опоздал на последний автобус и добирался на перекладных, упустив из вида Люсю.

– А что за волнения? Я – девочка взросленькая, самостоятельная, сама себе хозяйка. Ты же не предупреждаешь меня о своих передвижениях, да и компания у тебя подходящая. Хватит, Алёшкин, оставь меня в покое. Ты прекрасно обходишься без моего участия. – Она так и тащила свои сумки, огорошив Володю тоном, бесцветным, сухим, он совсем растерялся.

– Какая компания? Ты о чём? Знаешь, Люся, я устал от тебя. И если бы мне сказали буквально месяц назад, что это будет, я бы не поверил и дал в морду. Разговаривать ты не хочешь, я уже и сам боюсь тебя, твоего постоянного недовольства. С тобой я или не с тобой – тебе по барабану, ты одинаково ровно ведёшь себя. Вывод напрашивается сам собой: я тебе не нужен. Скажи честно, что не испытываешь ко мне романтических чувств. И я уеду, не буду мешать тебе строить великое будущее, путаться под ногами, попадаться на глаза и что там ещё? Ты что, Люся? Тебя кто-то обидел? Или тебе плохо?

А ей было очень плохо, её обидели, от неё отказались, она не нужна ему, гаду с такими чудесными небесными глазами, такими бездонными, что тонула бы в них, и тонула, и тонула... Не нужна. А Володе? Зачем морочить ему голову? Мама права. Надо заканчивать это и жить дальше, будь, что будет. Слёзы уже просто залили белый свет, вернее, серый, уже темнело.

– Так, моя дорогая, давай свои сумки. И ничего не гово-

ри. – Он приказным тоном распорядился, забрал вещи, крепко взял Люсю за руку. – Мы идём ко мне. Помолчи. Я тебя не съем, и даже не попробую без твоего согласия. У меня вчера был день рождения, ты забыла. Не мудрено с такой работой. Я не обиделся, честное слово. Просто перепугался, когда не нашёл тебя на месте. Ну всё, девочка моя, что-то ты у меня часто плакать стала. Ничего, я тебя накормлю, напою, спать положу. Ну, всё, Люсенька, всё. Я не отпущу тебя больше никуда и никогда не поверю, что наши приключения белыми ночами были просто так. Я люблю тебя. И ты это знаешь. Но чтобы моё счастье было настоящим, мне надо сделать счастливой и тебя.

Люське вдруг очень захотелось подчиниться этому сильному и доброму человеку, Володьке Алёшкину. Она знает его сто лет, и, если бы не это происшествие в Питере, надёжнее и ближе у неё никого бы не было. Может, послать всё к чёрту, выйти за него, ждать на берегу и работать? Он же ничего не имеет против её проектов и прожектов. Может, правда, Люсь?

Войдя в комнату, девушка обалдела: стол накрыт на двоих, правда, без еды. Ну правильно, это же должно было состояться вчера. Свечи, красивые тарелки, салфетки, букет розовых роз, пахнувших умопомрачительно. Полумрак, тихая музыка, плотно закрытые шторы... И на кровати разложено платье, красивое, цвета мяты, с ниткой жемчуга. Это ей или медсестричке?

– Эта девочка помогла мне разобраться в городе что, где и как. – Он как услышал немой вопрос Люськи. – Я не думал, что ты закончишь раньше обычного и хотел успеть всё организовать, потому что не могу уже без тебя, не могу.

Володя подошёл, приподнял за подбородок лицо Люси и заглянул в её затуманенные глаза. И понял, что эта девушка от себя любимой так устала, что сама не рада. Прижал, поцеловал солёные глазки, завёл её руки себе за шею, немного приподнял, и стал нежно целовать несчастные глазки, мокрые щёчки, шейку, плечи своими мягкими, ласковыми губами... По телу девушки поползли мурашки, голова закружилась, ноги подкосились... Это было так упоительно, хотелось раствориться в волшебстве взаимного наслаждения. Как он это делал... Люська опомнилась только тогда, когда почувствовала его поцелуи у себя на груди, льняной сарафанчик валялся на полу, она и не заметила.

– Володя, мне надо в душ, я весь день по жаре...

– Помолчи, моя родная. Никуда не надо, всё потом...

– Ну я же...

Он зажал ей рот таким страстным поцелуем, что у Люськи перед глазами взорвался фейерверк радужных искр, сердце трепетно забилось, разнося по телу живительный кислород. Она содрогнулась то ли от стыда, то ли от поднявшегося из глубины её девичьей души волнующего желания... От страха Люська вцепилась в плечи мужчины, заставляя его прижать её ещё сильнее, ещё чувственнее. И уже ощутив своей

обнажённой грудью (когда успел, она опять не поняла) его крепкие мышцы, прикоснувшись сосочками к плечам, скулам, девушка застонала, попав грудью в ласковые губы.

– Володя... – прошептала она. – Володя...

Он положил её на кровать, навис над ней.

– Какая ты красивая... Ты сама не знаешь и не понимаешь, какая красота живёт в тебе. Её надо выпустить, научить пользоваться собой и получать удовольствие и наслаждение. Люся...

И вцепившись горячими губами в губы девушки, стал поглаживать её, ласкать грудь, животик, опускаясь всё ниже и ниже. Немного раздвинув ей ноги, поймал комочек наслаждения и довёл девушку до состояния неистового желания. И уже цепляя по очереди её сосочки, одновременно поглаживая утонувшую в женском соке напрягшуюся пуговку между ног, унёс Люську в водоворот сладостных, никогда ранее не испытанных, страстей... Она летела с горы кубарем...

Опомнившись, ей стало неудобно, неуютно. Какое-то безумие. Разве так должно быть? А как же он, мужчина?

Володя поднял её, отнёс в душ, залез сам. Она голышом, а он нет.

– Люська, солнышко моё, не закрывайся от меня тучками, не хмурься. Ты не должна стесняться меня, я же весь твой, и ты вольна делать со мной всё, что угодно. – И, заставив её поднять глаза, поцеловал, как будто зацепил все струны, все уголки и затаённые секретки и кладки её души...

И вдруг поймёшь, что в мире бренном, где все надежды хороши, дороже всех прикосновений – прикосновение души...

Новое платье, подаренное Володей на его день рождения Люсе, очень шло девушке. И морской лейтенант представлял, как он будет знакомить его жену со своими сослуживцами, и они обзавидуются. А пока он целует и целует свою девочку, покусывает, ласкает языком, губами. И она отвечает ему, по-своему, по-девчачьи, так трогательно.

Оставшиеся дни Люся прожила в состоянии несогласованности ума и сердца. Что ей делать? Это голубоглазое чудо вместо тепла подарило ей обжигающий огонь обиды, непонимания, раздора со всем миром. Возможно, смысл этой жизни сводится к тому, чтобы быть нужной кому-то. Ведь, если о тебе никто не думает, то значит тебя как бы и нет...

Последние дни Люська жила у Володи, он так и принимал всех подряд, не мог отказать, врачую целый день, а она заканчивала свои прорабские дела. Вечером плавали в озере, целовались, обнимались, миловались. Потом ужинали, Володя хорошо и полезно готовил, рассказывал всякие байки, поил её чаем. И укладывал рядом с собой, увлекая девушку в мир наслаждения и удовольствия своими ласками и нежностью. В конце концов, Алёшкин не выдержал.

– Люсенька, моя любимая девочка. Давай просто будем.

Не надо обещаний. Не надо ожидать невозможного. Ты будешь у меня, а я – у тебя. Давай просто будем друг у друга. Твоё счастье – это моё счастье, твой смех – это мой смех, твоя радость – моя радость. Я всегда с тобой, Люся, рядом я или нет.

Что-то оборвалось в мечущейся душе девушки, она всеми клеточками почувствовала родственную душу, которая признаёт её такой, какая она есть. Её потянуло к этому сильному и такому замечательному мужчине..., и она храбро бросилась навстречу, замирая в трепетном ожидании неизвестного, сама уселась к нему на колени, подставляя свою выпирающую со всех сторон грудь.

– Алёшкин, сейчас же сними это всё и с себя, и с меня. У меня нет сил. – И оставшись обнажённой, уселась поудобней, держась за мужские плечи.

– Люся, ты провоцируешь меня. Хорошо подумай, чтобы потом не пожалеть.

– О чём? О том, что я хочу, чтобы это сделал именно ты? Мой капитан, улыбнитесь, только смелым покоряются такие девушки, как я. Володя, дорогой мой человек, я тоже хочу любить тебя. Так в чём же дело?

И вот он уже сильнее обнимает, страстнее целует, с жадностью обследует её тело..., и она его тоже... У них первое настоящее свидание в постели, сексуальное знакомство, так сказать. И уже, обласкав, облизав и обцеловав свою Люську с головы до ног, морской доктор сотворил ритуал превра-

щения девочки в женщину, больно, получив в отместку пару синяков от впившихся в его плечи ноготков. И зажав ей рот, целовал так, как будто хотел забрать её боль, проглотить, выпитать в себя, вылизывая языком все уголки чувственного рта девушки. И ей правда стало легче, боль улеглась, вернулось желание и самой целовать, нежно, чуть-чуть прикасаясь.

– Прости, Люська. Я очень старался. Но это физиология, тут ничего не попишешь. Зато всё уже позади, осталось только наслаждение и радость обоюдного секса. Всё будет хорошо, девочка моя любимая. – И опять ласкать, обнимать, целовать, пока не заснула.

А сам Володя Алёшкин ещё толком не верил, что Люся теперь его, только его. А не этого Плутона от космоса, с которым она так не по-детски целовалась там, на озере. Он видел их, но никогда никому об этом не расскажет.

Расписались в августе. Люся так и не помирилась с родителями Володи, вернее, они сами не пришли к ним, не захотели поздравить. Он, конечно, переживал, но вида не показывал. Римма Ивановна прикатила, но и тут не получилось с теплотой отношений. Люську перевели в Ленинградский институт, ей оставался последний курс, но жить к тётке она не пошла. Проводив Алёшкина в первый в его жизни поход, она занялась учёбой, новыми проектами и идеями. И ску-

чала, реально скучала по Владимиру Алексеевичу Алёшкину, её мужу... В съёмной квартирке, где она, по сути, только ночевала, на стенах висели их свадебные фотографии, просто фото и отличный портрет Володи с выглядывающей из-за его спины Люсей, сделанный на второй день свадьбы. Она и вставала с ним, и ложилась спать, и ела и зубы чистила, рассказывала новости, советовалась. В октябре позвонила Римма Ивановна, телефон ей дал Володя, на всякий случай. Зачем? Какой случай? Не став выяснять, она прослушала информацию о рождении мальчика, которому дали имя Вова и записали Алёшкиным.

– От меня что надо? – Спросила не очень уважительно.

– Ничего, ровным счётом ничего. Может, ты переедешь ко мне? Тебе отсюда и ближе, и комфортнее. Да и мне не будет так скучно.

– Спасибо, но родители Володи будут не в восторге, оно вам надо?

– Но мне хочется помочь вам, ведь Володенька для меня больше, чем сын, он – единственная родная душа, мы с ним всю жизнь очень дружили. Неужели ты хочешь встать между нами? Рассорить нас.

– А вы, Римма Ивановна, ничего не перепутали? Смею напомнить, что меня выставили из вашего дома. Вы полагаете, что комфорт и более близкое расположение института смогут заставить меня забыть об этом? Я с радостью помогу вам, если моё участие понадобится, но жить у вас не буду.

Уж простите.

Как накаркала. Люся ждала своего моряка, считая уже не дни, а часы. Он вот-вот должен был появиться, не разрешив ей встретить его в Североморске. Что-то у них там пошло не так. Звонок прозвенел, сердце забилося, чашка вылетела из рук, но не разбилась. Господи, приехал. Но на пороге стояла Римма Ивановна. Люська похолодела, вся кровь слилась в одно место, в пятки, лицо побледнело, руки и ноги завибрировали.

– Что? – Только и выдавила она.

– Всё хорошо, не беспокойся. Я за тобой. И, пожалуйста, не спрашивай у меня ничего, они тебе сами всё расскажут.

– Да что расскажут? Кто они? – И, схватив телефон, стала звонить мужу.

– Люся, со мной всё хорошо, я две минуты, как приехал. Просто приезжай, по телефону такие вещи не обсуждаются.

Ну что делать? Поехала.

В доме тётки было столпотворение. В кресле сидел мужчина в строгом костюме с портфельчиком на коленях. На диване расположились родители Володи и пожилая пара, ухоженная, презентабельная, как стали говорить, а в проёме спальни возвышалась дивчина. И все они воззрились на Люсю недобрый взглядом. Вот так сюрприз. И что? А где же её благоверный? Она поздоровалась и прошла на кухню, понимая, что ничего не понимает. Римма Ивановна за ней.

– Он в ванной. С дороги.

– Я так понимаю, что не достойна вашего внимания и сочувствия. Но, уж, если пригласили, поите кофе.

На кухню вошла высокая швабра и хозяйскими жестами стала вытаскивать чашки, блюда, ложки. Она всем видом показывала, что Люся здесь никто. Да никто и не претендовал. Влетел Алёшкин, у его жены подкосились ноги, и она, наконец, присела. Свежий после душа, глаза блестят, губы яркие, такие желанные, да ещё и без майки... Что они тут делают? Они где должны сейчас находиться?

– Люська, родная моя! – Алёшкин, никого не стесняясь, схватил свою жену и закружил, хорошо, что кухня была не маленькая. – Я думал, не доживу, честное слово.

Он докружил её до спальни тётки, закрыл дверь и стал целовать так неистово, так страстно, что у Люськи сразу поехала крыша. Но...

– Володя, милый мой, неудобно же. Там люди...

– Я их не звал, и Римма тоже. Посидят. – И опять, уже снимая свитерок, поднял ей руки, отодвинул чашечку бюстгальтера и впился в грудь, как проголодавшийся зверь.

– Люся, Люсенька, каждую ночь я умирал в своём кубрике без моих девочек (так её муж называл её грудь), без твоих сладких губёшек, без тебя, моя любимая, жизнь моя и утеха. Я сейчас выйду из берегов. – Он вспыхнул, застонал, довольно громко.

– Я тоже. Но так нельзя. Я не могу. Давай уже поедem в наш дом, я там всё приготовила.

– Сейчас, вторую поцелую, а то обидится.

Люська еле оторвала своего долгожданного, сама уже готовая прямо здесь отдаться ему, всё тело горело и жаждало приключений, бурь и штормов, сексуальных баталий.

– Я тебя здесь подожду. Иди одевайся.

– Нет, ты меня подождёшь в кресле, в большой комнате. Не хочешь, не разговаривай, не общайся. Я быстро. – И, взяв свою жену за руку, так и сделал.

Да что происходит? Зачем её сюда привезли? И где ребёнок? А, вот он.

Дивчина вынесла маленький комочек и встала перед Люсей.

– Поздравляю. – Только и смогла сказать Люся Алёшкина матери сына своего мужа.

Всё-таки, ситуация нелепая до безобразия.

– Нет, ну бывают же такие наглые и бестактные люди. Вам, девушка, нужно к психиатру, мозги прочистить. И нечего перед нами трясти свидетельством из Загса, подтверждая крылатое выражение: "Без бумажки я – кашка, а с бумажкой – человек". Отцовство Владимира подтверждено официально, и ещё неизвестно, какое решение он примет. Неужели не понимаете, что вы лишняя на нашем празднике жизни? Здесь собрались родные люди, имеющие прямое, по крови, так сказать, отношение к появившемуся на свет мальчику. А вам, простите...

– Кофе, будьте любезны! – Криво улыбаясь, перебила

Римма мать дивчины.

– Магдалина, что ты стоишь? – И, глядя на Люсю, занявшую единственное свободное место, подвинулась на диване, освобождая пространство для дочери с внуком на руках.

Боже, она ещё и Магдалина! Люська подскочила, кивнула головой, как откланялась, и рванула на выход, сорвав шубку вместе с крючком, причём понеслась по ступенькам вверх, сообразив, что Алёшкин догонит её в два прыжка. Замерла. Через секунду послышались крики, сильно хлопнула дверь, и он понёсся по лестнице вниз. "Надо спуститься, поймать его и увести отсюда", – говорил разум отчётливо. А сердце? Ведь он ещё не решил, как поступит. Это же так очевидно! Если бы решил, то приехал бы к ней сразу и не строил всякие замки на песке. Ведь так?

– Люся! – Голос Риммы Ивановны вывел её из состояния протрации. – Я видела, что ты не вышла из подъезда. Ты где? Спускайся, я с тобой, не бойся ничего, девочка. Этот узел нужно разрубить раз и навсегда. Только поэтому мы с Володей и вызвали тебя. Люся?

Звук шагов приближался, стало понятно, что тётка поднимается вверх. Люська тоже стала продвигаться ближе к крыше, и, о, счастье, вход на чердак оказался свободен. Она не готова была к выяснению всяческих обстоятельств, совсем растерялась и не хотела никого видеть. Всего минуту назад её душа пела и плясала... А сейчас ей нужно почистить свой чердак, поставить на место крышу, помыть окна до блеска

и понять, наконец, зачем всё это? Этот спектакль? И именно в тот день, когда она так ждала, замирая от предвкушения встречи, радуясь и ликуя всем сердцем. Сколько всяких вкусностей ждало её мужа, сколько сладостей она напекла, зная его слабое место. И свитер, красивый, тёплый, связанный с любовью пополам... Хотелось верить...

Люська выскользнула из последнего подъезда и по стене дома прокралась к дороге, поймала такси и уехала в центр. Гуляла по новогодним улицам, мёрзла, грелась в кафе и, опять, гуляла. Отключив телефон, ковырялась в себе, пытаюсь найти золотую середину в непростой ситуации. Ребёнку нужен отец, родителям – покой. А ей? Что нужно ей? В планы Люськи дети не входили, ну, года три, точно, понравится ли это Алёшкину? Он же может привязаться к малышу, полюбить. И правильно, дети должны расти счастливыми и весёлыми, держа за ручку и маму, и папу... Постепенно и самокритика, и разбор полётов, и мозги с конечностями окончатели окончательно, ресницы покрылись инеем, губы посинели... В конце концов она, полная дура, камикадзе недоделанная, двинулась в сторону дома, не ночевать же на улице?

На ступеньках сидел Алёшкин, рядом лежала куртка, сверху цветы и красивая коробочка. Он даже не встал, увидев её. В глазах, пополам с усталостью, стоял вопрос.

– Володя, прости меня, я что-то не так... что-то сделала... ну, не так... Господи, я так тебя ждала. – Голос Люськи сорвался, она присела около него и воткнулась лбом в его пле-

чо.

– Ты ещё извиняешься передо мной? Да это я, просто идиот, заставил тебя пройти через это, никому не нужное, представление. Даже мои родители поняли весь абсурд разыгранной клоунады. Ты замёрзла? Пойдём греться.

И сразу с порога квартиры он утащил её в душ, раздел, чуть не порвав одежду, сам раздеваемый нетерпеливыми руками своей жены. Они стояли под тёплым душем, и он согревал свою Люську жаркими губами, обжигающим дыханием, горячими ласками и кипящими страстями.

Среди довольно именитых представителей литературной братии бытует мнение, выражающее сожаление по поводу неостребованности одной из сторон писательского гения Льва Николаевича Толстого. Кто ещё, как не он, описывающий перипетии человеческих отношений с такой глубиной, таким знанием жизни, взрывом страстей, с одной стороны, и тактичностью, с другой, мог бы так же мастерски описать и интимные стороны человеческой жизни и сопутствующие им чувства, эмоции, переживания? Красиво, естественно, с душевным порывом, в атмосфере самоуважения, взаимного желания близости на всех уровнях человеческого бытия. Ведь за всё время существования планеты Земля только в Советском Союзе не было секса, а дети получались под аплодисменты, бурные аплодисменты и продолжительные рукоплескания, в зависимости от того, какой лозунг родился

у партии в данный момент. И самое странное, что многие до сих пор воспринимают эту неотъемлемую сторону жизни человеческой, естественной и дарящей людям чувство гармонии, единения, нужности, как что-то порочное, стыдное, даже грязное... А не просто, как очень личное, трепетное и, конечно, не выставляющееся напоказ, но являющееся одним из показателей качества жизни.

Где голоса сердец говорят в унисон, бессознательное стремление переходит в страсть, появляется безграничное доверие, уходит стеснение, уступая место искреннему растворению в любимом человеке, там и находится счастье человеческое. И этим двоим, с трепетом и восхищением смотрящим друг на друга, а потом опять улетающим в дальние дали с наслаждением и упоением, было мало места на этой планете. Их тянуло в другую Галактику, они никак не могли наесться земной любви, им нужна была заоблачная, космическая, вселенская...

Утром Люська проснулась в руках своего доктора, на душе спокойно и надёжно. Он излечил её, вдохнул вкусный кислород в её сердце, избавил от всяческих сомнений и убедил, лишний раз, в своей любви. И избавил, наконец, от голубого кошмара колдовских глаз. Люська обрела способность отгонять наваждение, выпроваживать его из своей жизни. Она излечилась, «заразившись» своим мужем окончательно и бесповоротно. Тогда Люся Алёшкина была в этом совер-

шенно уверена.

Преддипломная практика пятикурсницы и очередное плавание Владимира удачно совпали. Без пяти минут классный специалист, для научной братии – Людмила Градова, знала, что её ждут для конкретного дела, даже пообещали хорошую премию. По сути, уже начиналась работа по строго отведённой для неё теме. И уже через неделю были готовы первые наброски, и она со своим профессором была приглашена на испытательный полигон для наглядной демонстрации своих наработок. Только-только внедрённое оборудование, ноу-хау, обещало неизвестный доселе результат. Интерес был огромный, Людмила Градова дневала и ночевала в лаборатории и накануне показа заснула прямо за столом, так и не дождавшись "перекуса от профессора". Как выяснилось позже, он тоже не дождался заказа, и тоже заснул, но в фойе гостиницы.

– Люда! Людмила! – Опять он ей снится, давно не проявлялся. – Просыпайся, ты щёку отлежала, Люда!

– Что? Какую щёку? Максим Эдуардович, вы?

– Люда, мы не в школе. Да просыпайся, надо отдохнуть в нормальных условиях. На кого ты будешь похожа после такой ночёвки?

– А вы откуда, приземлились или приводнились? Я ничему здесь уже не удивляюсь.

– Я тоже. Только твоё появление у нас непонятно, ты же совсем по другому ведомству. Одно радует, меня зауважали,

когда я рассказал, что был твоим учителем. Я ж не признался, что учила меня ты. – Выдохнул, заулыбался, засмотрелся.

– Что? Я плохо выгляжу? – Заволновалась Люся. – Да, вы правы, надо идти спать. И есть хочется, но не буду. Жрать ночью, это уже перебор.

А утром они оказались в одной команде, и им предстояло пару месяцев поработать вместе. Такого сюрприза жена моряка никак не ожидала. И приказала себе: ни-ни и не боже ж мой!!! Люся старалась не смотреть в его сторону, любую работу вне лаборатории брала на себя, даже обедать ходила, когда Максим уже возвращался из столовой. Надо отдать должное и ему, он не оказывал ей знаки внимания, никуда не приглашал и не напрашивался. Чисто рабочие отношения. Через неделю она выдохнула, её отпустило, это голубоглазое прошлое и останется в прошлом.

– Людмила, завтра у нас выходной. Первый этап закончен, имеем право. – Профессор хитро ухмылялся в бородку, весёлые глаза осматривали его команду с явным удовольствием. – Поедем в лес за берёзовым соком. Чай, весна на дворе!

В автобусе Макс и Люда оказались рядом. Случайно? Она не поняла, сразу придремав, пока ждали остальных. Лучшим отдыхом было бы поспать в тишине гостиницы, но обижать руководителя нельзя, поэтому надо использовать каждую свободную минуту.

– Доброе утро! У тебя было свободно, я и сел. – Оправдываясь, начал он. – Ты спала, я не стал будить, спрашивать.

Или мне пересесть?

– Да не суетитесь вы так. Места не куплены.

– Люда, я тебя не трогаю, вроде. Чего ты на мне срываешься? И это твоё вы, просто смешно.

– Ну так и посмейтесь, получите положительную эмоцию.

И до приезда на место ни одного слова, ни с какой стороны. У Люськи из-за постоянной занятости не сложились отношения ни с кем из команды профессора. И она поняла, что сделала из себя какого-то изгоя. Вон, все хохочут, песни поют, уже винцо пошло в ход, шашлычки на мангале. Да и Максим с девчонками развлекается, они ему в рот заглядывают, глазки строят. А как же Лариска?

Люся взяла приготовленную баночку под сок и отправилась в лес искать берёзку потолще. Весна входила в свои права, чуть-чуть распустились листики и берёзовые серёжки украсили веточки. Какие-то маленькие цветочки, похожие на фиалки, симпатичными ковриками появлялись то там, то здесь. Вот бы с Володей присесть над обрывом, положить голову на плечо и впитывать эту красоту, вдыхать лесной воздух, слушать птичек. Люська зажмурилась, представив эту картинку...

– Ты чего так далеко ушла? Я тебя еле нашёл. – Усмехающийся Макс не скрывал удовольствия от вида растерянной девушки, улыбаясь и подхихикивая при этом.

– А я просила? – Она, явно, была недовольна его появлением. – Не девочка уже, дорогу назад найду.

– Ну и куда нужно идти, в какую сторону?

Люська поняла, что голосов не слышно, берёзовая роща осталась позади, а она прошлёпала непонятно куда, грезя о своём моряке. И где обрыв?

– К обрыву, а потом по перпендикуляру к нему. Что непонятного?

– Ну пошли к обрыву, это куда?

Ну всё понятно, она бы заблудилась, если бы не он. Вот идиотка, куда попёрлась? Берёз мало, что ли? Пришлось принять помощь математика, и идти за ним.

– Давай посидим. Вон и сваленное дерево приспособлено для этого. Давай? А то мы за месяц и не поговорили ни разу.

И они уселись, держа дистанцию в метр, или даже больше. Вид открывался сказочный: бескрайний лес, чуть подёрнутый зеленью, пронзительно голубое небо, кружевные облачка, сквозь которые прямыми лучами под разным углом просвечивало солнышко, успевшее немного прогреть воздух.

– Это я устроил лавочку здесь, очень люблю это место, часто приезжаю сюда. А зимой на лыжах с превеликим удовольствием. Ты ведь тоже любишь кататься?

– Да, но последний раз это было ещё в школе. Я, наверное, и не смогу уже. В нашем городе вместо снега ветер несёт пыль и песок. Даже на велосипеде не покатаешься. Но теперь я живу в Питере, а потом перееду в Североморск, может и возобновится моё лыжное удовольствие.

Говорили не о чём, просто чесали языки и, в конце кон-

цов, заспорили, по работе, доказывая каждый свою правоту. Люда от возмущения, что он не понимает таких очевидных вещей, подскочила и, если бы Максим её не поймал, рисковала улететь вниз по обрыву. Он подтянул её к себе, заковав в свои объятия, и уставился в девичьи глаза, перепуганные, как тогда, на школьном дворе, под сугробом. Именно в тот момент Максим окончательно понял, что Люда Градова вошла в его душу целиком и полностью, и по сей день... Как ему захотелось её поцеловать, весь мир за возможность просто прикоснуться, почувствовать вкус её губ. А Люська занимала оборону, копала траншеи, укрепляла блиндажи. Нельзя! Она любит Володю! И Макса, чёрт подери!!! Он просто прикоснулся к ней, прижал, распахнул свои колдовские очи, и она готова... Спасите! Помогите! Помилуйте!

Зацепившись за последние проблески разума, она вывернулась и помчалась на звук голосов... Хорошо, что второй этап испытаний проходил, в основном, в поле, и они виделись редко. Но ночи... Они вывернули Люськину душу наизнанку, стоило только закрыть глаза, и начиналось колдовство голубых глаз, зовущих, сияющих желанием, заставляющих выпрыгивать сердце и проникающих прямо в каждую клеточку... Наваждение вернулось... А ведь она так мечтала остаться работать здесь. И профессор не понял, почему Градова выбрала службу в конструкторском бюро, в Питере. Насколько он знал эту девушку, практическая работа нравилась ей больше.

После защиты диплома, что являлось уже просто формальностью, предполагался отпуск. Но Володя придёт только в августе, и они планировали отдых на море, где солёный бриз, галька или жёлтый песок, и, конечно, белый пароход. На что Алёшкин замахал руками, никаких плавучих средств, кроме матраса. И Люда вышла на работу, поменяв время отпуска. Она так и жила, дома – Люсей Алёшкиной, на работе – Людмилой Градовой.

В первый же рабочий день позвонила Римма Ивановна и попросила зайти к ней, памятуя об обещании "помочь ей с радостью". Ещё не нажав на кнопку звонка, Люся услышала детский плач. Первой реакцией – было уйти, но вспомнив просящие нотки в голосе тётки, позвонила.

– Девочка моя, спасибо, что пришла. – Она держала на руках маленького мальчика, орущего во всё горло и уже немного посиневшего.

Пухленький малыш с глазами Магдалины и такими же волосиками цвета вороньего крыла, причём длинными, как у девочки, оттягивал руки "бедной бабушки".

– И вот так уже третий час.

– Не поняла, а мамаша где? Всем спасибо, все свободны?

– Боюсь, что так и есть. – С безнадёжностью в голосе еле прошептала Римма. – Она ушла ещё вчера вечером, сказала, что ей тоже надо наладить личную жизнь. А то получается "сладку ягоду рвали вместе, горьку ягоду – я одна". Какую сладкую? Вовка даже не помнит ничего.

– Речь о ней. Она, судя по всему, не забыла. И что теперь? Вы её искали, связывались с ней?

– Безрезультатно. Телефон вон валяется, а у её дальних родственников она и не появлялась. По всему получается, что с самолёта эта звезда приехала сразу ко мне, а через полчаса её и след простыл. Что делать?

– Давайте мне его, уже, а то без рук останетесь. И звоните её родителям, бабушке родной по папиной линии.

– Всем звонила. Её предки сказали, что не знают такую, нет у них дочери, чёрт побери, а моя сестра работает, ничем помочь не может. И что, отнести парня на помойку?

– А он когда последний раз ел?

– Так нечего, надо в магазин идти, а с ним я не дойду.

– Римма Ивановна, надо было объяснить по телефону, что к чему, я бы по дороге зашла в магазин.

– Да не в магазине дело. У него какая-то аллергия, нужна специальная еда, ехать надо на другой конец города. Это ещё часа два, он у нас посинеет, пока мы его накормим.

У нас, мы... Она уже записала Люську в няньки.

– Кто поедет?

– Люся, можно я? А то я сама скоро приобрету синюшный оттенок.

И умотала. Люська намешала сладкой воды, по наитию, напоила малыша, и он заснул, скорее, от усталости. В дверь позвонили. На пороге стояла Магдалина, «под шафе», с каким-то веником, видимо, это были цветы, с двумя огромны-

ми пакетами и маленьким пакетиком в зубах. Увидев Люсю, разинула рот, как та ворона, и выронила его. Содержимое тренькнуло, и по прихожей распространился запах алкоголя, вонючий и едкий.

– Как? Ты? Что тебе надо? Какого ... – Матерная брань полетела со скоростью пулемётной очереди.

Люська развернулась и прошла на кухню, где её ждал сваренный кофе. В коридоре что-то грохнуло, заплакал ребёнок, фурия влетела следом и с размаху, промахнувшись, врезала рукой по чашке, облив и себя тоже. Это надо умудриться, повергнуть врага, зацепив за ним и себя. Люську спас фартук, а Магдалина взвилась от боли, ей досталось посерьёзнее. Она схватилась за руку, облитую кофейной гущей от самого плеча и мат, теперь, нёсся без перерыва даже на запятые.

– Иди в ванную, смой с себя кофе, дурында. – Люся попыталась выйти, но дивчина закрыла собой проём и выставила вперёд руки, как для боксирования.

Ещё чего не хватало. Да она снесёт её одним носом, не говоря уже о длинных ручищах с большими ладонями, совсем не женскими. А вдруг эта Магдалина боксёрша или кикбоксингша.

– Ребёнок орёт, ты что, не слышишь? – Она попыталась вразумить мать.

– А тебе какое дело? Ты ... Нарожай своих, и ...

Тупик. Пройти невозможно, Мария-Магдалина не кается,

а очень даже наоборот, ребёнок орёт, уже заходится.

– Что здесь происходит? – Голос соседа отвлёк мамашу, и Люська проскочила в комнату к малышу.

– Она облила меня горячим кофеём (так и сказала), не пускает к ребёнку, дерётся, ругается. А я мать, это мой сын, его кормить пора, а эта хочет у меня его отобрать... – Гали-матя неслась из её уст сплошным потоком.

В квартире появился участковый, вызванный соседями. Магдалину они знали, она не первый раз приезжала к Римме. А вот Люська не примелькалась. И по всему получалось, что она ворвалась в квартиру с бутылкой, которую Мария-Магдалина отобрала, но гостя же и разбила, потом дралась и материлась, облила кипятком и забаррикадировалась в комнате с ребёнком. Как-то так. И откуда только вылез материнский инстинкт у этой кукушки, которая даже питание для своего мальчика не принесла. В итоге, Люську попросили пройти, до выяснения, как сказал молодой лейтенант. Выяснения чего? Переночевав в клетке на лавке, утром была отпущена, опоздала на работу, чего никогда не позволяла, и чем испортила свою репутацию. А Римма Ивановна даже не отзвонилась... Да бог им судья...

Жена ждала своего мужа. Она была уже в отпуске, времени свободного много, желание приготовить что-то необыкновенное и удивить любимого доктора зашкаливало. С утра, стогняв на рынок, у неё всё урчало, пеклось, резалось и раз-

мешивалось. Алёшкин любил поест. И не мудрено, богатырям приходится поддерживать силушку богатырскую, мясо и рыба в доме были всегда. И сладкое, в огромном количестве. Поговорка о том, что все сладкоежки – добрые и душевные, на Володьке попала в самую точку. Добрый молодец, светловолосый, улыбающийся, ясноглазый. Да, Люська соскучилась.

Телефон прозвенел неожиданно, кому она понадобилась? С утра все обязательные переговоры были проведены, и с мамой, и с Володей, и по работе, тоже. Ни подруг, ни просто приятелей у неё не было, только коллеги.

– Люся, мы тебя ждём. Приезжай, разговор серьёзный. – Приказным тоном, без «здрости», высказалась тётка.

– Во-первых, здравствуйте, во-вторых, кто это вы? И в-третьих...

– Володя у меня, поторопись.

Быстро перезвонив и поняв, что Алёшкин действительно там, Люська бухнулась на стул. Что за напасть? Ну приехал бы, объяснил, что к чему, зачем тащить её опять в эту опостылевшую квартиру. Она решила не ехать. И не звонить. Минут через сорок опять проявилась Римма, и, узнав, что Люська не собирается приезжать, передала трубку Володе.

– Люся, мы же тебя ждём! – Как-то буднично произнёс её муж.

Как будто не было трёх месяцев расставания, перезвонов, почти каждый вечер, с уверениями любви и верности. Не бы-

ло и тоски, изматывающей и тревожной.

– А я три месяца жду. Вы, случайно, не знаете, где мой муж затерялся? Может, ему навигатор подарить?

– Люська, ну не балуйся, разговор серьёзный.

– Настолько, что приехать поцеловать жену даже не было никакой возможности? Странный выбор, товарищ лейтенант.

– Так, жена, да убоись мужа своего. Срочно приезжай, мы ждём.

Это "мы ждём" просто взбесило Люсю, обида накрыла с головой, и решение пришло в раз. Она покидала в чемодан приготовленные к отпуску вещички и рванула на вокзал, отключив телефон с отправленным сообщением: " Не ждите! Мясо в духовке..."

А утром тёплое море сделало своё дело, она уже жалела о своём бегстве, ругала себя, совершенно не понимая, что делать дальше. Ну что это за отдых? Вся душа там, а тело здесь! Но назад она не поедет, придётся держать марку. Включив телефон, обнаружила тридцать семь неотвеченных от Алёшкина и чуть меньше, от тётки. Почти сразу прилетел звонок.

– Господи, что с тобой? Ты где? Мы все больницы обзвонили, все...

– Не таракти. Какие больницы? Я же написала, чтобы не ждали. У меня тоже всё серьёзно, год был насыщенным, я даже в кутузке посидела, после чего тётка твоя онемела, наверное, от стыда. Всё, я устала, буду отдыхать.

Создавалось такое впечатление, что они разговаривают на разных языках. Вот сколько раз говорила себе, что взбрыкивание ни к чему хорошему не приводит. Неопределённость, недопонимание момента только всё усугубляет, в голову лезет всякая фигня, заставляя додумывать, догадываться, дорисовывать.

А на следующее утро Алёшкин стоял на ресепшн, и симпатичная администраторша, стреляя глазками, его "оформляла", читай "охмуряла".

– У нас всё на территории, можно даже никуда не выходить. Вот, пожалуйста, выпы, там и отдельные блоки есть для уединения. – И, чуть повернув голову, скосила на него похотливые глазки. – А вот вам моя визитка, на всякий случай.

– И мне, пожалуйста, на другой всякий случай. – Округлив глаза и захлопав ресницами, попросила Люська.

Алёшкин засмеялся, визитку не взял, схватил жену в охапку и потащил наверх. Она сопротивлялась, дубасила его, выворачивалась, ругалась, пока он не запечатал её рот своими удивительными губами, поцелуи которых вводили Люську в состояние эйфории сразу, с первого же прикосновения. На ней, кроме трусиков и пляжной длинной майки ничего не было, доступ к телу был открыт, что очень порадовало моряка, впившегося в солёные сосочки своей жены, уже успевшей искупнуться. Эту часть тела доктор обхаживал с особенным трепетом и благоговением. Он и усаживал Люську к себе на колени, и укладывал, и таскал на руках, не выпуская люби-

мые наливные яблочки, издавая сладостные стоны и получая несказанное наслаждение. Перебравшись в душ, Люська уже ничего не соображала, а просто следовала за его телом, прижимаясь и обнимая, целуя и кусая, щиплясь и впиваясь в его стальные мускулы своими тонкими пальчиками, оставляя ямочки от ногтей. Эмоции зашкаливали, глубочайшее удовлетворение из ласковых рук дорогого человека приводило в состояние дикого восторга, блаженство и любовь правили миром.

А потом просто лежать рядом, поглаживая друг друга, прижимаясь грудью к груди, заглядывать в счастливые глаза, сплетать руки и ноги, тихонечко целовать и говорить о любви, о радости, восхищаться, беззаботно веселясь и провоцируя опять окунуться в состояние райского блаженства и бьющего через край упоения... Это ли не простое человеческое счастье?

– Милая моя, что-то мои любимые девочки как-то округлились, а сама ты даже похудела немного. Ты их чем кормишь?

– А ещё врач. Они скоро сами будут кормить твоего наследника. Или наследницу. Уже три месяца, Володя!

Он смотрел на неё, лупя глазами, как филин. Что-то долго до него доходило.

– Господи, я сейчас умру, вот так сюрприз! Почему молчала?

Он подскочил, схватил Люсю и помчался по комнате, кру-

жась в фееричном танце.

– Ой, тебе же нельзя так. – Спыхватился будущий папаша. – Теперь надо беречься. Люська, я тебя съем, слопаю вместе с малышом, чтобы вы всегда рядом были. Буду проситься поработать на берегу, мне предлагали.

– Я хорошо себя чувствую, у меня всё в норме. Я же не больная, а беременная. Не нагнетай, всё идёт своим чередом. Немного вперёд моих планов, но так распорядился господь. Значит, время пришло. А вот теперь, дорогой, я бы хотела послушать, что это было? Ты мясо достал из духовки?

Алёшкин расхохотался, он был на седьмом небе от счастья, слёзы радости затуманили глаза, сердце билось, начиная обратный отсчёт до момента рождения их первенца.

– Не хочу повторять чушь, которую надули мне в уши эти две бабулениции. Бог им судья. Всё, Люся, теперь только мы, ты и я. Все остальные – за красной чертой.

Много позже Римма Ивановна расскажет, что они "надули" в уши их замечательного мальчика.

– Нам никогда не отмолить прощения за это. Мы с моей сестрой поверили рассказням Магдалины, она смогла убедить нас в твоём непотребном поведении. И соседи, и участковый, и ожог на руке подтверждали её слова. Конечно, мы перепугались за малыша и хотели предупредить Володю, вызвав его к нам обманным путём. Прости нас, старых дур, Люся...

Катерина родилась в феврале, в самую стужу. Мама Люси

привезла их в маленькую квартирку, обустроенную её руками очень удобно и уютно. Она прожила у дочери пару месяцев, чем очень помогла ей. Молодая мамаша успела доделать свой проект в срок. А когда вернулся Володя, жизнь покатилась своим чередом, дружно и спокойно. Алёшкину дали возможность поработать в госпитале, повысить практические знания перед переходом на следующую ступень службы. И отвертеться не удастся, им уже выделили квартиру, придётся переезжать. Что будет с работой Люси, совершенно непонятно. Это не могло не волновать её, нельзя было надолго выпадать из обоймы, могут быстро подобрать другой калибр.

Так сложилось, что вечерами с дочкой гулял кто-то из родителей, пока другой решал свои дела. Потом встречались и вместе шли домой, или ещё подышать свежим воздухом. К концу лета, когда Катке исполнилось полгода, Алёшкин стал отлынивать от этой обязанности, пропадая допоздна в госпитале. В один из таких вечеров Люська решила встретить его, тем более что бидончики всегда при ней, проблем с кормлением нет, да и памперсы выручают. Она устроилась почти напротив проходной на удобной лавочке в тени кустов, закатив коляску под тень деревьев. Дело шло к вечеру, стало даже прохладно, и Люська накинула на плечи детское одеяльце, зелёное, под цвет листьев. Как оно оказалось в коляске, никак не могла вспомнить, но кстати. Она даже успела подумать, что их не видно в листве, как бы отец не прошёл

мимо... А он и прошёл, пока Люська, закрыв глаза, нежилась в лучах уходящего солнца. Какой-то малыш звонко звал папу и летел навстречу... Алёшкину. В конце аллеи возвышалась фигура дивчины, Магдалины во плоти. Глазки сияют, юбочка до п..., волосы под каре, кровавокрасная помада... А Володя, подхватив мальчика, поднял его над головой и, подойдя к дивчине, поцеловал её в щёку. Такое трогательное зрелище, непонятно, как Люська не задохнулась от умиления... Они уселись в машину и укатили. У семьи Алёшкиных машины не было. Значит, она есть у мамы мальчика. Ну да, там же упакованные родители! Люся ещё немного посидела, продышалась и отправилась домой.

Она всё сделала, чтобы он поверил, что она спит. И когда заснул он, проскочила в ванную. Так и есть, след от красной помады и запах отвратительных духов, который был замечен не один раз. И простое объяснение, мол, в госпитале работает много женщин, что тут непонятного. А самое неподдающееся никакому объяснению здесь то, что Алёшкин врёт. И отнимает время у своей семьи, тратя его на мать своего сына. А мать его дочери должна просто снимать лапшу с ушей и радоваться жизни. И завертелось в голове... Получается, что эта встреча далеко не первая, это раз. Заниматься любовью они стали реже, причём по его инициативе, это два. Люська отказалась от своей любимой работы, чтобы как можно чаще быть вместе, это три. И четыре, и пять, и шесть – Алёшкин забрехался. Ведь видеться с сыном она никогда ему не запре-

щала, и он делал это на квартире у Риммы, куда сама Люся не пойдёт никогда. А вот встречаться с Марией-Магдалиной, это уже совсем другое дело. Ну что ж, придётся Владимиру делать выбор, жить на две семьи не получится. Остаток ночи Люська почти не спала, вертелась, крутилась, просто, опёршись на руку, смотрела на своего доктора и, с изумлением заметила, что он её не чувствует. Обычно, в таких случаях, Володя просыпался, подтягивал её к себе, гладил по голове, пел песенки или исполнял чудную программу сексуальных притязаний к своей жене...

Утром, проводив обманщика, не показав никаким видом свои переживания, Люська подошла к зеркалу. Она была из тех, кто относился к себе с большой критикой. Но даже при беглом осмотре стало понятно, что выглядит она очень даже. После родов молодая мать расцвела, немного поправилась, всё время улыбалась и очень легко несла свои обязанности по воспитанию дочечки. Внешне: один – ноль в пользу Люси. Одежда? Да дивчине до неё, как до Луны: два -ноль. Да что там, Люська готова к боевым действиям. Тем более, что её муж опять сегодня придёт поздно, у него горит какая-то сдача. Ну-ну...

Люся Алёшкина превращалась в Людмилу Градову. Любимые синие джинсы, белая рубашка на две пуговики, удобные лодочки и стильный рюкзачок телесного цвета, минимум косметики, помада цвета пыльной розы, высоко взбитые волосы, в них очки от солнца. И девочка, чудо из чудес, свет-

ленькая, с широко распахнутыми глазёнками, в джинсовом комбинезончике и бандане, в смешных светящихся кроссовочках. В принципе, как и всегда. Только в душе матери уже всходили ростки независимости, возвращались требования к самой себе принимать решения на её уровне, не подстраиваться ни под кого. У Люды Градовой есть дело, которое она выполняет очень хорошо, есть грандиозные планы, есть люди, ждущие её возвращения с нетерпением. И она не видит никаких препятствий для этого. Теперь не видит.

Люся не спеша шла по аллее с дочкой на руках. Она уже увидела машину и стоящую перед входом в госпиталь дивчину, держащую мальчика за ручку. И всё повторилось. И в тот момент, когда уже Магдалина чмокнула Володю, перемазав его своей ядовитой помадой, она и нарисовалась.

– Какая встреча! – С иронией произнесла Люся, она держала себя в руках. – А мы ждём, пождём, уже устали даже. Да, Катюш?

Ревизоры приезжают не только на сцены театров, они бьются и среди народа...

– Люся, а мы вот... Нам надо решить один вопрос... О... – Алёшкин, большой, сильный и красивый человек, был похож на провинившегося школьника.

– Как-то затянулось ваше решение, Владимир Батькович. Меня вызвали на ночные испытания, ваша очередь, многодетный папаша, присмотреть ещё и за дочерью. Я буду утром. – И, воткнув ему в руки Катюшу, ускакала на своих

высоких каблучках, выводя мелодии ударных инструментов по асфальту. А утром...

– Люся, у вас не было никаких работ ночью. Где ты была? – Еле дождавшись, спросил Алёшкин.

– Так же, как и у вас, уважаемый трудоголик. И потом, какая разница, где я была. Я, как и ты, не обязана ни перед кем отчитываться. Тебе пора, опоздаешь. И вот ещё что. Твои, измазанные жуткой помадой и воняющие грошовыми духами вещи, я сложила в дорожную сумку. Прихвати её, в моей машинке им делать нечего. Правда, с трусами я ещё не определилась. Но это позже. Вперёд, Алёшкин, тебя ждут великие дела и развлечения с сыном и его мамой. Только не развались, враньё делает человека слабым.

– Я не знал, как тебе сказать, зная твоё отношение к Лине...

– О, уже Лине! Как интимненько и семействененько. Поздравляю. Я считала тебя сильнее и смелее, и, уж, умнее, точно, а ты забыл: тайное обязательно, когда-нибудь, становится явным. А ещё ты забыл, что твоя Мария-Магдалина чуть не упекла меня в тюрьму. Да и одной ночи хватило, а ведь я уже была на третьем месяце! Но ты, всё равно её целуешь. Bravo, Алёшкин! Всё, не хочу ничего слышать. Забирай своё вонючее барахло и отправляйся к Римме. Ты давно хотел, всё складывается в твою пользу, там и встречайтесь.

Морской волк вспомнил, что он из семейства хищных, развернулся и вылетел из маленькой квартирки, сильно

хлопнув дверь. Сразу стало гораздо свободнее, доктора всегда было много. Но от грохота проснулась Катюшка. Слава богу, Люська выспалась в подсобке у охранника дяди Миши, напев ему всякой всячины.

Володя пришёл к обеду. На балконе сушились его "вонючие" вещи, вкусно пахло с кухни, девочки спали, прислонившись друг к другу. Он тихонечко прилёг, обняв сразу обеих. Люська что-то заурчала и подсунулась под него ещё ближе.

– Запретить любить невозможно, но и заставить нельзя. А доверие теряется один раз. Всё старо, как мир, добавить нечего. – Неожиданно чётко, как будто и не спала, начала Люся. – Ты сам должен сделать выбор, жить во лжи я не буду, как бы больно не было. И, самое главное, мой любимый профессор, понимая моё положение жены моряка, предложил скользкий график. И как только ты уходишь в очередной поход, я выхожу на работу. Папа с мамой с удовольствием приедут посидеть с Катюшкой, они очень скучают. Я больше не буду ломать свои планы ради тебя. Это понятно? – И, повернувшись к нему лицом, уткнулась в полосатую грудь своего мужа.

Ей хотелось плакать. Она как будто провожала что-то очень дорогое и нужное ей, как будто что-то очень важное уходило из её жизни.

– Люсенька, солнце моё! Я очень люблю тебя, а без Катюшки мне не жить. Римма попросила показать Вовочку знающему доктору, у него аллергия, запущенная. Только и всего.

Мальчик сразу назвал меня папой, и я растёкся. Лине приходится растить его одной, ей трудно. И я немного помогаю, совсем чуть-чуть. Ты же спокойно относилась к тому, что я общаюсь с сыном.

– Ты действительно не понимаешь или придуриваешься? Да одно то, что ты не находишь времени на нас с Катькой, увливаешь в сторону, но при этом помогаешь сыну, как ты говоришь, уже наводит на нехорошую мысль. А поцелуйчики при встрече, это что-то..., так трогательно, аж до слёз. С какого перепуга? Что бы ты подумал, увидев меня в такой ситуации? А?

Люська попыталась переползти через гору мышц, но была поймана и прижата намертво.

– И не смей меня целовать, после этой лахудры от тебя несёт её дешёвым парфюмом. Господи, ну чего тебе не хватало, Володя? Ну, хоть объясни мне, или я не заслужила? И почему ты не захотел сделать тест ДНК, ведь мальчик совсем не похож на тебя? Всё перемешалось в доме Алёшкиных... А самое ужасное, что ты и сейчас ничего не решил... Может, ты поживёшь у Риммы и разберёшься в себе? Мне нужен мой Володя Алёшкин, человек, ради которого я бы могла пойти на многое, просто доверяя ему.

Он ушёл. А Люська осталась, у неё не было слёз, один большой комок в горле и пустота в душе. Что-то пошло не так, совсем не так. А вечером проявилась Римма Ивановна со своими наставлениями и советами. Вас ещё не хватало.

– А где сейчас ваш благородный племянник? Вы в курсе? – Люська резко оборвала тётку.

– Девочка, не злись, я на твоей стороне.

– Что-то мне ваша сторона боком выходит. Вы прекрасно понимаете, что делить своего мужа я ни с кем не буду, тем более, с библейской грешницей. А сами устраиваете им встречи, прям, исстрадались все, не знаете, на какую ж... перед ней упасть. Да ради бога! Насильно мил не будешь, и я уезжаю к моим родителям, у нас ещё тепло, море фруктов, рай для Катюшки. Попробую проникнуться и понять, как это воспитывать ребёнка одной.

И уехала. Конечно, она поступила неправильно, не мудро, как говорят психологи. Не стала бороться за своего мужчину, отпустила ситуацию на самотёк. Обида, всепоглощающая обида, враг всех трезвых решений, опьянила Люську, отключила часть мозга, отвечающего за счастье человеческое...

Алёшкин не звонил, а через неделю ушёл в море. Раньше на два месяца. Вот так он не хотел её видеть! Вот тут уже Люська прорыдала полночи... А утром курьер принёс ведро цветов, всяких – разных. В букете ромашек она нашла открытку с изображением себя и Катюшки, эта фотка была сделана на вокзале в день отъезда к родителям.

"Далеко не секрет, что я люблю тебя, и только тебя. Так будет всегда! Одно то, что ты заподозрила меня в чём-то непотребном, выбило меня из колеи, Люся! О каком решении шла речь? Я своё принял давно, раз и навсегда: кроме

тебя в моей жизни нет места другим женщинам. И ты это знаешь. Зачем же мучить меня? Может, тебе самой нужно разобраться в себе?"

Лучшая оборона, это нападение. В чём разобраться? Что понять? То, что у Алёшкина есть сын, его наследник с лицом дивчины, один в один? И то, что эти двое будут присутствовать в их жизни всегда? И здесь очень важно, в каких ролях. Кто ей расскажет? А ещё лучше, подскажет?

– Иногда, чтобы понять, как жить дальше, надо остаться одной и сравнить, как лучше. Поезжай, доча, в Питер, поработай, подумай, поскучай. Когда посчитаешь нужным, мы Катюшку привезём. Неважно, через день или месяц. Когда скажешь. – Слова мамы прозвучали, как заключительный аккорд концерта для Люси и Володи...

В первый же день по приезду, как будто он следил за ней, Алёшкин позвонил. Люська за эти несколько дней столько всего передумала, столько страдала и плакала, опустошая и так свою раненую душу, что, услышав его голос, онемела, и слёзы опять покатались градом.

– Люся, не молчи! Ты меня не слышишь? Люся!

– Я слышу, – промямлила она, задыхаясь и всхлипывая. – Почему ты уехал? Я тебя замучила? Володя...

– Ты плачешь, Люська? Не надо, я того не стою, девочка моя любимая. Ни одной твоей слезинки. Я просто люблю тебя! – И так каждый вечер...

Работа над новым проектом захватила Люду Градову, дни

летели, она не вылезала с испытательных стендов даже ночами. Но очень скучала по дочке. Мама приехала и осталась немного пожить и обустроиться на новой квартире, снятой её дочерью, получившей хорошие деньги за предыдущую работу.

По всем правилам, Володя уже должен был прибыть в Питер, но что-то они задерживались. Люся перезванивалась с жёнами сослуживцев, все волновались. И она рванула в Североморск, хорошо мама ещё не уехала. И вовремя. Корабль пришёл через пару часов после её приезда. Алёшкин обалдел, увидев среди встречающих свою Люську, она стояла немного в стороне, скукожившись от холода.

– Володя, мы здесь! – Голос Магдалины пронёсся над всеми головами, попав Люське прямо в под дых, она даже согнулась, как от удара.

Мадам Алёшкина вытаращила глаза, в морозном воздухе её дыхание замёрзло, и она обратилась в ледяную статую. И уже в буфете аэропорта, обняв руками чашку горячего чая, стала соображать, или как это называется... Её здорово трясло, руки-ноги не слушались, в голове – каша.

– Люська, девочка моя! – Алёшкин сидел перед ней на корточках, в глазах тревога и растерянность. – Ну, слава богу, я тебя нашёл. С ума можно сойти с вами, бабами...

– Что? Бабами? – Она отмерла, возмущению не было предела. – Вот и вали к ним, к своим бабам. Это не ко мне, ты сбился с курса, Алёшкин, тебе в другую сторону. Оставь ме-

ня в покое, видеть тебя не хочу. Иди, тебя ждут, а то наследник твой простудится, не дай бог! – Её уже трясло по-настоящему, зубы клцали, пальцы рук не разгибались, ноги заледенели. Налицо, нарушение периферийного кровообращения... Она ж, жена врача, всё-таки, что-то понимает в медицине...

Володя сграбастал свою непокорную жену и потащил в медпункт. Его там знали, сразу замотали Люську в плед, дали какие-то таблетки, какой-то травяной чай, какие-то капли. Алёшкин усадил её на колени, прижал, как маленькую девочку и стал укачивать, нежно целуя в носик, щёчки, глаза... Спротивляться не было никаких сил, и она сама потянулась и обвила его шею, подставив свои губы и тут же улетев в дальние дали. Это просто волшебство какое-то, эти его губы, обладающие магией притяжения и доставляющие столько сладостных минут. Да, провались всё пропадом!

– Я не звал её, Люсенька! – Он не оправдывался, просто констатировал факт. – Она откуда-то узнала, зачем-то приехала. Ты можешь обвинить меня в чём угодно, но никаких обещаний, а тем более отношений у нас с ней не было, нет и не будет. И что ей придёт в голову очередной раз, мне неинтересно. Меня волнуешь только ты, любимая моя девочка Люся. А все остальные, которые бабы, это мимо. Как я соскучился по своим девочкам, сегодня же уезжаем в Питер, к Катюшке.

И жизнь потекла дальше. Сложно объяснить почему, но

Люся поверила своему Алёшкину и выкинула все сомнения из своей головы. Да и он не подавал повода сомневаться в нём. Володя стал приводить сына к ним домой, дети подружились, дивчина не появлялась на горизонте, зато бабушка Римма вымолила разрешение бывать у них и очень помогала Люсе, всё ещё надеясь перевезти семью племянника в свою квартиру. Прямо, навязчивая идея.

Катюшке исполнился год! Надо было видеть глаза её отца! В них отражались все оттенки обожания, какие только могут быть в мире. И когда он на суше, его девочка должна быть с ним. И никаких возражений. И Алёшкины переехали на север. Обустроились, Люся даже смогла сохранить свои дальнейшие изыскания, работая онлайн. Доктор радовался семейному складу своей жизни, как ребёнок, получивший желанный подарок. Они много общались, гуляли, играли с дочкой. Особых развлечений в городке не было, но это не мешало их счастью, тихому и спокойному.

Володя очередной раз ушёл в море, а Люся, наконец-то, оставив дочку Римме и маме, в надежде наезжать периодически в Питер, полностью погрузилась в свою любимую работу. В этот раз Володи не будет полгода, кошмар и ужас. От тоски спасала только работа. Им предоставили возможность проверить свои выкладки на новейшем оборудовании, только-только внедрённом в эксплуатацию. Пришлось перебираться поближе к испытательному полигону. Вся команда собралась под крыло их любимого профессора, ждали толь-

ко "гениев от космоса", как их здесь называли, как раз тех самых разработчиков.

И первый, кого увидела Люся, был Максим Эдуардович Стрельцов, математик, компьютерщик и космический гений... Ну куда же без него? Он уже был состоявшимся специалистом, имел имя в своей области деятельности, его уважали, прислушивались, обязательно спрашивали мнение молодого учёного. Только и слышно было: "Стрельцов сказал", "Это указания Стрельцова", "Все вопросы к Стрельцову!" И у Люси тоже было много вопросов к нему. Избежать тесного общения не получилось.

Встретившись, как старые знакомые, как земляки, они, не стовариваясь, выработали линию поведения, исключительно, по работе. А её было предостаточно. И опять их профессор после окончания очередного этапа объявил выходной. Для всех, без исключения. И как она не просила отпустить её к дочке, он был непоколебим, пообещав пару выходных чуть позже.

С появлением Максима она быстро превратилась в Людмилу. И опять была весна, и опять плакали берёзки, и опять Люда ушла туда не знаю куда, и заблудилась. Топографический тупинизм, всё-таки, имел место быть. Ни голосов, ни музыки слышно не было. А ей казалось, что она идёт вдоль оврага, слыша людской гомон прямо за спиной. В лесах есть такая особенность: кажется, что звук доносится с одной стороны, тогда как его источник – совсем в другой. Взяв себя

в руки, Люда Градова стала вспоминать, что она помнит об ориентировании на местности. Север-юг не подходит, потому что она не знает, с какой стороны пришла, больших деревьев рядом нет, залезть не на что. Но она точно вспомнила, что, когда заходила в лес, облака неслись прямо на неё. И, если ветер не переменялся, то теперь они должны её догонять, т.е. оказаться сзади. Определившись с направлением, Люська побежала, услышав непонятные звуки за деревьями. Зря она это сделала, собака догнала её в два прыжка и повалила на землю,

– Фу! Ко мне! – К ней подбегал человек, одетый как старичок-лесовичок. – Не бойтесь, не тронет. Не видит женщин годами, вот и реагирует, как на пришельцев.

Он протянул руку, и Люся удивилась, увидев перед собой молодого парня, очень симпатичного, улыбающегося и совсем не страшного лешего.

– Я не боюсь собак, хоть ваш и устрашающей наружности. Это алабай?

– Да, незаменим в наших краях. А вы как тут оказались? Заблудились?

– Не хочется признаваться, но да. Вот пытаюсь вернуться к своим. Иду по облакам.

– Правильно идёте. Мы вас проводим. Давайте знакомиться. Я – Андрей Смирнов, местный лесничий, остался после службы и не жалею, седьмой год здесь.

– После службы? А как же ваши родные? Они же вас жда-

ли из армии. Ой, простите. Я – Люся. Но в наших околону-
учных кругах меня кличут Людой.

– А, так вы с профессорской бригадой "Ух»? Далеко за-
шли, не побоялись. Или долго блукали? Неважно, через пол-
часика будем на месте, если не спеша. А что касается, ждали
ли меня дома, я вам скажу, хотя не люблю от этом. Моя мама
вышла замуж за отца моей невесты, которая, в свою очередь,
вышла за моего брата. Вот так.

Ничего себе, Санта-Барбара...

– Ну, и хорошо, что это случилось тогда, и вам не при-
шлось тратить время на разборки. Это было не ваше. Насчёт
мамы не буду судить, всё-таки она одна у каждого человека,
какая есть.

– Да с мамой мы давно уже всё выяснили, она приезжала
ко мне, звала, полдома отдавала. Но я уже не хочу, прики-
пел тут. Только вот спутницу не найду никак, никто не хочет
сюда ехать. – Ерунда. Если полюбит, поедет за таким
парнем хоть на край света. Значит, ещё не встретилась, жи-
вёт-поживает, вас поджидает. А вы засели в лесу, а она и не
знает об этом.

Они болтали и болтали, как старые друзья, которым есть,
что обсудить, есть, что вспомнить.

– Люда! Ты оставила телефон! Ну что за беспечность! –
Профессор стал отчитывать Людмилу сразу, не дав нико-
му ни слова. – Спасибо, Андрюша, привёл нашу сумасброд-
ку. Позвоните кто-нибудь Стрельцову, пусть возвращается.

И опять ничего не поела, но мы тебе оставили шашлычка, аджички, зелени. Всё, собираемся, ребята!

И когда Люда уже прощалась с алабаем, хитро поглядывающим своими голубыми глазами, физически ощутила на себе другой взгляд, пронзивший её таким же небесным цветом.

Через пару недель Людмила возвращалась из Питера после "побывки" у дочечки. Она чуть не бросила всё, все свои изыскания, все свои амбиции, когда увидела, как подросла её девочка всего за месяц с последней встречи, как изменилась, чему научилась. Всю обратную дорогу проревела и вышла в аэропорту, опухшая и сердитая, искать транспорт до их городка.

– Люда! Иди сюда, я за тобой!

Около служебной машины стоял Макс. А Людмила выглядит, как китайский болванчик, только что не мотает головой. Ей захотелось проморгаться, умыться, подрисовать лицо. Но как? Да и зачем? Что это вдруг...

– Здравствуй! На такую удачу я и не рассчитывала. Прямо за мной? За что такие почести?

– Мы подгадали так, чтобы и дела сделать, и тебя встретить, заодно.

– А, ну вот, всё встало на свои места. Заодно. А я уж...

– У тебя что-то случилось? Ты зарёванная. Скучаешь по доченьке? Да?

– Угу.

– Мы можем доделать всё сами, а тебе присылать отчёты, работай себе дома, профессор тебе разрешает, насколько я понял. – Уже в машине предложил Стрельцов.

– Нет, об этом не может быть и речи. Это мой первый самостоятельный проект, тем более, такой сложный. Я должна сама довести всё до конца. А там видно будет. – Отмела все варианты Градова. – Максим, я очень хочу есть, а тут уже всё закрыто, и в холодильнике пусто. И я с собой ничего не захватила, не сообразила.

– Ты рыбу любишь? К нам Андрей приезжал. Кстати, тебя спрашивал, привет передавал. И привёз кучу рыбы, всякой. Мы и уху варили, и жарили, и парили, и, даже, мариновали. И ещё есть солёная. Так что, рыбный пир я тебе обещаю.

– Нет, к тебе неудобно. И ко мне, тоже.

– Так и не надо, всё в холодильнике, в столовой.

И получился чудесный вечер воспоминаний. Они специально не касались своих половинок, рассказывали только о детях, немного поспорили, немного посмеялись. Пить чай переместились в диванную зону перед камином, очень уютно устроенную, удобную и тёплую. И пока Макс летал за мёдом, уставшая и испереживавшаяся Людочка улетела в царство Морфея. Оба полёта закончились не штатно...

– Люда, Людочка, Людмила, Мила, милая моя... – Почти стихами проговорил он.

Максим Стрельцов терпел муку из мук, с первого же дня

её появления. Он не разрешал себе никаких вольностей, никаких поползновений и проявлений своих чувств, понимая, что не имеет никакого права на неё, Люду Градову, девочку, девушку, уже молодую женщину и маму маленькой хорошенькой девчушки. Обидное слово, Малыш, вылетевшее на вокзале в его адрес, поставило всё на место. Он тогда жил только своими планами, исследованиями, изучением и систематизированием полученных знаний. Ему надо было закрепиться в нужной сфере науки, защитить кандидатскую, выйти на уровень практического применения его изобретений. Ну зачем он ей? Что он может предложить красивой и такой молоденькой и очень умной девушке? Его бестолковая жизнь, ненормированный режим деятельности, непонятные перспективы – всё было проблематично. А Лариска? Она заглядывала ему в рот, прилипла, как пиявка, но при этом, справлялась с обязанностями хозяйки и даже стойко выдерживала неустроенность и не налаженность быта. И он женился. Сейчас у них хорошая квартира, машина, небольшая дача в Подмоскowie, куда летом уезжает жена с сыном, для чего и была приобретена. А когда и Люда вышла замуж, Макс убедил себя, что сделал всё правильно. Верно, за исключением одного: он не учёл сердечных мук, которые усиливались с появлением в поле его зрения этой очень близкой ему девушки. Пока работали, спорили и рождали истину, ещё куда не шло. Но когда она опять потерялась, Стрельцов чуть не умер, рыская по лесу и оставляя на каждом проштудирован-

ном сантиметре леса часть своей души. И вот сейчас, напившись её обществом, наслушавшись её голоса, насмотревшись в её чистые серые глаза, открытые миру и ему, сегодня, он готов был сто лет сидеть и любоваться ей, такой родной и дорогой его душе, Людочкой... Ну, хотя бы это можно?

– Люда, я не могу оставить тебя здесь. Люда, проснись. – Бесплезно, она, видимо, настроилась спать до утра.

И тогда Максим рискнул. Он взял её на руки и понёс в комнату, а она обвила его шею и прижалась к плечу, устраиваясь поудобнее. Положив на кровать, хотел зажечь ночник. Но... Люда не отпускала его, недовольно "укая"... Он попытался ещё раз, тот же результат. Ну что, будить? Жалко, так крепко спит. И он улёгся рядом, тоже обняв её и прижав поближе... А проснулся от приятных прикосновений нежных пальчиков к своему лицу... Вторую ладошку Люда положила себе на глаза.

– Не смотри на меня, я – страшная. И, вообще, не подглядывай. Давай ещё немножко просто полежим, я и так сделала глупость, позволив притащить себя сюда...

– Люда...

– Не говори ничего.

– Но я...

– Пожалуйста, помолчи. Нам нельзя, ничего нельзя. У нас семьи, дети. Неужели ты не понимаешь, что, если мы не остановимся, возврата к прошлому не будет. Максим, прошу тебя, помолчи, дай мне ещё немножко подышать тобой... – И

зажала ему рот ладонью.

Это происходит с ним? Это не сон? Наверное, Стрельцов помешался, свихнулся на почве своей заумности, шарик зашёл за ролик. Он онемел не столько от просьбы Люды, сколько от услышанных от неё слов, от свалившегося на него счастья, от потери воздуха в лёгких, а в зобе, вообще, дыхание спёрло. Он целовал её руку, как бесценный и хрупкий груз, а она, уткнувшись носом в его грудь, сопела и немного вздрагивала, как от перехвата дыхания.

На следующий день Люда уехала, выпросив у профессора возможность поработать в лаборатории в Питере. Максим честно и досконально довёл испытания до конца и тоже умотал в столицу. Но теперь у него была Люда, он это точно знал. И не важно, что у неё замечательный муж и ладочка дочка... Они остановились, там, в комнате общежития, но потушить поднявшиеся из глубины души и сердца заново вспыхнувшие чувства не получилось. И, встречаясь на всяких мероприятиях, обязательно проводили один вечер вместе, но только вечер. Грустно, глядя друг другу в глаза, словно впитывая в себя, запоминая до следующей встречи. Конечно, этот детский сад закончился. Люда Градова и Максим Стрельцов любили друг друга, это же так понятно. А, значит, должны быть вместе. Для Максима всё оказалось гораздо проще, он никогда не любил Ларису. А вот для Люды, Люси Алёшкиной, этот узел оказался крепким. Ну как она скажет своему замечательному мужу об этом? Как объяснит,

что разлюбила, если он каждый день напоминает, что обожает её, скучает и ждёт не дожждётся встречи. Сказать, что не любила? Этого Люда не знала наверняка, уж очень много моментов было в их жизни, которые вспоминались с удовольствием, которые насыщали её жизнь радостью и счастьем. Но то, что она испытала от близости с Максимом, и что до сих пор ликует и поёт в её сердце, этого не было у Алёшкиных никогда. Что прикажете делать? Люси Алёшкиной больше нет, она окончательно стала Людой Градовой, Людочкой, Людмилой, милой и родной женщиной Максима Стрельцова. И самое пугающее, само нечестное и нечистое, не позволяющее сполна насладиться этой долгожданной любовью – это измена. Самая банальная... Она изменила своему замечательному доктору, своему мужу...

Вдох – любовь... Выдох – благодарность... Дышите... дышите глубже...

Лера.

Развод. Неприятное слово, вызывающее негативные эмоции. Рисуется картинка несостоявшихся пар, когда-то любивших друг друга, обещавших своим половинкам вечное счастье и луну с неба. Кто-то спокойно меняет свою жизнь, имея в проекте новую, а кто-то воспринимает, как трагедию, крах своих жизненных принципов. В любом случае статистика неумолима, редкостью этот процесс не назовёшь. Вот

и меня не минула чаша сия. И потянуло мою душеньку в Питер, Санкт-Петербург, самый красивый город планеты Земля. И смотрю я на развод мостов над Невой, оставляя значение этого слова только в этом контексте, а в другом – топлю в речной воде. Развод мостов, разводы при мытье полов или окон, в армии есть развод, например, перед дежурством. Что ещё? Да, развод, как мошенничество. Развод скота особой породы тоже имеет место быть. И развод зубцов пилы. Что ещё? Не помню больше. Русский язык богат на всякие подобные штучки, иностранцу, изучающему наш «могучий», бывает очень сложно.

– «Развод – это сильнейшее эмоциональное и психическое потрясение, которое не проходит для супругов бесследно», – вещала моя любимая подружка и, по совместительству, подружка на моей свадьбе. – Но я бы тебе порекомендовала взять на вооружение другую крылатую фразу: «Развод – это всегда начало чего-то нового». Ты всё сделала правильно. Нельзя жить во вранье и тихо ненавидеть друг друга во имя каких-то благородных целей, последствия могут быть очень печальными. Уже даже мне осточертела эта ваша «любовь», одному можно всё, а другой – только дочка, каша и секс по понедельникам.

Конечно, Наташка права. И вот я здесь, вернее то, что осталось от меня после семи лет брака, такого желанного, такого счастливого, такого «здоровского» первые годы и такого горького впоследствии, принёсшего предательство, ку-

чу обид и, главное, унёсшего веру, надежду и любовь. Хотя с последним дело обстояло очень плачевно, ненависть не желала селиться в моём сердце, заменяя себя раздражением нервно-паралитического действия, падающей самооценкой и туманными перспективами на будущее. Оно ещё и хранило образы славного мальчишки, моего бывшего мужа Ромки, разделяя мою жизнь на «до» и «после» ...

Он учился в одиннадцатом, а я, Валерия Трофимова, в девятом. Но в том году выпускной сделали общим, и, напрыгавшись и нахохотавшись, выпускники расположились на палубах речного кораблика, собираясь встречать рассвет. Становилось прохладно, мальчишки, следуя стадному чувству, один за другим стягивали свои пиджаки и согревали ими девчонок. Джентльмены. Несколько парочек уединились, рассвет их не интересовал. В том числе, и Роман Трошин со своей одноклассницей Ириной. А я, дура набитая, отказавшись от пиджака надоевшего ухажёра Сергея, гитариста и весельчака, решила немного погреться внутри, пока не взошло солнце. И увидела: Ирка охала и ахала в руках своего одноклассника, оголённое место, где должна была быть грудь, обозначалось небольшими ореолами и торчащими бугорками, и он по очереди засасывал их своим ярким ртом. Если бы не это обстоятельство, то грудь у девушки найти было бы проблематично. Мне стало и неудобно, и смешно одновременно. Красавец, мастер спорта по плаванию, чем очень гордился; будущий курсант, никто и не сомневался; и дос-

ка, два соска, Ирочка-дырочка. Они не смотрели по сторонам, им было параллельно, Ромка уже полез к ней под платье, усадил на стол и пристроился между ног. Неужели, прямо здесь? Я ужаснулась и с брезгливым чувством выскочила под рассвет. И тут же забыла о них...

Завораживающее зрелище... Особенно, с реки, окутанной туманом и причудливыми силуэтами деревьев и кустарников, растущих в среднерусском многообразии вдоль берегов, а в это раннее утреннее время похожими на лесовиков и леших. И вот..., первый луч прорезает ещё серое небо и тут же отражается на водной глади, рассыпавшись звёздочками, а потом второй, третий и, наконец, показывается яркая верхушка солнечного диска, освещая пушистым белым, тёплым жёлтым и знойным оранжевым всё, попадающее под эти лучи. Природа умеет творить и дарить волшебство! Все затихли, гитары замолкли, и птички только-только начали выводить свои рулады.

Я стояла почти на самом носу, вцепившись в поручни. Сергей рядом, обняв свою гитару, как девушку, что-то шепча себе под нос. Меня передёргивало от прохладного ветерка, мурашки поползли по коже, рассветное солнышко не грело, но обещало поторопиться с этим. Кто-то, всё-таки, накинул на мои плечи свой лапсердак, притянув к себе поближе. Я даже не повернулась, просто кивнула головой, мол, спасибо, уверенная, что это Серёжка.

– Красота! Ради этого можно и встать пораньше, и перед

рыбалкой, например, набраться позитива на весь день. – За спиной стоял Роман, он всё ещё обнимал меня, прижимая к себе спиной, как будто я – его девушка.

– Уважаемый рыбак, вы ничего не перепутали? – Вывернувшись из его рук, возмутилась я. – Не ту рыбку поймали, ваша поменьше будет. Ты чего, Роман Батькович, сбился с курса? Помочь?

– А подглядывать нехорошо, Лерка!

– А вы и не прятались, хотя заняли место общего пользования. Надо было табличку повесить «Не беспокоить, мы...» Ну, ты знаешь. Да забери уже свой пиджак, от него Иркой пахнет. – Я поразилась, ведь была уверена, что меня они, уж точно, не заметили.

– А ты ревнуешь? Так мне не жалко, могу и тебя поцеловать. – И впился в мой рот, больно прикусывая, пытаюсь раздвинуть губы.

Еле оторвавшись, я замахнулась, но Ромка поймал руку и сильно сжал, пытаюсь притянуть меня обратно. Я начала плевать, вспомнив, что он совсем недавно делал этим же ртом с другой дамой. Нашарила бутылку воды, стала промывать себе рот и фыркать, как морж, выплёвывая содержимое куда попало.

– Тебе так неприятно? Ты от меня, как от прокажённого.

– Я тебе не Ирочка, в очередь не становилась. И нечего меня после всяких там целовать, чёрт подери. Противно.

– Я понял. В следующий раз прополощу рот хлоркой, по-

том перекисью, нажрусь мяты и чего ты любишь? Вот этим тоже.

– Держись от меня подальше вместе с мятой, а то тебе и хлорка не поможет, узурпатор. Всё настроение испортил. Серёжка, отомри уже, поиграй что-нибудь остро-лирическое, душа просит. – Я уже не смотрела в сторону Трошина, кое-как освободив руку, на которой остались бардовые пятна, превратившиеся позже в синяки.

Ну, и чем не предупреждение держаться подальше от Трошина? Первое...

Зимой, получив от отца домашний арест на новогодние каникулы за появившиеся тройки, а, главное двойку по поведению, я находилась в состоянии, близком к обморочному. Небо в клеточку, а на воле столько дел, к которым я имею непосредственное отношение. И, если их не доделать, новогодний вечер окажется под угрозой, детский утренник, задуманный под Рождество, просто не состоится, а поздравление учителям пройдёт в обычной форме, потому что я ещё не придумала, как это сделать более оригинально. Но никакие уговоры, помощь мамы, друзей, даже классной, не помогли. Я жутко подводила своих одноклассников, да и школу, вообще. Правда, наша компашка, распоясавшаяся до неузнаваемости, и так «опозорила на весь свет замечательный экспериментальный лицей». Директриса пережила шок, узнав, что пятеро неплохих ребят, крепких хорошистов и обществен-

ников, в одночасье оставили весь район без света. Наши пацаны перепутали тумблер, отвечающий только за школу, с жилищным, подающим свет в дома. Правда, быстро всё исправили, но попались. Мы с Наташкой стояли на шухере, и могли бы сто раз удрать. Но русские своих не бросают, и вся наша дружная банда оказалась в кабинете директора. Спасибо, что не в кутузке, а то бы меня отлучили от белого света навсегда. До этого предупреждали, просили не шкодить, обещали страшные наказания. Но мы, объявив бойкот нашей химичке, отступить не собирались. Дело в том, что из двух десятых классов многие мечтали поступить в медицинский институт. Конечно, им нужны были углублённые знания по химии, чего она им дать не могла, имея за плечами специализацию фармацевта. Зоя Алексеевна преподавала по учебнику, и то, бывало, узко и непонятно. Мальчишки добились факультативных занятий, где она уже окончательно потерялась, как педагог. И при этом позиционировала себя великим специалистом, намекая на платные уроки, что было уже верхом наглости. Но директорисе заменить её оказалось некем, химию преподавать никто не хотел. В нашем городе только два института и одно военное училище, а остальное образование либо в Москве, куда и собирались наши будущие медики, либо в филиалах заочно. И тогда мы придумали новый ход и обратились к преподавателям технологического с просьбой найти пацанам, «заражённым медициной», куратора. И таким образом, репутация нашей Зойки-Зазнайки

упала до минусовых показателей. И она объявила нам войну. Но мы не сдавались. В послужном списке мстителей был и взрыв химической лаборатории, после которого ничего не пострадало, так он был продуман и исполнен башковитыми юными бунтарями; и сорванные уроки и контрольные, и просто споры, в которых рождалась истина, наша правда. Ну, а когда она перепутала реактивы, которые даже по цвету нельзя было не угадать, уже и самые последние двоечники подписали бумагу с требованием «оградить от происков учителя химии, действия которой угрожают их здоровью». В результате, полугодие мы закончили с тройками по ненавистному предмету, так ничего и не доказав.

К сожалению, сыграло свою роль устоявшееся мнение, что учитель всегда прав. Забегая вперёд, скажу, что Зоя Алексеевна была уволена за профнепригодность, как раз к Восьмому марта. Вот такой получила подарочек. Потом работала в аптеке, где и должна была трудиться сразу, не экспериментируя столько лет на детях. А в нашу школу пришёл тот самый куратор, которого мы нашли в институте. Ему очень импонировала целеустремлённость и жажда знаний наших мальчишек. Из семи претендентов пятеро поступили сразу, а двое на следующий год. И именно из них, «второгодников», выросли доктор медицинских наук, основатель собственной клиники глазных болезней, и администратор от медицины, создавший фирму, снабжающую медучреждения всем необходимым. И он же является учредителем фонда

помощи неимущим гражданам, страдающим от сложных заболеваний. Честь и хвала ему! Имеем своего гинеколога, но стесняемся обращаться лично к нему, и он нас отправляет к своим коллегам. Есть кардиолог, два хирурга и детский доктор, очень любимый детьми и уважаемый их родителями. Он, Ваня Петров, учился лучше всех, ещё в ординатуре стал работать над кандидатской, вести приёмы в городской поликлинике, получая опыт «из первых рук», так сказать. Но случилась трагедия, которая поломала планы талантливому врачу и честному человеку. Именно его добросердечное признание в том, что он не видел, как из кустов вышла старушка, попавшая ему под колёса, и стоило нашему Айболиту свободы. Его жена, Александра, не опустила руки, провела своё расследование. Мы помогли, чем могли. И через три года его оправдали, доказав, что пожилая, плохо видящая женщина действительно вышла из кустов на трассе в неположенном месте. Сделать что-либо не представлялось возможным, она просто упала под машину. И умерла от сильнейшего сердечного приступа, а не от травм, несовместимых с жизнью, как неправильно установили раньше. Эта история сильно нашумела, наш гений получил совершенно ненужную популярность, сыгравшую с ним злую шутку: он с трудом закончил ординатуру, ему отказали в защите учёной степени, и его нигде не брали на работу. Пришлось возвращаться в родной город лечить детей, за что город, по сей день, очень благодарен ему за каждодневный, самоотверженный труд врача с

большой буквы, доктора, вытаскивающего очень тяжёлых и почти безнадёжных детей. Мамочки молятся на него, а мы – очень любим и радуемся встречам, посиделкам, совместным праздникам с его семьёй, с Санькой и Ванькой. У них трое сыновей и две дочки, причём, младшая – Валерия, моя крестница и любимица. А сам Петров любит повторять: «Ничего не бывает просто так, ребята! Я многое понял за эти три года, многое переосмыслил. И главное, у меня есть семья, любимая работа, надёжные друзья, и укрепилась вера в лучшее будущее человечества».

А я всё обдумывала, как появиться в школе хоть на пол часика. Мы с мамой и её подругой тётёй Тамарой, между прочим, заслуженной учительницей Российской Федерации, разработали моё отлучение из дома. Отец с утра предупредил, что не придёт на обед. Обычно, если он находился в городе, с часа до трёх имел перерыв. Да и заскочить домой мог в любую минуту, не разгуляешься. И вот сегодня появилась возможность помочь, наконец, хотя бы с поздравлениями учителей. Почему-то, именно эту часть новогодних приготовлений никто не хотел брать на себя.

Поднадзорная Трофимова выскользнула из подъезда и стала пробираться огородами, стараясь не попасть никому на глаза. В одном месте намело по самые гланды и пришлось обходить, чтобы перелезть через забор. Прутья ограды звенели от мороза, варежки проскальзывали вниз, зацепиться не удавалось. Придётся топтать по проторенной дорожке, а так

не хочется ни с кем встречаться, миссия же у меня тайная!

– Для тебя дороги не имеют значения. И то, что умный в гору не пойдёт, тоже не про тебя. – За спиной нарисовался Роман Трошин собственной персоной. – Помочь?

– Я сама.

– Ну, конечно, я просто так спросил. Ну, вперёд!

– А ты посмотришь, да?

– Угу.

Между колоннами и заборными щитами торчали крепёжные болты. Вот по ним я и отправилась покорять высоту. В пуховике было очень неудобно, я боялась порвать его и пристраивала ноги очень аккуратно. И уже перелезла на другую сторону, когда поняла, что зацепилась за ажурный металлический уголок и рискую не просто свалиться, но и испортить вещь. Нога никак не доставала до следующего болта, а держаться руками становилось всё сложнее и сложнее. Караул! Движение сзади, руки, приподнимающие меня над забором, рюкзак летит в снег, мои ноги высвобождаются и вот, мы валяемся в сугробе: я на Ромке, сильно зацепившись щекой за обшлага его шинели, колючей и твёрдой, как наст ранней весной.

– Ты обалдел? Кто тебя просил? – Я никак не могла встать, зажата в замок руками курсанта. – Без тебя бы справилась.

Кое-как развернулась, всё ещё находясь в его объятиях, и испугалась. Он улыбался, а изо рта струйкой стекала кровь. И снег уже покраснел. Снег, надо холодное.

– Ромка, тебе больно? Тебя что-нибудь беспокоит? Ты слышишь меня? Да ответь же, или я скорую вызову.

Он уселся, мотнул головой. Щегольская фуражка, зимой, ну совсем дурак, отлетела в сторону, волосы цвета спелой пшеницы запорошило снегом, а глаза, серо голубые, в прожилках, как разбитое стекло, уставились на меня в упор.

– Ты очень красивая, Лерочка! – Он явно любовался мной, разглядывал, как будто первый раз видит. – За полгода изменилась, заметно повзрослела, даже немного подросла. И похудела. Зачем?

Я растерялась окончательно, сидя на нём, как на коне, его руки переползли мне на талию.

– Так, точно крыша поехала. Отпусти меня уже. И вставай, не лето красное.

– Да, но я бы с большим удовольствием продлил наше рандеву.

Я стала стряхивать с его головы снег, достала платочек, набрала в него льда и приложила к губе. Он поморщился.

– У тебя щека горит, ты ударилась? Тебе тоже нужен холод.

– Да нет, это я ободралась о твою шинель, ничего страшного. Ну, вставай, мне уже холодно. Надо в медкабинет, к Юлии Александровне, обеззаразить твою ранку. Пошли. Если что, ключи при мне, она доверяет своим сандружинницам. Мы в этом году, в сентябре, выиграли соревнования как раз по оказанию первой помощи. Так что ты в надёжных ру-

ках.

Мне повезло, нас никто не видел, около школы и внутри было пустынно. Школьной медсестры на месте мы тоже не нашли, и я обработала всё сама, прихватив ещё и ухо, и поцарапанную щеку Романа.

– Я искал тебя, почти сразу после выпускного, хотел извиниться. Но ты уехала, а потом и я, в военный лагерь для поступающих. Ты прости, Лерка, я немного перебрал там, на корабле, и вёл себя безобразно. И эта Ирка...

– Стоп! Вот про «эту» мне вообще не интересно. Всё, ты свободен, заражение крови тебе не грозит. А у меня забот – полон рот.

– Давай я тебе помогу, у меня на сегодня все дела уже переделаны. Да и послушать хотелось бы, от кого ты прячешься?

Я, вдруг, подумала, а почему бы и нет. Новогодний вечер завтра, времени катастрофически мало, помощники что-то не торопятся, учителей вообще нет.

– А давай. Пойдём в столовую, она ещё работает, чайку заодно попьём, а то я никак не согреюсь.

И мы за пару часов всё нарисовали, подписали адреса, выбрали подарки, которые завтра должны будут купить мои одноклассники. Получилось очень даже...

– Ты так и не сказала, от кого ты бегаешь?

И я рассказала всё этому парню, весёлому, доброму, совестливому, вишь, повинился он, и, к тому же, красиво ри-

сующему и обладающему большой фантазией. Он меня ещё и чаем напоил, и плюшками накормил, и домой проводил.

– Можно тебя в щёчку поцеловать? Быстрее заживёт. – И, не ожидая ответа, поцеловал в губы, очень осторожно, чуть прикоснулся.

Но я почувствовала привкус и крови и йода. И вспомнила о мяте и о чём-то ещё, что я люблю.

– Ты... – Пискнула я.

– Всё, пока, Валерия Трофимова, умная и красивая девочка-мечта. – И чмокнул в ободранную щеку.

И ушёл. Я не успела ни среагировать, ни дать отпор. Потом мы виделись на встрече выпускников в феврале. Он много танцевал с Иркочкой и с кем-то ещё, зажимался по углам, хохотал, находился в превосходном настроении и великолепном расположении духа. А я ушла, мне было неинтересно и даже противно, когда он смотрел в мою сторону, ухмыляясь и, при этом, обнимал за талию очередную девчонку.

Чем не второе предупреждение?

Я уехала на всё лето в Крым, а потом в Москву, нужно было поступить на подготовительные курсы. Впереди последний год учёбы в школе, надо готовиться к взрослой жизни, как говорила мама. По настоянию родителей Лерочку ждал строительный институт. И только туда меня отпускали из нашего города. Папа даже собирался снять комнату, переселив на некоторое время и маму, пока я освоюсь. А мне хотелось

заниматься моделированием, шитьём, вязанием. Я любила рисовать, придумывать, организовывать выставки, показы, одевать кукол, делать руками всякие поделки и внедрять в жизнь подсмотренные дизайнерские проекты, не умея, пока, проектировать сама. И мы решили с мамой, что учиться я буду по папиной линии, но найду возможность заниматься и любимым делом, и обучаться этому. Слава богу, всяких курсов, развивающих программ и заочных форм обучения в столице было предостаточно. На том и порешили, а время покажет.

Москва закружила сразу. Поступив, я поняла, что учиться несложно, но уж первые два года точно. И пока мамочка кормила, стирала, убирала, я умудрилась закончить два первых курса за год. Папа был в восторге. Тем более что курсом старше училась моя подружка Наташка и сын его коллеги, Виктор Пичугин, с которым мы были в очень хороших, дружеских отношениях. Он тоже обрадовался, что мы теперь будем вместе грызть гранит науки. Да и мама успокоилась, поселив Наташку со мной. Вот так и получилось, что к третьему курсу мне исполнилось только-только восемнадцать, Наталье – почти двадцать, а Виктору – двадцать один. Он и рассказал, вспоминая наших общих друзей и знакомых, что Роман Трошин учится в космической академии, здесь, в Москве, а не в нашем родном военном училище. А я и не знала, ничего не знала о нём. А он был уже на четвёртом курсе, стал старшиной, золотые погоны носил с гордостью.

Будущий офицер пользовался успехом у женщин, попадая в разные смешные и непредсказуемые ситуации, о чём рассказывал с юмором и не очень заботясь о достоинстве той или иной подружки. Виться пересказывал, тоже веселясь.

– Вы что, действительно считаете, что вот так неуважительно отзываясь о девушках Трошина поступаете как настоящие мужики? «Хероу», одним словом. От тебя, Виктор, никак не ожидала.

– Да нет, Лерочка. Просто эти «девушки», как ты их назвала, атакуют КПП (контрольно-пропускной пункт) с утра до вечера, не скрывая своих намерений. Курсанты даже сделали себе лаз в стене, секретный, чтобы не встречаться с ними. Но они оказались такими пронырливыми, каждый раз придумывая новые способы оболванивания и ловли потенциальных женихов, из-за чего и происходят всяческие нелепые случаи. – Пичугин зарделся, уцепив неодобрительный взгляд Наташки. – Мы ничего такого... плохого... не думали мы... – Совсем потерялся парень.

Девчонки рассмеялись.

– Вон кто-то с горочки спустился, – вдруг пропела Наташка, глядя в окно.

Мы пришли с занятий, вечер оказался совершенно свободным, что для меня было царским подарком. Ведь Лерочка училась ещё и на заочном отделении в институте лёгкой промышленности, куда меня взяли тоже сразу на третий курс, так сказать, авансом. Я предполагала закончить следу-

ющие два тоже за год, спецпредметы начнутся только в конце четвёртого, а общие совсем не сложные во втором учебном заведении. Но всё требовало времени, а его у меня не было, не хватало катастрофически. Спасибо Наташке, она взяла на себя все бытовые проблемы. Но очень сетовала, что питаюсь я плохо, гастрит не за горами. И постоянно ставила ультиматумы: «Не поешь, не пойдёшь». Да я и сама стала замечать круги под глазами, серый цвет лица, всё время сползающие джинсы, ввалившиеся щёки. На воздухе совсем не бывала, спорт забросила, даже фрукты, любимые, и те не лезли в горло. И решила делать хотя бы один выходной, высыпаться, бегать или ходить в бассейн, на худой конец, заниматься дома. Что я сейчас и делала, чтобы уже не осталось никаких препятствий для отдыха.

– Куда спустился? Ты о чём?

– Не о чём, а о ком. На нём погоны золотые... – продолжала она.

Звонок в дверь прозвучал, когда я зашла в душ. Весёлые возгласы, звонкие чмоки, стук посуды, хохот. Да кто там? Мне так хотелось полежать в тёплой ванне, расслабиться, послушать музыку. Да, чёрт с ними, Наташке весело, и ладно, а я понежусь. Напустила в воду кучу пены, улеглась и закрыла глаза, совершенно упустив из вида, что дверь у нас не закрывается. Минут через десять я уже дремала, ни о чём не думая. Дуновение, небольшой сквознячок заставил разлепить глаза, и я увидела обалдевшие глаза Трошина и не сразу по-

няла, что моя грудь возвышается над пеной, смотрите – не хочу... И сотворила чудо из чудес: почему-то выскочила из ванны, собираясь удрать, или убить его, или что я хотела, представ пред ним во всей своей обнажённой красе? Опомнившись, схватила полотенце и выдворила гостя восвояси. А сама уселась на край ванны, а потом и свалилась туда прямо с головой и макияжем. Господи, как стыдно! Ни за что не выйду!

Влетела Наташка.

– Руся, – так звала меня только она, от Леруся, Леруська, тогда я была Руська, ей нравилось созвучие с русской, с Русью. – Он не хотел. Вода уже не лилась, тишина, а ты не выходишь. Мы подождали немного и заволновались. Я ж и подумать не могла, что ты при гостях полезешь в ванну, Руська. Ну, прости его, он сам расстроился, что опять сгруппил перед тобой. Одевайся, подкрасься и к нам. Мальчишки такой торт принесли, закачаешься.

– Ты развлекайся, Наташ, я не пойду. Не пойду. Всё. Я ещё немного понежусь, с пол часика.

Через минуту хлопнула дверь, Витька с возмущением вещал о человечности и об умении прощать, Наташка что-то возражала. А у меня слёзы застили белый свет, я совсем растерялась от полученного шока, от стыда, от своей непонятной реакции. И эти глаза, такие потерянные, а потом восхищённые, явно, не желающие оторваться от моего бесстыдного тела, стояли предо мной, как укор, как наказание за мою

«принципиальность». Конечно, Рома должен был постучать, но в наушниках не слышно. Может, и стучал. И потом, я и сама довершила «сцену разворота». Господи, глупость какая, нелепица. Когда уже и Витька уйдёт? Кажется, у них с Натальей что-то складывается. Точно, высушусь и пойду гулять, оставлю их одних. Так и сделала.

В голову лезли странные мысли. Мне нравится Рома? Ведь никого за это время я не подпустила к себе ближе, чем за ручку подержаться. Да и то, когда скользко было, когда в горы лазили и когда Витька согревал мои руки. По-дружески. И снится мне только бравый курсант в жёсткой шинели, особенно тот маленький поцелуйчик, ничего не значащий для него. Может, мой герой на подходе, и я его просто ещё не встретила? И за неимением лучшего заиклилась на Трошине? Но почему тогда так растревожило его появление? Почему болит сердце, почему так хочется утонуть в этих грустных глазах, когда они серые, или голубых, когда весело и радостно у Ромки на душе? Почему при упоминании имени Роман, Рома, Ромочка у меня учащается пульс, кровь бьёт в виски, хочется плакать. Потому что я запретила себе даже на йоту надеяться на что-то, связанное с ним. Мы в Москве, он сам по себе, я – сама по себе, ничего друг о друге не знаем, не интересуемся, пусть так и продолжается. Но ведь Ромка пришёл сегодня. Зачем? Просто повидаться? Повспоминать? Пообщаться? Наверное, да. И хватит об этом.

Я зашла в наше с Наташкой любимое кафе, вспомнив, что

ничего не ела. Большая кружка латте и круассан меня спасут. Боже, я не взяла сумку, а деньги там. В животе заурчало от возмущения на бестолковые мозги. Но девушка-бармен, заметившая моё замешательство, поняла, в чём дело, и предложила заказ в долг, до завтра. Она нас с Наташкой запомнила, поэтому и доверяла, больно вид у нас порядочный. Я усе-лась за маленький столик, обхватила руками чашку. Странно, ещё не холодно, а у меня руки и ноги ледяные. Нужно расслабиться, как учили нас на курсах выживания: нельзя ни в коем случае скукоживаться, зажиматься и обездвиживаться. А нужно как можно максимально распустить свои мышцы и двигаться плавно, не быстро. Но сейчас куда-то идти совсем не хотелось, усталость последних дней накрывала с головой, даже думать расхотелось. Удобное креслице, парок от кофе, тихая музыка и чьё-то присутствие. Я почувствовала это даже через закрытые глаза.

– Не пугайся, это я. – Ромка сидел напротив, грустно улыбаясь своими удивительными, сейчас серыми глазами. – Вернулся извиниться, опять. Это уже входит в привычку, просить прощения у тебя, Лерочка!

Всё-таки у него необыкновенные глаза, какие-то чересчур открытые, в них можно многое прочесть. Он тоже выглядел похудевшим, с немного впалыми щеками, не выбрит. Причём при блондинистом цвете волос, щетина росла тёмная, что добавляло его лицу мужественности, что ли. А губы... Полуулыбка, яркие, чуть припухшие, и ямочка на подбород-

ке, я раньше не замечала. А припухли от страстных ночей? Романтика помахала ручкой...

– Привычки имеют особенность меняться в зависимости от круга их применения. – Во, загнула. – Я освобождаю тебя от неприятной обязанности навсегда. Не стоит беспокоиться, Роман! Просто держись от меня подальше.

– Где-то я это уже слышал... Ну что ж, как скажешь. Но тогда разреши объяснить тебе напоследок, девочка, что ты, помимо того, что очень красивая, ещё, и сложена как богиня. И это видно даже под одеждой. Ты не должна стесняться своего тела, тебе надо им гордиться. Поверь мне...

– Я верю, верю. – Краска бросилась мне в лицо, он говорил, как старший товарищ, совершенно не принимая во внимание моё смущение и душевное смятение. – С вашим-то опытом, уважаемый. Да мне...

– Несносная особа. Договорить можно? Или мы всё уже и так знаем? Обо всём судим, не учитываем чужого мнения, не прислушиваемся к советам? Я уже говорил тебе, что ты – очень красивая девушка, необыкновенная, мимо тебя нельзя пройти просто так, головы мужиков выворачиваются на сто восемьдесят при виде Валерии Трофимовой. Это чистая правда. И мне очень неспокойно за тебя, мы, всё-таки, не совсем чужие, земляки, так сказать. Хотелось бы быть с тобой рядом, как другу, оберегать, подсказать вовремя, помочь. Просто общаться, тем более у меня свободный выход в город. Клянусь не потревожить тебя своими необдуманными

ми поступками. Просто общаться. А? Ну вот зачем ты здесь? Дома Наташка волнуется, Витька не в своей тарелке, торт так и не разрезан. Пойдём?

И я пошла. Рома рассказывал о своём нехитром житье-бытье, о старшинских, золотых погонах, о его друзьях, курсантах, настоящих мужиках, об учёбе. За эти десять минут я узнала о нём больше, чем за годы знакомства. Хотя, какого знакомства, несколько встреч и снов?..

Наташка подскочила, засуетилась, Витька расплылся в улыбке, чмокнул меня, помог раздеться. Мы пили чай, вспоминали, хохотали, переглядывались. Хорошо...

А перед сном моя подружка призналась, что они с Пичугиным поцеловались сегодня, по-настоящему, и она, кажется, его любит. А ещё она передала подарок Ромки. Он вернулся, чтобы подарить его мне и извиниться, но к тому моменту я уже уметелилась. Не тащить же назад. Я ахнула, в красивом непромокаемом мешочке был набор ароматических масел для ванн, моя давнишняя мечта. Откуда узнал? Наташка поклялась, что ничего ему не говорила. Да и когда? Ей не до этого...

И понеслась московская студенческая жизнь. Я окончательно поняла, что дело моей жизни не связано со стройкой. Но папа уговорил, всё-таки, окончить институт, получить диплом и профессию инженера-строителя. Пришлось согласиться. Просиживая на лекциях, я умудрялась делать задания и по любимым предметам другого института. По-

лучались и свободные вечера, мы шатались по столице, развлечений и искушений было полно. Наша четвёрка облазила все музеи, выставки, ярмарки и распродажи – по интересам девочек, и футбольные матчи, спортивные соревнования и пивные бары – по интересам мальчиков. На одной из хоккейных баталий случилось происшествие, изменившее в корне моё отношение к Ромке. В Ледовом дворце было довольно холодно, и в перерыв наши мальчишки ушли в гардероб за верхней одеждой. В зале вообще было пусто, народ куда-то рассосался. А к нам подсели взрослые, здоровые мужики. Двое – по краям, третий сверху, четвёртый снизу.

– Ну что, девоньки, собирайтесь. Мы за вами давно следим, вы нам подходите, такие разные, на любой вкус. – Безапелляционно заявил усевшийся рядом со мной рыжий дегтина под два метра ростом, с огромными руками, лошадиным лицом и побитыми шрамами губами.

«Девоньки», действительно, были очень разные. Лера, стройная блондинка с жёлто-зелёными глазами, с чётким овалом лица и длинной шеей, и темноволосая, кареглазая, невысокая, но словно выточенная статуэточка, Наташка.

– И без выкрутасов, ваши птенчики вам не помогут, они у нас на прицеле, – заржал викинг.

Он положил руку мне на колено, а второй потянулся к груди. Я со всего маху врезала ему по морде, пнула ногой и заорала: «Помогите!» Но он зажал мне рот своей лапищей, прижал к себе и расплылся в иезуитской улыбочке.

– Я не прогадал. Мне такая приткая и нужна.

К нам направлялся человек в чёрном, у него на лице было написано, как ему всё параллельно, как надоело оказывать всем помощь...

– Что у вас тут такое? Всё нормально?

– Да, начальник, подруга чудит, не переносит проигрышей, а наши как раз продувают.

И поняв, что я пытаюсь вырваться и доложить защитнику граждан и обездоленных реальное положение вещей, потянулся к моим губам, обдав похмельной вонью. Я резко замотала головой, что вызвало похабненькое ржание остальных, а, сидящий рядом с Наташкой, изловчился повторить действия своего босса. Но она, не тут-то было, вскочила на кресло и стала махать сумкой у себя над головой, мол, фиг вам, не подойдёте.

– Мы им никакие не подруги. – Орала она не своим голосом. – Мы пришли со своими парнями. А что им надо, могу только догадываться.

К нам уже подходили ребята из оцепления, показались и Ромка с Виктором. Я кое-как вывернулась и начала махать руками направо и налево, но попасть этому гаду по его холёной харе никак не удавалось. А Наташка умудрилась врезать ему сумкой прямо в глаз. Он аж взвыл от неожиданности, а двое других схватили её и потащили к выходу. Но это они зря. Витька уже подлетел и сзади уложил этих двух с двух же ударов. Он с детства занимался единоборствами, хотя внеш-

не был совсем не Шварценеггер, но крепкий и жилистый. К ним подоспели стражи порядка, скрутили мужиков, Наташка была спасена. А Ромке пришлось отбивать меня в одиночку. Он взлетел на трибуну, перемахивая через ряды. Сразу врезал рыжему в ухо и, следом, по ухмыляющимся губам. Четвёртый, сидящий снизу, совершил полёт шмеля почти до самого льда ещё раньше, и его принимали подоспевшие любители хоккея, возвращавшиеся с перерыва на свои места. Но, чёртов бугай, успел ответить курсанту, сильно толкнув его, и тот полетел на нижние ряды трибуны. А этот гад схватил меня под мышку и потащил в другую сторону на выход. И я с ужасом поняла, что нас никто не преследует. Сзади появился четвёртый (странно, его же скрутили), и рыжий заорал: «Быстро заводи машину!» И как я ни старалась высвободиться, получалось ещё хуже, кости трещали, руки молотили сами себя: ему, хоть бы, что, а моё тело превращалось в бесформенную грушу. Но уже на улице нашу троицу встретили стражи порядка, и я оказалась на свободе. Номер не прошёл. Ребята посадили меня в свой микроавтобус, налили кофе из термоса, дали салфетки и зеркало. О, ужас! Из него смотрело перемазанное косметикой лицо с опухшими губами, синяками на шее и щеке. А руки, поцарапанные и побитые, с синим мизинчиком на левой руке, походили на какое-то месиво. И рёбра, и коленка, и что-то саднило в районе талии. Баталия хоккейных болельщиков, ни больше, не меньше.

Пришли Наташка с Виктором, и нас повезли в участок давать показания. И только тут я вспомнила о Ромке. До чего же человек бывает непредсказуем? Мои приключения вытеснили на время его из моей, любящей себя любимую, жизни.

– А что с ним? И где он? – Я схватила телефон, он не отвечал.

Виктор виновато посмотрел на меня, отвернулся и насутился.

– Ты не волнуйся, у него небольшое сотрясение мозга, его везут в больницу. Врач сказал, что проведут обследование и отпустят. Страшного ничего нет. – Отрапортовала Наташка.

– Сейчас же остановите, мне надо сойти. – Завопила теперь уже я.

– Вам надо дать показания, вы являетесь...

– Сначала в больницу, а потом всё, что угодно. – Я перебила, твёрдо дав понять, что так и будет.

Нас не пустили даже в отделение. Но пока я ругалась с персоналом, блюститель порядка взял справку о состоянии здоровья Романа, как потерпевшего от рук рыжего. Сотрясение имело место быть.

– Поехали, Валерия! От ваших показаний зависит уровень тяжести наказания этого бандита.

Домой добрались уже поздно вечером. Упали без ног. А утром понеслись в травматологию. И меня опять не пустили. Виктора с Наташкой – пожалуйста, а меня – нет. Моё седьмое чувство подсказывало, что это неспроста. Я еле дожда-

лась их.

– Руся, ничего страшного, как я и говорила. Через пару-тройку дней отпустят. Проколют, прокапают и в путь. На башке небольшая рана, поверхностно задело. Ну и пара синяков. Всё хо...

– Не заговаривай мне рот. Почему я не могу пройти к нему? У него там кто-то есть? Да, если и так, я что, не имею права увидеть Ромку, поддержать? Поблагодарить, в конце концов! Что происходит? Ты от меня что-то скрываешь?

– Лер, он пока не хочет тебя видеть. Ему не по себе от того, что не смог защитить свою девушку. – Открыл рот Витька. – Так и сказал, «свою девушку». Ему нужен покой, хотя бы до завтра. Пойдём, позже придём. Тем более, у него процедуры. Да и телефон в реанимации отбирают. Но одно я знаю точно: если бы были проблемы, его бы отправили в военный госпиталь. Вывод – ничего страшного. Пойдём.

На учёбу мы так и не попали. У меня разболелись рёбра, опухший палец не давал покоя, а губы мешали и пить, и есть. Наутро я отправилась в поликлинику нашего института, где диагностировали трещину в ребре, а на мизинец наложили гипс, хорошо, хоть на левую руку. А рёбра заставили перевязывать тугой повязкой, да хоть из простыни. И отправили на неделю лечиться, выписав кучу лекарств и витамины. К Роману я уже физически не попадала, еле добравшись до дома. Наташка ахнула, вызвала Витьку. Они сгоняли в аптеку, в магазин, приготовили кучу всяких полезных блюд для ме-

ня и для нашего курсанта. И ушли к нему в больницу.

Видимо, лекарства подействовали на меня таким образом, что я проспала до вечера. Проснувшись, наткнулась на записку. Наташка принесла, как пить дать, и не стала будить.

«Лерочка, девочка моя. Я опять прошу у тебя прощения. Думаю, что ты не захочешь иметь со мной никаких дел после этого. Мне нет оправдания. Витька рассказывал, что за тобой ухаживает старшекурсник, и ты ходила с ним в кино и ещё куда-то. Я бы очень хотел, чтобы он оказался сильнее меня и никогда и никому не дал тебя в обиду. Мне подарили неделю на восстановление, и я уезжаю домой. Приеду, встретимся. Если захочешь. А если нет, я не обижусь. Целую, исключительно в щёчку».

Исключительно, в щёчку, он не обидится... Я рухнула опять на диван, не было никаких сил. Какой старшекурсник? Вадим, что ли? Он был прикреплён ко мне в порядке помощи первокурсникам, и очень помогал в учёбе. Мы просиживали в библиотеке, в компьютерном классе, один раз лазили по ВДНХ, а потом пошли в кино, сделав себе подарок за хорошую работу. Да, он стал приударять за мной, до сих пор на что-то надеялся, приглашая то в ресторан, то на концерт, то просто погулять. Но я никуда с ним не ходила, и Витька знал об этом. Зачем рассказал Ромке?

Решение пришло мгновенно. Если Роман уезжает сегодня, то остаётся только поздний поезд. Я затянулась купленным корсетом, кое-как оделась и рванула на вокзал. В метро

было уже немногочисленно, и я уселась в уголок.

«Что со мной? Почему я так хочу его увидеть, что даже боль не останавливает? Почему мне нужно заглянуть в глаза Ромки? Почему, не услышав его голос, я не смогу дальше дышать? Я влюбилась? Лерка, признайся уже сама себе, что ощущаешь жизнь пустой и неинтересной без Трошина? И что ты очень переживаешь за него, за его состояние, за его душевный покой. Ведь этот человек пострадал из-за тебя, и ты видела, как он ринулся в бой с громилой, раза в два больше и сильнее его. За что он должен просить прощения? Тебе надо обязательно поддержать отважного защитника, ты же «его девушка» ...

На вокзале меня всё время нещадно толкали, причиняя физическую боль. Я нашла место в зале ожидания как раз напротив перрона, с которого должен был уходить поезд. И стала ждать. Недолго мучилась, старушка... Он появился в «гражданке», с перевязанной головой, Чапаев. Рядом шла девушка, она поддерживала его под руку и заглядывала в глаза и рот, что-то объясняя. Он отвечал, она чмокала его и продолжала вещать дальше. И поцеловала, повернув его лицо к себе, уже в губы. Я обомлела. Она была постарше, может, выглядела так, в узких брючках, бутильонах на шпильке и в короткой расстёгнутой курточке, выставляя на свет божий бесстыдно выпирающую из разреза кофточки грудь. Трошин улыбался, поглядывая на это безобразие, как-то задумчиво, и мне показалось, что он хорошо знаком с этой частью своей

спутницы и не прочь бы повторить это удовольствие. А что? Если они уезжают вместе, вполне может случиться. Ну что ж, пройдем этот путь до конца. Я потихоньку двинулась за ними. И, о да, эта парочка уезжала вместе. Девушка вошла в вагон, а Роман остался на платформе покурить. Он делал это только в моменты сильного переживания или после алкоголя. Совсем редко. Я решила.

– Доброй ночи, Рома! Уезжаешь?

Он не то, что обалдел, он превратился в соляной столб, сигарета выпала, обжигая ему руку. Ромка даже не дернулся, уставившись на меня немигающим взглядом. А видок был, что надо: раздутые губы, немного косящий взгляд под опухшим веком, минимум косметики, не скрывающей синяков и ссадин, скособоченная фигура и гипс. Прямо бегство французов из-под Москвы.

– Романчик, ну, где ты? Иди уже, пять минут осталось. – Тревожилась мадам. – А это кто? Попрошайка? Или бомжиха? Лихо её размазали. Их тут полно, не обращай внимания, заходи. Девушка, вам пора в свой бомжатник.

Что?! Я была растоптана, меня просто поимели, как половую тряпку, как падшую женщину. Как проститутку. Потрясение было настолько глубоким, что на нервной почве я стала сначала подхихикивать, а потом и хохотать во всё воронье горло. Все органы трясло и выворачивало наизнанку, сдвинуться с места не было никаких сил, как и просто пошевелить руками и ногами. Я сходила с ума...

Трошин подскочил, схватил меня за плечи.

– Тебе плохо, Лера? Плохо? Успокойся, девочка. – И прижал мою голову к своему плечу. – Я никуда не поеду, отвезу тебя в больницу. Подожди, я вещи возьму. Лера, одну секунду.

Эта секунда вернула меня в реальность, и я рванула по перрону, ничего не видя и не слыша. Честно, как добралась домой – не знаю. Ничего не помню. В квартире никого не было, очень странно, ведь ночь на дворе. Я нашарила телефон, который забыла, уходя. Двадцать два звонка от Наташки, девять – от Виктора и восемнадцать – от Романа. Ему-то что надо? Господи, как мне плохо...

Войдя в ванную, первым делом наткнулась на масла и благополучно зашвырнула их в угол. Какой-то флакон разбился и стал источать ароматный эфир. Мне стало совсем худо, и я решила спать так, не помывшись, бомжиха так бомжиха...

– Лерочка, моя родная, уже утро, просыпайся. – Ласковый голос Ромки дул мне прямо в ухо. – Девочка моя, нам надо поговорить.

Я подскочила и поняла, что он лежит рядом со мной. Я-то в пижаме, не помню, когда успела её натянуть, а он-то в трусах!? Это ещё что такое! Мне всё это приснилось... Или нет?

– Ты не уехал? Что так? Пожалел попрошайку?

Он встал, натянул джинсы. Фигура пловца, длинные ноги, сажень в плечах, выпирающие мышцы... Девки в пляс...

Картинку портила повязка на голове и торчащие в разные стороны светлые волосы.

– Лера, я прошу тебя, не вспоминай вчерашний день, выброси его из нашей жизни. – Он присел перед диваном, аккуратно взяв мою руку, запакрованную в гипс. – Бедная ручка, не выдержала...

– Прекрати! – Я закричала, Ромка даже вздрогнул. – Какое тебе дело, что я там не выдержала. Не надо меня жалеть, это расслабляет. А мне нельзя, у меня куча планов, и я привыкла реализовывать их сама.

Взмахнув рукой, попала прямо по губам, ойкнула, дёрнулась, рёбра затрещали, брызнули слёзы.

– Господи, Лера! – Трошин поднял меня и посадил к себе на колени. – Не дёргайся, дай сказать. А то нарисовала уже себе чёрт знает что. Эта дура на вокзале – моя двоюродная сестра. Она приехала за мной по просьбе мамы. Вот и всё. А ты? Всю ночь поносила меня, на чём свет стоит. Кстати, у тебя была температура, поэтому Наташка привезёт сейчас врача. А ты полежи, пока. Я чайку соображу. И, кстати, переодевал тебя не я... Ха-ха!

Ну, вот что теперь делать? Верить – не верить? Детский сад какой-то, причём Лера – в ясельной группе. Я повалилась, опять ойкнула и затихла. Почему-то было очень стыдно, в голове – каша, гречка с манкой попеременно, а сверху ещё и геркулес.

– Так, геркулесовая каша, кофе с молоком и сыр. Он по-

могает быстрее срастаться костям. Приятного аппетита. – И поставил «поднос под нос».

Мне стало смешно, а «сверху и на подносе – геркулес».

– Ну и прекрасно, уже улыбаешься.

– А можно задать три вопроса?

– Можно, но первый – после каши, второй – после сыра, а третий – во время питья кофе. – Его глаза голубели добрым светом, такие красивые...

– А ты уже ел?

– Честно? Я эту дрянь даже под расстрелом не буду употреблять. Первый вопрос задан.

– Это не считается. Мои вопросы серьёзные.

– А моё питание, значит...

Звонок в дверь оборвал «пламенное» возмущение. Завтрак пришлось отложить, пришёл врач. И началось. Меня отправили на УЗИ, на рентген рёбер, на какое-то обследование. Я моталась по этажам в сопровождении Ромки, постоянно отправляя «раненого в голову», домой, ведь ему надо было лежать. Вернувшись к обеду, уставшие и голодные, мы попали в руки Наташки. Меня отправили в душ, я кое-как справилась сама, следом Ромку, потом за стол и на диван.

– На моём месте спит Витька, он намотался ночью из-за тебя, паршивка. Но об этом потом. Так что вам придётся отдыхать вместе, опыт есть.

Мне было параллельно, болело всё. Ромка спохватился, принёс обезболивающее, уложил меня к стенке, сам при-

строился рядом. Стало так уютно. А когда он обнял меня, придерживая руку в гипсе, и поцеловал в макушку, я уплыла в дальние дали покоя и тихой радости...

– Ты хотела что-то спросить? – Проговорил он прямо в ухо, обдав теплом и прикоснувшись губами.

– Да, можно? Твоя мама очень беспокоится, наверное? Ты же не приехал.

– Там всё улажено, не переживай, милая моя. Следующий?

– Почему твоя сестра целовала тебя в губы?

– Один раз. Она, вообще-то, ненормальная у нас, дама девятнадцатого века, тургеневская девушка с элементами тяжёлого рока. А тогда браки между кузенами были не редкостью.

– У-у...

– Ну и третий?

– Я не помню, честно. Наверное, актуальность отпала.

– Хитрая, ты хотела спросить, люблю ли я тебя? Люблю, Лерка. Я тебя люблю. Не могу и не хочу больше молчать об этом. Фу, сказал. Вот теперь, совсем хорошо, но это признание контрольное. Настоящее будет красивое и романтическое. Я уже всё придумал. Можно тебя поцеловать? Я аккуратно.

И он повернул меня, подsunул руки под спину, и нежно прикоснулся к моим несчастным губам, они тоже жаждали настоящего поцелуя, поцелуя любимого человека.

– Больно?

– Нет! – Обманула я.

Ромка перенёс меня на другую сторону, осторожно взял в свою руку мою в гипсе, чтобы не задеть, и стал ловить своими губами мои, выбирая «кусочки поцелее». Я закрыла глаза, боль не давала расслабиться. И тогда Ромка, как понял, стал зализывать мои трещинки и болячки, нежно-нежно. И от этого действия у меня поплыло всё перед глазами, я потянулась, дёрнулась, уже не обращая внимания на ноющее тело, и обняла его, прижавшись всеми выпирающими местами. А он, от избытка нахлынувших чувств, сильно подтянул меня за талию. Но тут уж мои рёбра сыграли злую шутку, напомнив о себе резкой болью.

– Всё, Лерочка, не будем издеваться над тобой. Я уже понял, что ты – моя девушка, никому тебя не отдам, буду драться до последней капли крови, любимая моя. – Он положил меня, подвалился сам, обнял. – Спи, а я буду целовать твою шейку, щёчки, носик. Что у тебя ещё целое осталось?

Вечером Витька устроил разбор полётов, досталось всем.

– Никогда бы не поверил, что ты, Валерка, такая эгоистка. Ну да, вы с Ромкой с головой не дружите, решили и нас с Натахой подтянуть. В общем, так. Мы на время переезжаем, у нас и своя личная жизнь есть. А вы тут, что хотите, то и делайте, хоть на головах стойте. Не инвалиды, и в магазинчик сами, и в больничку, и в психушку узнайте дорогу, на всякий случай.

И мы с Ромкой почти неделю прожили вдвоём. И окон-

чательно поняли, что нам теперь одна дорога – а ЗАГС. Он носил меня на руках, не давал ничего делать, разрешал только, сидя на высоком стульчике, готовить еду. И целовал, при каждом удобном случае. А в моём организме собирался консилиум противоположностей: с одной стороны включалась охранная система, а с другой – непреодолимое желание понастоящему вцепиться в его губы, одним только видом поднимающим во мне волну предвкушения чего-то более сладостного, более интимного, сексуального.

– Мои губёшки, сейчас мы вас замажем, полечим... – Ласково врачевал меня Трошин. – Уже всё затянулось, скоро я вас зацелую, заласкаю, съем... Не надо никакого шоколада, мармелада, мороженого-пирожного. Кстати, я мороженое купил, хочешь?

Я кивнула головой, и Ромка поскакал на кухню. Принёс, и с ложечки стал кормить меня, стараясь не задеть болячки. А потом мы валялись, исполняя назначение врачей больше лежать. Я присыпала под телевизором, просыпаясь при любом движении Ромы.

– Ну что ты, я тут. Просто хочу тебя обнять. – И целовал глаза, нос, щёки, шею, унося меня опять в райские яблоневые сады...

И я не выдержала. Повернула его лицо к себе, утонула в серо-голубых, любимых, таких красивых и родных глазах, и стала «исследовать» контуры его губ, тихонько обцеловывая их от верхней к нижней. Пытаясь захватить эти пухлые, яр-

кие искусства, была сама взята в плен. Да хоть миллион тысяч раз! В такое заточение я пойду с превеликим удовольствием, хоть в замок Иф, лишь бы с ним, с Ромкой.

Весь вечер мы процеловались, губы опять опухли, в душе расцветало буйное желание использовать цветик-семицветик, загадав одно-единственное желание на двоих, на все семь лепестков: любить и быть любимыми...

– Я люблю тебя, Ромка, мой единственный, мой ненаглядный, мой, только мой...

И опять ловить его губы, ощущать сильное крепкое тело рядом, тонуть в глубине дорогих глаз, таять в потоке ласковых слов... Я пропала...

– Как ты себя чувствуешь сегодня? – Ромка волновался не зря, я ночью стонала, и он несколько раз будил меня.

– Нормально. А что? – Ну не могла же я признаться, что провела эротическую ночь, что он снился мне, что у меня внизу живота случился пожар, который и сейчас ещё не погас.

Он довёл меня вчера до блаженства. Я поняла, что «это». Достаточно добраться до моей груди, и я готова на всё, а если ещё и задействовать сосочки, давно готовые к употреблению, то из меня можно вить верёвки и верёвочки и брать без объявления войны, я сдамся сразу. Больше того, я ещё и сама попрошусь. Ромке пришлось остановить мою прыть, иначе я бы заставила взять себя целиком и полностью.

– Лерка, угомонись. Ты провоцируешь меня, я же живой.

Да и ты ещё не готова, я даже не сделал предложение. Мои намерения в отношении тебя очень серьёзные, и я не хочу допустить опрометчивых поступков.

Вот так. А сегодня он хочет пригласить меня в какое-то загадочное место, поэтому и интересуется моим здоровьем.

Ресторан «Седьмое небо». Когда-то мы с папой были здесь, и я ничего не смогла съесть, морская болезнь сразила девчонку. Но впечатлений нахваталась на всю оставшуюся жизнь, двигаясь вместе со столом и стульями по кругу. Конечно, тут многое изменилось, модернизировалось. Нас усадили за двухместный столик, и мы оказались почти в одиночестве. Остальные столики располагались в один ряд, с одной стороны – панорамные окна, с другой – красиво оформленная стена подсобных помещений. Другим посетителям, сзади и спереди, и вовсе было не до нас. Волшебный день заканчивался ещё более фантастично, чем начинался. Ромка повёз меня в больницу, где сняли гипс и наложили очень симпатичную лангеточку. Пока мы ехали дальше, мой любимый всё время целовал меня, обжигая своими жаркими губами. И уже в магазине, выбирая платье, в примерочной, не устоял, зацепив мою грудь в красивом чёрном кружевном лифчике. Ромка прижал меня к себе спиной и, отражаясь в зеркале, снял бретельки и стал ласкать своими нежными и длинными пальцами ореолу и набухшие бугорки.

– Рома, тут, наверное, камеры. – Изнывая от наслаждения, пролепетала я.

– Пусть завидуют, моей красоте есть, чем убить наповал. – Он повернул меня к себе, по очереди захватив губами и так готовые подчиниться любой его воле непослушные со-сочки. – Но смотреть на тебя буду только я. – И надел назад бюстгальтер, поправил и застегнул молнию, наконец.

Господи, я сейчас взорвусь. Ну, вот что он делает? Я не доживу до вечера...

Царские подарки не заканчивались. Роман не принимал никаких возражений и, одев меня в красивое платье, выбрал туфельки, классические чёрные лодочки, мечту всей моей девичьей жизни. И уже в ресторане, встав передо мной на колена, протянул кольцо. Я ахнула. Совсем недавно мы были в ювелирном с Наташкой и Виктором, дурачились, примеряли всё подряд, пока нас не выгнали. Но я успела поставить всех в известность, что не люблю золото, и показала свои предпочтения. Особенно мою душу поразили кружевной перстенёк с кораллами, очень красиво расположенными в серебряной сетке.

– Валерия Трофимова, я люблю вас. – Он поцеловал пальчик с кольцом и прижал мою руку к своей щеке. – Выходите за меня замуж.

Подошедший официант поставил около меня вазу с белыми розами, внутри которых красными было выложено сердце. А моё и биться перестало...

Ромка потом признался, что перешёл на вы от волнения. А когда молчание затянулось, очухался.

– Лера, ты станешь моей женой? – Уже с тревогой переспросил он.

– Да, конечно, да. – Я обняла ладонями его лицо и поцеловала. – Я очень тебя люблю, дорогой мой человек.

Этой же ночью я стала женщиной. Это обстоятельство уже намертво связало меня с Трошиным, пробудившим в моём теле искреннее желание принадлежать только ему, получая в ответ все прелести взаимной любви, своими чарами сводившей нас с ума. Чудо, обыкновенное чудо!

Какими же счастливыми были эти дни, самые лучшие в моей жизни. Несмотря на то, что пришлось много заниматься, навёрстывать упущенное, виделись мы только вечером, да и то не каждый день, встречи наши, наполненные новым смыслом, приносили море радости, возможность чувствовать рядом родного человека. Любовь праздновала победу!

В феврале, во время студенческих каникул, мы объявили о своём чувстве нашим родителям, свадьбу наметили на лето, а из-за свадебного путешествия наши предки чуть не поругались. Ромка не допустил раздора.

– Вы не забыли, я будущий офицер космических войск, какая Турция? Мы поедem в Питер на белые ночи. Да, Лер?

Я кивнула и опять подивилась, как он узнал о моём желании?

Оказавшись в родном городе, пропустить очередной вечер выпускников мы не могли. Приехали Наташка с Виктором и предложили пошухарить, не рассказывать всем, что

мы – уже состоявшиеся пары. Девочки пришли с одной стороны, мальчики – с другой. Ко мне сразу присосался Серёжка, гитарист и балагур, к Наташке – её одноклассник. Но мы старались общаться со всеми, танцевали, попивали шампанское и поглядывали в сторону наших мужчин. И Витька, тоже, посматривал на свою Наташку. А мой дорогой в какой-то момент уцепил Ирку и пропал из поля видимости. Это он так наводит шухер? У меня всё похолодело внутри. И я пошла, куда? Чёрт его знает, пошла и пошла... За мной выскочил Серёжка, предложил прогуляться по школе, видимо, надеясь зажать в одном из углов. Не до него, в душе начинал разгораться фитиль недоумения, нехорошего предчувствия. Ноги понесли в кабинет, бывший когда-то закреплённым за классом Сергея и Ромки. И, услышав девичьи смешки и до боли знакомый голос, я рванула дверь как раз в тот момент, когда мой Ромочка, прижимая за талию Ирочку, выгнувшуюся как лук без стрел, высасывал её прыщики...

Мир упал мне на голову, планета Земля слетела со своей оси, перепутав в мозгах все направления, азимуты, части света и устои человеческих отношений. Господи, что это? Зачем? Почему? Что я ему сделала? За что? Как же так можно? Очнулась я, почему-то, под подъездом Наташки, в трясушем состоянии, в платье и туфлях, с мокрым от слёз лицом. На улице минус двадцать, а в моей душе – плюс сто по Цельсию. Господи, сколько же я прошла? И дома у них никого, окна не горят, домофон не отвечает. Куда теперь? Ря-

дом находился ж/д вокзал, и я пошла туда. На меня посматривали прохожие в шубах и пальто, только что не крутили у виска. А на вокзале отправили в линейное отделение. Молодой лейтенант пожалел Леру, накинул на плечи свою куртку, толстую и очень тёплую.

– Девушка, милая, вас обокрали? Или вы потерялись? Не молчите, надо же определиться, или мне придётся отправить вас в обезьянник до выяснения личности. Гостиницы у нас нет.

– Мне всё равно.

– Но мне не всё равно. У вас, явно, шок. Может, в больницу?

– Всё равно, – почти беззвучно отвечала я.

– Хорошо, вы присядьте на диван, погрейтесь, я вам чайку сделаю. И будем выяснять, что да как.

Я улеглась прямо в туфлях, притулившись головой на мягкий подлокотник дивана, накрылась форменной курткой, пахнувшей сигаретами, железками и мужским парфюмом, чужим...

Проснулась от боли в горле и голове, я вся горела. Неужели, простыла? Это отрезвило, и я пошла искать лейтенанта. Немного не дойдя до него, повалилась, как куль, на грязный пол. Очнулась опять в кабинете, на диване, меня слушал врач скорой.

– В больницу. Как оформлять?

– Трофимова Валерия. – Тихо пролепетала я...

Чем не третье, последнее, предупреждение не связывать свою жизнь с Романом Трошиным?

Первые два дня в больнице я проспала, а на третий, открыв глаза, первое, что увидела, был Роман Батькович. Он сидел на стуле задом наперёд, положив руки и голову на подоконник, спиной ко мне. В глазах сразу же нарисовалась картинка «Дояр и коровка-плоскодонка» ...

– Уходи! – Мне показалось, что я крикнула, но голоса не было, один хрип. – Уходи! – выплюнула я ещё раз, и какое-то подобие русского языка долетело до будущего офицера космических войск.

Он вскочил, плюхнулся на кровать, потянулся ко мне, но я отвернулась, соорудив страшную гримасу.

– Лера, слава богу. Ты как? Тебе лучше? Как ты нас испугала. Девочка моя, ты, что опять придумала? Это же была просто шутка, воспоминание о нашем детстве. – Он говорил всё это «на голубом глазу». – Мне никто не нужен, кроме тебя, Лерка! Мы же хотели пошухарить, ничего более. Даже не забивай себе голову, а лучше скажи, чего ты хочешь?

– Уйди!!! – Уже совсем чётко произнесла я. – Совсем уйди из моей жизни.

– Я не уйду, можешь меня убить, растоптать, расстрелять, в конце концов, но сам я не уйду.

– Тогда уйду я. – Но попытавшись встать, тут же потерпела

фиаско.

Палата поплыла, в глазах потемнело, пришлось опять откинуться на подушку. Сил не было никаких, и я отвернулась, чтобы не видеть эти красивые глаза, порочные и лживые. Не хотелось ничего, пустота в душе, вакуум в сердце, и боль, острая, проникающая, ввинчивающаяся, постепенно заполняющая пространство и время... Жить не хотелось, а вот пить, полцарства в придачу.

И Трошин напоил.

Уже позже, от Наташки и мамы я узнала, что Роман искал меня всю ночь, а потом сидел около кровати, почти не спал несколько дней, пока я окончательно не выгнала его. Но до своего отъезда, ему нельзя было опаздывать в училище, он целыми днями крутился около лечебного заведения, всеми правдами и неправдами проникал в отделение, чтобы посмотреть на меня. И каждый день, утром и вечером, передавал с медсёстрами цветы и фрукты, покупал лекарства и даже пижаму, тапочки и всякие туалетные принадлежности, услышав из разговора с медперсоналом мою просьбу об этом. А я потихоньку умирала, ну уж душа, точно...

И опять мне пришлось догонять. Но в этот раз всё было гораздо серьёзнее, хвостов накопилось – куча. Я сильно уставала, никакие физические упражнения, якобы для укрепления иммунитета, не помогали. Пришлось моей мамочке бросить всё и приехать на время к нам с Наташкой. У моей по-

дружки в августе свадьба, они с Витькой сияли от счастья, он почти не вылезал от нас, очень помогая грубой мужской силой. И каждый день начинал с одной и той же фразы: «Ну, прости его, Валерка, он с ума сходит, все гири и штанги перетаскал, все вечера торчит в качалке, изводит себя. И находит свежий пепел, высыпает на голову ежечасно и ежеминутно. Ромка любит тебя, поверь мне». И каждый день я отвечала: «Нет!»

Я люблю его. Роман Трошин – мой крест. Он женится, куда он денется, наделает детей, дослужится до генерала в той другой жизни, но это ничего не значит. Я буду его любить. Даже, если поверю кому-то другому, заведу своих отпрысков, заработаю кучу денег в своей другой жизни, всё равно буду любить его. И это ужасно. И никуда от этого не денешься... Может, со временем, мне удастся с этим существовать...

Ромка был замечен около нашего дома не один раз. В последнем разговоре, ещё там, в больнице, я взяла с него клятву не отсвечивать в моей жизни. Что мне тяжело его видеть, что он вызывает во мне только брезгливость, что я хочу жить, а не выживать с его шутками и прыщиками, что никогда не пойму такую любовь, и всё в таком духе. После этого монолога мне пришлось приводить себя в порядок не один день. Действительно, было очень больно видеть, слышать и ощущать его присутствие, даже на расстоянии. Ведь Ромка постоянно передавал мне цветы, сладости, фрукты, которые я

не ела, пока мама не накричала на меня и посоветовала, не сливать всё в одну лужу. Она тоже переживала, Роман приходил к ней, когда я была ещё в больнице, и честно всё рассказал. Вот тогда и она попросила оставить меня в покое, хотя бы на время, и дать её дочери возможность разобраться в себе, научиться жить в этой новой реалии. Какой? В той, в которой нет романтического предложения, взаимопонимания с полуслова, нет привязанности, влечения, притяжения душ и тел? В какой, мамочка? В которой нет той ночи любви, каждый день приходящей во сне, заставляя переживать всё заново? Ведь он сделал всё так красиво: и свечи, и аромат иланг-иланга, и красивое бельё, и шампанское, фрукты, конфеты, тихая музыка. А главное, доведя меня до состояния безумства, он вошёл в моё изнывающее лоно очень аккуратно, всё время лаская и не выпуская мои губы в момент пронизывающей боли, возвращая своим настырным языком назад, в состояние вожделения, а потом и невиданного блаженства, растекающегося по всем клеточкам моего тела. Это было что-то. Я получила такой каскад наслаждения в момент потери девственности, что о какой-то там боли забыла сразу. Своей нежной страстью Рома уносил меня в радужные дали, волшебные путешествия на неизведанные острова удовольствия и неги, обжигая своими чувственными губами и нащёптывая слова любви...

Жить с этим становилось всё сложнее и труднее, ничего не расставлялось по полкам в моём мозгу. Я старалась отвлечь-

ся учёбой, брала уроки английского и, почему то, пошла на курсы вождения при нашем институте. Ни одной минуты свободного времени. Был конец апреля, на майские праздники мама и мои сожители уезжали домой. Я оставалась одна, решив закрыть все оставшиеся задолженности. Накануне у нас с Наташкой состоялся очень откровенный разговор. Они с Виктором не видели в свидетелях на их свадьбе никого, кроме Ромки и меня. И что делать?

– Понимаешь, Руська, пацаны поклялись взять на себя это ответственное дело друг у друга на свадьбах. И Виктор не желает ничего менять. А я без тебя куда? У меня же нет никого, ближе и надёжнее. Может, ты кого посоветуешь? – Связвила она.

– Не волнуйся. Я думаю, что до августа научусь жить по-новому. Правда, хорошо это или плохо, сказать не могу.

– Ромка последнюю неделю выходит на связь редко, Витька волнуется, даже ездил в академию, но не застал. А вечерами его где-то носит, и он просит не отвлекать его, слишком занят, видите ли. Можно спросить у тебя кое-что? – Получив согласие, Наташка задумалась, подбирая слова. – Ты не простишь Трошина? Никогда? Неужели смогла выбросить его из своей жизни?

– Я люблю его, подружка, выкинуть не удастся. Да я даже и работать над этим перестала. Просто учусь жить с этой привязанностью, но без него. И он, как видишь, успокоился уже, живёт себе, поживает, вечерами где-то пропадает.

– Неправда, ничего он не успокоился. Просто Витька попросил его не появляться перед твоими очами, когда понял, как ты реагируешь, рыдая полночи, и таблетки свои жрёшь. И валерьянкой постоянно воняет. Мы же видим всё, переживаем. Русь, почти два месяца прошло после твоего приезда из больницы. Ты не пускаешь Ромку на порог, не хочешь выслушать, не даёшь ему возможность повиниться, объясниться с тобой. Это неправильно, все мы люди, все мы человеки, все грешники и все делают ошибки. А как же с прощением? Ты не думала об этом?

– Думала, много думала. Но тогда разреши и мне задать тебе один, только один вопрос. Ты бы простила? Поставь себя на моё место.

– Сложно всё это, я понимаю. Но, наверное, учитывая несерьёзное отношение Ромки к рыжей профурсетке, учла бы это обстоятельство. Знаешь, он ведь приревновал тебя, когда ты позволила поцеловать себя нашему физкультурнику. А потом танцевала с ним и хохотала от души, снимая со своей, простите, аппетитной попы его похотливые ручки. Ты же не отстранилась от него, не ушла в сторону, дала разрешение ему тебя лапать.

– Ты что, обалдела? Да, он поцеловал меня в щёчку, а когда стал вести себя непристойно, я сразу отправила его куда подальше. Откуда ты это взяла? Ты сама видела? Бред сивой кобылы!

– Вернее, рыжей клячи. Я сама узнала об этом только вче-

ра, Витька рассказал, а ему Ромка.

– То есть никто ничего толком не видел, и все поверили Ирочке. Класс! Высший пилотаж!!! Браво, рыжая бестия, ты победила.

– Руська, я не поверила и Витьке так сказала. Просто доношу до тебя информацию, я убеждена, вам надо поговорить. Вроде, последнюю неделю валерьянкой не пахнет.

– Ты предлагаешь мне самой вызвать его? Ну, уж нет.

– Я думаю, что, когда он узнает, что ты останешься одна, придёт. Имей это в виду.

– Да у меня все дни расписаны поминутно, приходиться не к кому. Но за предупреждение спасибо.

Они уехали, оставив мне полный холодильник и чистую квартиру. И я решила устроить себе, любимой, передых в последний день апреля. Приняв ванну, увалилась в чистую постель, в ромашковый рай, и включила телевизор. Шёл концерт, шансон зацепил струны моей души, и полились воспоминания: мы с Ромкой в Юбилейном, балдеем от Розенбаума и иже, мы в парке Горького на колесе обозрения, в кафе, в Лужниках...

Проснулась я от нежного поцелуя, как от продолжения сна. Меня целовал Трошин. Я отшатнулась, но не тут-то было. Он крепко обнял за плечи и зажал мой вскрик своими нежными, такими узнаваемыми губами. Все мои потуги оторвать его от себя, попытки драться и лупить, по чём не попадая, закончились скрученными руками и запечатанным ртом.

И, о, ужас, моё тело стало отвечать, особенно, когда запах Ромки, такой волнующий, ужом заполз под кожу. Предательница грудь встала дыбом, в животе начался танец с саблями, а голова отключила все функции, кроме желания получить наслаждение без опостылевшего копания в себе...

Но каждый раз, когда он хотел поцеловать меня ещё, я отворачивалась, зажимая свои уста до боли.

– Как ты мог? И как ты попал сюда? И это ничего не значит, просто секс, давно не было, физиология. – Натянув на себя одеяло, я лупилась круглыми глазами, ничего не сообщая.

Прямо, первобытные страсти, позорище какое-то, действие на уровне продажной любви. Но душа..., она пела и плясала! Какому оправданию это подвластно? Как объяснить самой себе, что это было?

– Я ждал, что ты выйдешь. Долго ждал. Решил подняться. А ключи мне дал Витька, на всякий случай. Я, между прочим, звонил. А ты не слышала, устала за последнее время, да? Я тоже. Лерка, мне без тебя никак. Я очень люблю тебя. Ну, дурак, ещё из детства не вышел. Сам не знаю, что на меня нашло. Какое-то ребячество...

Эти два слова произвели в моей голове взрыв негодования, оглушив залпом злости и ревности.

– Что? Ребячество? Да я чуть коньки не откинула, у меня до сих пор не восстановились голосовые связки, разговариваю, как мужик. Твоё ребячество разбило мне сердце, украло

веру, исковеркало мою любовь. Хорошо поигрался!? Главное, ничего не потерял. Сравнил хрен с пальцем? Так, вали, исполняй дальше, определись уже с какой сиськой вкуснее, на плоскую, если что, можно и джема намазать, не стечёт! Рекомендую!

– Лера, остановись. Я просто хочу сказать, что многое передумал и переосмыслил. Я...

– Повзрослел, наконец? Ну, тогда тебе будет легче просто встать и уйти. Конечно, обманным-то путём проникнуть можно и в квартиру и отыметь девчонку таким же образом можно, и прикинуться дурачком, и ждать благословения на дальнейшее представление. Ну, уж нет. Уходи! Я тебя ненавижу, ты не понимаешь элементарных вещей, Трошин. Или я не понимаю. Неважно. Нам не по пути, мой космический друг...

Всё, я выдохлась, упала в подушки, тяжело дыша. Хлопнула дверь. Фини та ля комедия...

А моё только недавно заласканное тело, зацелованное до самого последнего сантиметрика, пело дифирамбы мужчине, заставившему его звенеть, как струночка, и благоухать, как розовый сад, с птичками и бабочками. Ну что мне делать? Как научиться жить одной?

Тренькнул телефон. «Я люблю тебя».

А я погибаю, нет уже никаких сил терзаться и изводить себя. Эти душевные муки доведут до дома ку-ку, как пить дать... Мне захотелось выполоскать рот, разом начал свою

работу. Он же этими губами... Ну, как забыть? Нет, ну до меня, пожалуйста, я же не идиотка. Я – эгоистка, наверное. Ну, а как иначе? Вот даже сейчас, когда моё сопротивление было сломлено внезапностью, и я не смогла отказать себе, потонув в каком-то порочном желании получить сексуальное удовлетворение, ощущаю на своих губах «налёт неверности». Не знаю, как объяснить, но именно прикосновение к губам вызывает у меня чувство брезгливости. Я любить хочу, как раньше, до умопомрачения, до полного растворения в мужчине, которому доверяю, которого люблю, который и есть смысл моей жизни. Господи, ну зачем он это сделал со мной? Зачем пришёл? Ромка, спаси меня!!!

Стало нечем дышать, я выскочила на балкон прямо в трусиках и коротенькой маечке. На соседнем наш сосед, лётчик гражданской авиации, очень упакованный и довольный жизнью дядька, просто обомлел и, от неожиданности, выронил сигарету. Я извинилась, залетела назад и поняла, что во дворе, под нашими окнами, успела заметить Трошина. Проверила, подсмотрев из окна. Точно, он. Спокойно умереть мне не дадут...

Минут через двадцать, когда я уже собралась окончательно разрубить трошино-трофимовский узел, с улицы послышались крики, а в дверь позвонили. Решила не открывать, ну кому я нужна, кроме моего мучителя. Но настойчивость, с какой стали бить в дверь, разозлила. Слава богу, хоть какая-то другая эмоция посетила меня.

– Ну, в чём дело? Пожар, что ли?

Меня оттолкнули, и Трошин пролетел напрямиком на кухню, схватил кувшин с водой, а другой подставил под струю воды.

– Угадала, под вами загорелся балкон. Тащи воду.

И действительно, под нами горели цветочные деревянные ящики, какая-то утварь на самом балконе, и уже плавилась наша бельевые верёвки. Вот это номер! С соседнего балкона лётчик тоже занимался пожаротушением. Втроём, мы довольно быстро справились, но вонь стояла, как на помойке. Что у них там хранилось?

– Одевайся, пойдём гулять. Надо, чтобы выветрилось. Да и с пожарными встречаться, себе дороже. Как в полиции, начнут дознаваться. Давай быстрее, пока не приехали.

Пришлось согласиться, он прав. И уже выходя из подъезда, мы услышали пожарную сирену.

– Куда пойдём? – Несмотря на меня, спросил Ромка.

– В разные стороны, я думаю.

– Лер, я тебя не съем. И клянусь, без твоего согласия больше не трону. Это будет очень сложно, но я готов. Просто буду рядом, потому что не могу не быть. И знаешь, я уверен, что сейчас тебе нужно крепкое плечо. Я и тут готов. На любых условиях, в каких хочешь ипостасях. Например, могу помочь попрактиковаться в вождении. Моя сестра очень быстро освоила эту науку под моим руководством, говорила, что я хорошо и доходчиво объясняю. Мы с ней выезжали на

пару часов рано утром, когда ещё не было движения. И машина есть, старенький, но очень симпатичный мерседесик, самое то для начинающего водителя. Давай?

– А откуда ты... Ну, да, Витька сказал. А что он ещё говорил? И, вообще, кто вам давал право обсуждать меня? И на счёт крепкого плеча я очень сомневаюсь, товарищ старшина.

Мы проходили через небольшой сквер, ведущий к метро.

– Лера, присядь, пожалуйста. Очень прошу, девочка...

– Не твоя! – Парировала я, но плюхнулась, ноги не несли.

– Моя! И я всё сделаю, чтобы вернуть тебя. Иначе, мне незачем жить. Если бы ты знала, как я ругаю себя, не могу найти оправдания этому нелепому поступку. Ведь эта Ирка – пустое место для меня. Просто подвернулась в тот момент, когда я страшно приревновал тебя, полный придурок и идиот. Лерка, как вымолить у тебя прощение? Я сделаю всё, что угодно, надо, умру за тебя. Не отталкивай меня, любимая моя, настоящие истории любви никогда не заканчиваются...

Ромке явно не хватало воздуха, грудь ходила ходуном, а в глазах, серых-серых, грусть и вселенская печаль.

Сказать, что я была поражена, не сказать ничего. На меня свалилось море жалости, океан нежности и увесистая капля дёгтя: не было веры, той, безграничной, благосклонной, нерушимой... Но мою слабую струну Трошин всё же задел.

– Ты хорошо усвоил, что такое хорошо, и что такое – плохо, и применяешь по назначению. Но не верится, что от души. И это главное, что не даёт покоя. Давай попробуем...

Я не успела договорить, как у Ромки в глазах, как в треснувших стёклышках, стали появляться, голубые прожилки... Они были очень похожи на моё сердце, такое же растрескавшееся... Не глаза, а колдовские капканы, «трошиномания» в действии. Меня оставляли последние проблески разума.

– Лера! – Только и выдохнул он, вбирая следом большую порцию воздуха. – Но вот сейчас, мне кажется, тебе надо отдохнуть. Предлагаю прокатиться на катере по Москве-реке, уже открылся сезон. Помнишь, мы мечтали дождаться весны и устроить себе такой выходной? Там есть очень удобные диванчики, прямо около окон.

– Ты уже отметился? С кем? Хотя, что это я, это твоё дело. Но я согласна. Мне таскаться по городу совсем не хочется.

– Ну и прекрасно. – Очередной раз выдохнул Роман, улыбаясь во весь рот.

И опять появилась ямочка на подбородке. И до меня дошло. Он изменился за последнее время, накачался, занимался подъёмом тяжестей, армрестлингом. Поэтому и лицо немного подтянулось, обнажая эту чудесную вмятинку.

На кораблике было полно народа, предвыходной вечер. Нас усадили в уголочке, принесли бутылку вина, цитрусовые, мне – кофе, Роману – зелёный чай. У меня создалось впечатление, что нас ждали. Но думать не хотелось ни о чём. Замотавшись в тёплый плед, я попивала из красивой кружечки и балдела. Солнце тёплое, ветерок обдувает, чудесные

виды и комментарии Ромки, он точно уже был здесь. И с кем? Нет мне покоя, бедной Лерочке. Потом мы пили вино, слушали музыку и я, конечно, задремала, и, конечно же, у него на плече. Какое блаженство, нет слов. Время пролетело незаметно, но всё хорошее имеет тенденцию быстро заканчиваться.

– Спасибо за чудесную прогулку. Тебе пора, наверное? Не провожай, я сама доберусь прекрасно.

– Я доведу тебя до квартиры, проверю, всё ли в порядке, и уйду. Обещаю.

На лестничной клетке нас ждал сосед – лётчик с корзиной снеди и бутылкой виски.

– Можно napроситься к вам в гости? Меня всего распирет от новостей, связанных с пожаром, а моя половинка осталась на даче, не с кем поделиться.

– Да, пожалуйста.

И мы оставшуюся часть вечера проржали, самым настоящим образом. Виталий, лётчик, оказался ещё тем балагуром. Он смешил нас, а сам оставался совершенно серьёзным, чем доводил до феерического хохота. При этом успел доложить, что на балконе ниже случилась страшная человеческая трагедия, сгорел годовой запас травки, конопли, которую очень уважал молодой хозяин. Он сам её собирал, сам сушил каким-то особенным способом и употреблял, тоже невиданным доселе образом: нарезал разной длины и ел, добавляя в салаты, на бутерброды и просто так. Даже Гаагский суд не

сможет доказать, что он наркоманит. Ну, нравится человеку конопля, как другим петрушка и кинза. А то, что и пожарные, и соседи, и даже сам Виталий, надышавшись травяным дымом, улетали по очереди в дальние диковинные страны, а потом делились впечатлениями, это уже детали...

– Ой, засиделся я. – Спыхватился наш гость, увидев мой зевок, который скрыть уже не удалось, на часах полночь. – Ухожу, ухожу. И да, самое главное не сказал. Вы знаете, Валерия, что являетесь причиной пожара? Да, да. Вам, Роман, надо надеть на неё паранджу, а то у некоторых престарелых лётчиков срывает крышу, и дыхание останавливается до потери пульсации, теряются ориентиры и сигареты. Это ж из-за моей никотиновой палочки всё и произошло, я её уронил, когда увидел вас во всей красе, девушка. Но я никого не выдал, и себя, в том числе. Ну, всё, спокойной ночи. Очень приятно было с вами пообщаться, вы такая гармоничная пара, словно созданы друг для друга.

Я закрыла за ним дверь, повернулась и наткнулась на колдовские колодцы с голубой водой.

– Видишь, даже людям со стороны понятно, что мы должны быть вместе.

– Я-то понимаю, а ты? Уже поздно, остаёшься здесь, спишь на диване. Ко мне в спальню не ногой. Я в душ.

А утром проснулась от поцелуйчика в нос. Как понял, что я брезгую его губами, испачканными Ирккой?

– Я на дежурство, до завтрашнего утра. Не звони, телефо-

ны мы сдаём. Я сам позвоню.

Не верю, почему-то, и с чего бы это? Но ведь он как-то прожил всё это время без меня? Не на бантик же завязывал? Не хочу об этом думать, моя ревность и постоянные подозрения говорят уже не о любви, а об умопомрачении. Ещё не хватало словить маниакальный синдром. Выпив кофе, усе-лась за учёбу. К вечеру разболелась голова, и я решила прогуляться. Но уже минут через десять поняла, что хочу есть, целый день голодная. И пошла назад. На входе во двор уви-дела летящую, с другой стороны, Ирку. Господи, это ещё что такое? Я заскочила за кусты, но на вопрос зачем, ответить не смогу. Плоскодонка выглядела великолепно: стройная, заты-нутая в светлые джинсы, в вязаном кардигане, с короткой, очень ей идущей, стрижкой. И грудь! Да, у неё появилась эта часть тела. И какая! Почти как у меня. Да и с лицом она что-то сделала или накрасилась стильно и броско. Красотка за-шла в мой подъезд, значит, ко мне. Нет, только не это. И я отступила, решив поужинать в кафе.

– Солнце моё, у тебя всё в порядке? – Роман позвонил очень вовремя, как раз тогда, когда я забила рот вкуснейшим мясом по-французски. – Ты ела? На воздухе была? Что де-лаешь?

– Как раз всё, что ты сейчас спросил. – Еле прожевав, про-шамкала я.

– Ты где? Музыка играет. В ресторане, что ли? Я за по-рог, а моя девушка в загул? Лера, в холодильнике полно еды,

а ты одна лазаешь по значным местам. Иди домой, я перезвоню. Позже. – И отключился, я не успела вставить свои пять копеек про «не его я девушка»!

Поднявшись на лифте до следующего этажа, я потихоньку стала спускаться. Никого. Не успев проскочить, услышала звук открывающейся двери. На пороге соседней квартиры стоял Виталий и загадочно улыбался.

– Вам письмо и телеграмма от гиппопотама.

– Мне? От кого?

– От яркой, разрисованной, силиконовой мадам. Очень были-с недовольны-с, что не дождалис-с-с-с... Эта девочка не из нашей тусовки, каким ветром её занесло? Явно, не попутным.

– Мы в одной школе учились. А она что, долго ждала?

– Да минут за пять до тебя ушла, всё куда-то звонила и чертыхалась, что этот гад трубку не берёт. И этот гад – твой Ромка. Зайди ко мне, поговорим.

– Давайте лучше ко мне, я переодеться хочу, запачкалась в кафе. – На одном дыхании выдала я.

– Ну-ну...

Выйдя на кухню, уже приведя себя в порядок и проглотив неприятную информацию, продышавшись и настроившись на общение, очень удивилась: кофе сварен, чай готов, печенки-бараночки, мёд и варенье тут, как тут.

– Прошу вас, мадемуазель. Ты извини, немного похозяйничал. Кофе, чай?

– Ой, спасибо, как за королевой ухаживаете.

– А ты и есть королева, только сама ещё этого не знаешь.

А Ромка понял, с кем имеет дело, и эта дрянь тоже. Прости, но я полвека прожил, кое-что видел. Что отличает вас, леди? Изящная красивая походка, прямая осанка, милая улыбка уголками губ, открытый и доброжелательный взгляд, плавные жесты, неторопливая речь, приятный и нежный голос... Что ещё? А ты, к тому же, не выпендриваешься, не хочешь казаться лучше, чем есть на самом деле. Это очень привлекает настоящих мужиков. А Роман твой – из таких. А от ошибок никто не застрахован. И не рассказывал он мне ничего, – остановил мои возражения Виталий. – Я с ним вчера первый раз встретился.

Он вздохнул, отпил чайку и задумался. А я вспомнила о письме, нашла его и стала читать.

«Трофимова, оставь Трошина в покое. Мы уже два месяца вместе, я живу с ним. Хотела поговорить, телефон твой не знаю. Если не веришь, можешь завтра к девяти подойти к академии, и увидишь, куда он поедет и с кем».

– Что, приглашает на разговор? Да, от таких нужно держаться подальше. Она и рассчитывает на твою врождённую порядочность, знает, что ты на рожон не полезешь. Но я уверен, что между ними ничего нет. Она хочет, до чёртиков, а он – нет. Даже, если раньше у них что-то и было. Поверь мне, девочка. Ей очень нужен твой Роман, она его примет в любом виде. А нас, мужиков, надо воспитывать всю жизнь, и

выдержит это только любящая женщина. Но это не про мадам «Я вся ваша»!

Он ещё немного посидел, рассказал, как познакомился со своей женой, четверть века вместе, допил чай и, уходя, всё-таки, сказал то, что крутилось у него на языке весь вечер.

– Не слушай никого и ничего. Прислушивайся, делай выводы, только не сразу, а когда поймёшь, что есть что. Если плохое, учти и положи на самую дальнюю полку, как пройденный этап, а, если хорошее – живи с этим и радуйся. Это и есть опыт, жизненный, житейский. Но при этом, Валерия, сердце всегда подскажет, оно редко ошибается. Всё у тебя будет в ажуре, хороший ты человек.

Перед сном опять позвонил Ромка и попросил разрешения приехать ко мне после дежурства, отоспаться, чтобы вечером куда-нибудь сходить. А как же в девять у академии? На душе стало спокойно, после разговора с соседом ещё и теплее. А в девять тридцать курсант в золотых погонах уже стоял в проёме входной двери с ландышами...

Не получалось толком позаниматься. По утрам мы ездили практиковаться в вождении, потом Ромка уезжал на занятия, а у меня всё падало из рук, в голове роились всякие-разные мысли. Находиться с ним рядом, ощущать его, нечаянно прикасаться, да просто заглядывать в глаза-калейдоскопы и лицезреть сильное, ладное тело становилось невыносимо. И я решила. После его очередного дежурства приехала, таки, к девяти часам к академии. Уже вернулась Наташ-

ка, Витька стал у нас жить, им не хотелось расставаться надолго. Это и понятно. И мне без Ромки тоже не хотелось, я это усвоила уже совершенно точно. Середина мая, тепло, сочная зелень деревьев и травы, переменная облачность, как бы дождь не пошёл. Я с утра пересмотрела весь свой гардероб, нечего одеть. Выручили чисто синие джинсы и белая рубашка, заправленная в них. И чёрные лодочки, подарок Ромки. Я прислонилась к дереву, через дорогу пропускной пункт, не пропущу. Он вышел с Ирккой, она, видимо, ждала его внутри. Моё сердце, к которому нужно было прислушаться, остановилось, ничего не слышно. А эта парочка стала ловить такси. А я – стекать по стволу на землю. Ирка всё норовила поцеловать Ромку и запрыгивала на него, подставляя свои сиськи, тёрлась всеми телесами, прижималась. А. Он. Её. Отстранял. Отодвигал от себя сначала аккуратно, а потом уже и грубо. И, посадив в машину, отправил восвояси. До меня долетело: «Пошла ты, ничего не понимаешь, дурында». Слезы хлынули одновременно с дождём, шпильки провалились в землю, встать стало проблематично. И я крикнула: «Ромка!»

Он не сразу понял, откуда прилетел мой голос, а когда увидел, рванул через дорогу, подхватил меня и затащил под козырёк остановки. Спасать было уже нечего, мы промокли насквозь. А я в белой рубашке была как без неё, всё просвечивало. У Ромки потемнело в глазах, он прижал меня, как бы закрывая от всех, а я только этого и ждала. Дождь?

Ураган? Жара? Снегопад? Да наплевать, только бы с ним... Он надел на меня курсантский китель с золотыми погонами, выскочил под дождь, поймал машину, и мы, сцепившись намертво губами, на заднем сидении, мокрые и холодные, улетели в дальние дали, подальше от всех и вся... Дождь смыл все следы ребячества...

Наша свадьба состоялась, как и задумывалась, в конце июня, и мы уехали в Санкт-Петербург, счастливые и глупые, от своей же любви. Всё делали вдвоём, ну только что в туалет не ходили вместе. Доходило до смешного: прокувыркавшись всю ночь, мы засыпали в автобусах, везущих на экскурсии, на корабликах, не увидев толком город, и даже на лавочке в Эрмитаже вздремнули.

– Слушай, Валерка, нам нечего будет рассказать нашим друзьям и родителям, ну только, если про ночи любви, которые ты мне устраиваешь, моя дорогая жена. Надо взять себя в руки и выспаться, наконец, у нас завтра по плану Кронштадт.

– Тогда спать будем отдельно. Кто первый уснёт, тот на кровати, а второй перебазируется на диван, ужасно неудобный.

Угу, уснёт. Мы промучились пару часов, моё тело горело от вожделения, от желания слопать уже этого мужчину, такого сильного, такого нежного, такого любимого. И я не выдержала, сама воткнула ему в рот свою грудь, и он, доволь-

ный, зачмокал, аки младенец, с блаженной поволокой в глазах. Вот и выпались!

Мы наслаждались жизнью. Конечно, я была очарована своим мужем без остатка, просто видеть, слушать его голос, смотреть на улыбку, на ямочку под ней – это ли не счастье. Мне очень хотелось стать для него чем-то, чем никто не будет для него. Со стороны Романа я ощущала теплоту, понимание, постоянную заботу, он любил меня, оберегал, старался предугадать мои желания. И когда уже на свадьбе Наташки и Виктора, после внезапного головокружения, случившегося у меня, моя мамочка разревелась, мы поняли, что я беременна. Эта новость пришибла, я никак не рассчитывала, что учёба, в которую вложено столько сил и труда, вот так завершится. Ребёнок – не шутки, а у меня только четвёртый курс, ещё два года получать знания. И вот, на тебе. Мы же всё делали, чтобы этого не произошло, старались предохраняться всеми возможными способами! Но моё женское начало встало в позу и подарило эту нежданную «радость». Зато мой любимый муж купался в радужной перспективе стать отцом, при каждой свободной минутке окружая будущую мать повышенным вниманием. Ромка жалел меня, принимал участие во всех подготовительных действиях, был в курсе прохождения беременности до секунды. Как выяснилось, Трошин любил детей. Он даже организовывал поездки для отпрысков своих преподавателей, в том числе, и по реке. Вот где старшина пропадал вечерами когда-то, и откуда так хо-

рошо знал маршруты речных трамвайчиков. А меня от одной мысли о каких-либо передвижениях уносило в состояние морской болезни. Если бы не мама, я бы не дожила до рождения ребёнка, все оставшиеся восемь месяцев Лерочку выворачивало наизнанку, а сам процесс родов длился сутки. Варвара Романовна Трошина, весом в четыре килограмма оповестила всю округу о своём появлении таким басом, что любой бы мужик позавидовал, иерихонская труба отдыхает. Я даже переспросила, не мальчик ли у меня? Тринадцатое число, пятница, осталось подарить моей дочери метлу и показать дорогу на шабаш...

Это маленькое чудо с папиными глазами, отнявшее у меня столько сил и здоровья, из-за которого пришлось брать академический отпуск, к неудовольствию моего отца, сразу стало центром нашей семейной Вселенной. Ромка заканчивал учёбу, много занимался, готовился к диплому, уезжал на преддипломную практику, пока я выхаживала, вынашивала, ждала нашего первенца. А с появлением Варвары находил любой повод, чтобы побыть с дочкой, с первых дней её жизни. И я с удивлением заметила, когда мы прилетели к месту службы моего новоиспечённого лейтенанта, что он, и так продержавший её весь полёт на руках, не заморочился на багаже, доверив перенос тяжестей мне. Высокий, красивый офицер с совсем маленькой девочкой в розовом комбинезончике обращал на себя внимание и вызывал умиление.

Тогда как я тащила за ними чемоданы, пусть даже и на колёсиках, выворачивая наизнанку руки. Вот так да, вот так новости...

– Ромка, а что это было сегодня в аэропорту? – Еле дождавшись свободной минутки, спросила я.

– А что? Я не помню. Уже здесь или ещё там?

Нас определили в двухместный номер на первые дни. Старая советская гостиница с двумя узкими кроватями и скрипучим шифоньером, с запахом тушёной квашеной капусты и влажным постельным бельём и так произвела на меня гнетущее впечатление. А теперь ещё и он не помнит! И я разревелась. Все мои планы, вся моя дальнейшая жизнь летела в тартарары. Одно то, что мне придётся ездить на сессии, оставляя своего Ромочку одного на целый месяц, лишило спокойствия и отнимало последние силы. И, главное, он не роптал, надо так надо. Даже не говорил, как же он проживёт без меня так долго, и что скучать будет, тоже не говорил. Трошин попал по распределению туда, куда стремился все пять лет учёбы, на космодром. Почти север нашей страны, сложные условия службы и быта, отдалённость от цивилизованных городов его не пугали. У него есть я, тыл надёжный и верный. А у меня? Почему мои проблемы стали не интересны ему? Всё говорило о том, что я должна принять решение сама, просто не бросать мужа ради учёбы, а спокойно жить, как все нормальные офицерские жёны. Вот и первое недопонимание, первая нестыковка в дальнейших планах нашей

семьи.

– Лерочка, ты что? Всё будет хорошо, квартира освободится через неделю, сделаем ремонт и переедем. Ну что ты, первые трудности, и ты уже рыдаешь?

– Какие трудности? Я задала тебе вопрос, что это было? Ты заставил меня тащить тяжеленные чемоданы, не помог, даже в машину не посадил. Такого никогда не было, но, видимо, началось. Я в чём-то провинилась? Только не повторяй, что я не хотела Варьку, оскомину уже набило. И потом, реабилитируют даже убийц, а я сама чуть не сдохла, пока её родила. По-твоему получается, что так мне и надо. И как ты собираешься жить с такой прохиндейкой?

– Лера, ты несёшь чушь. Поговорим, когда успокоишься. Мне завтра представляться, приведи в порядок форму. И дышать.

Не поцеловал, не обнял, не успокоил, ни одного ласкового слова...

– Настоящие офицеры занимаются своей формой сами. Я устала и иду спать. А ты добывай уют, повторяй текст и не забудь почистить зубы.

Ночью вставала кормить дочку, но Трошин даже не повернулся в мою сторону. Мы спали на разных кроватях, первый раз за всё время нашей совместной жизни. Даже, когда я была на девятом месяце, он не отпускал меня от себя. А что сейчас? Кровати можно было сдвинуть, и все дела. Но зачем? Ему же представляться...

Мы прожили в номере гостиницы почти месяц, Роман приходил поздно, а поднимался рано. Он не завтракал, а только ужинал, и то не всегда. Их кормили «в поле», как объяснили мне «старые» девочки. Нас, новых, было только две, я и Илона, латышка, познакомившаяся со своим мужем в Питере, на экскурсии. Ей повезло больше, она была уже с образованием, сразу нашла работу в местной школе, и ребёнка планировала через год-два. Но мы нашли точки соприкосновения, моя новая подружка тоже любила ручное творчество, хорошо вязала, научившись этому рукоделию у своей бабушки. Нам было чем поделиться друг с другом. Эта дружба спасла меня от многих необдуманных поступков своей прибалтийской рассудительностью и чёткими решениями. И чуть не угробила...

После недельного воздержания, дождавшись Ромку, я посадила его ужинать, а сама отправилась в душ. Я не ела так поздно, что тоже не нравилось моему мужу, присоединялась только к чаепитию. Вышла, расчёсывая волосы. Варька завозилась, замурлыкала.

– Ты её кормила? Разве не пора?

Вопрос прозвучал, как пощёчина. Получалось, что я могу забыть покормить дочку? Или что? Я швырнула щётку и встала напротив, прижав свои ноги к его коленям.

– Ваши претензии переходят все границы. И если вы, уважаемый, думаете, что я буду это терпеть...

Ромка сграбастал меня в полсекунды, скрутил руки и за-

жал ноги, не охнуть, не вздохнуть. Сорвал с меня маечку, уткнулся в грудь своей светлой головой, царапая небритой щетиной, чем тут же вызвал огонь на себя. Я вцепилась в его губы, он отпустил мои руки, приподнял и усадил к себе на колени. Как я соскучилась! Он такими родными руками ласкал меня, мою грудь, плечи, спину, притягивал к себе за талию, сжимал бёдра, а я всё никак не могла оторваться от сладкого, чувственного рта своего любимого мужа, такого вкусного и вызывающего возбуждение во всех клеточках оголодавшего организма.

– Прости меня, Лерчик! Что-то у меня заклинило в башке, я перенервничал, перегнул палку. Хотелось с первого дня показать всем, на что способен Роман Трошин. Это не из вредности, это из трусости, я не хотел показаться слабым и растерянным тебе, моей королеве. Прости меня, дурака, я тебя так люблю!

Всё прекрасно и удивительно! Жизнь побежала в хлопотах и заботах.

После Нового года меня ждала сессия. Задания все были сделаны, теория проштудирована, оставалась только практика. И экзамены. Я совершила подвиг, слетав на установочную сессию ещё в октябре, заручилась поддержкой преподавателей и Наташки с Виктором, и вышла на диплом вместе с ними. Но сейчас уезжать надо опять на месяц. А потом возвращаться на преддипломную практику в конструкторское бюро при космодроме, куда меня устроила Илонка. Вроде,

всё неплохо складывалось. Единственное, что расстраивало, разлука с Варечкой. Особенно по этому поводу печалился папа Рома, дочка для него была светом в окошке: он мог часами заниматься с ней, кормить, поить, одевать-переодевать, гулять и развлекаться. Это заметили все, бабоньки судачили по углам, откровенно завидуя мне. А я давно заметила, что даже замужние матроны при виде моего мужа таяли и флиртовали, строили глазки и прижимались, невзначай. Ещё бы, Роман Трошин возмужал, стал ещё привлекательнее, он был из тех мужчин, которые с возрастом становились интереснее. Товарищ лейтенант со всеми общался доброжелательно, не забывал делать женщинам комплименты, особенно молодым радисточкам, с которыми имел дело по службе. Поползли даже сплетни, в которые я не верила. И Илона поддерживала меня, мы много разговаривали о том, что без доверия нельзя, что настоящую любовь ничем не купишь, она или есть, или её нет. И никакие испытания и разлуки не страшны, если мужчину и женщину тянет друг к другу взаимно. И всё такое. Но в этот раз Вареньку придётся оставить маме, никто не поймёт, если я буду приходить на практику с девочкой. Да и серьёзно всё очень, тема моего диплома не предвещала лёгких путей, это было обговорено сто раз. Но когда я вернулась, одна, без дочки, меня встретила Илонка, мой муж был на дежурстве, как она объяснила. А мне он ничего не сказал, хотя накануне мы перезванивались. Странно...

В квартире пахло затхлостью, как будто в ней долго никто

не жил. Форточки закрыты, вековая пыль, кровать заправлена так, как я её и оставляла, уезжая...

– Он здесь не жил. – Прояснила ситуацию подружка. – Первое время ночевал у нас, а потом переехал в гарнизон. Сказал, что дома ему неуютно и тоскливо. Да и проверка у них идёт серьёзная уже пару недель. Я думала, ты знаешь. Если проголодалась, я тебя накормлю, пошли?

– Нет, нет. Спасибо, всё хорошо. Сегодня отдохну, а завтра уже на работу. Да и прибраться надо немного. Спасибо, беги своего встречай.

А когда я через пару дней встретила «своего», не поняла ничего. Моя душа пела и плясала от одной только мысли, что я увижу, наконец, Ромку, услышу и зацелую... Но на деле, облив меня ушатом ледяной воды, он прошёл в ванную. Я пристроилась на обувную полочку и так и просидела, пока он не вышел.

– Можешь не беспокоиться, я ужинал, – процедил мой муж.

А перед этим я слышала только: «Привет, всё нормально?» Его глаза расколотыми льдинками вскользь окинули меня, прямо замороженный Кай на Герду...

Я уже два дня, как работала. Сегодня был очень тяжёлый день, и очень длинный. С шести утра и вот, уже, девять вечера. Но душившие меня слёзы, которые никак не хотелось показывать, требовали уединения, и я выскочила на улицу, стянув с вешалки куртку. Свежий воздух, ударивший в лицо,

«отсветофорил» зелёным, и потоки горючих ручейков сами собой полились по щекам. Я инстинктивно юркнула за дом, в темноту, ещё не хватало, чтобы меня увидели в таком раздрызганном виде. Кое-как остановив водопад, поволоклась, куда глаза глядят. Ну что опять? Что? Почему Трошин позволяет так вести себя со мной? Я ему кто? Дурочка с перелучка? Слёзы капали, ком стоял в горле, покалывая и не давая проглотить слюну. И сердце трепыхалось, как осина на ветру, ветками стегавшая всякого, кто к ней подойдёт. А я подошла. В тот момент, если бы не практика, я бы точно улетела к дочке и маме. В моём понимании, так встретив меня, мой благоверный показал своё равнодушие и презрение к своей жене. Да даже, если ему не нравилось что-то, он бы мог нормально объяснить, что именно, не применяя ледяное равнодушие. Или я не заслужила? Господи, а завтра опять к шести, иначе рискую не успеть сделать очередное задание, мне, пока, не всё было понятно.

Прогулявшись часа полтора, я вернулась, куда же деваться. Ромки не было. Становилось всё интереснее и интереснее. Приняв душ и бросив на диван постельные принадлежности, отправилась спать в спальню, предварительно вставив палку, с которой занимаюсь по утрам, между ручкой двери и стеной. Дав себе указание спать, завтра на работу, я улеглась. И что толку от закрытых глаз, сна как не было, так и не предвиделось.

Он вернулся, подошёл к двери, дёрнул, постоял и ушёл.

Я всю ночь проворочалась, и, толком не выспавшись, встала ещё раньше, чем нужно, а конспиратор сделал вид, что спит. И? Я решила после работы зайти к подружке и попытаться что-нибудь выведать. А завтра, в воскресенье, поеду в монастырь, давно собиралась, очень потянуло...

Ни Илоны, ни её мужа, ни Ромки дома не было. И телефоны молчали. Я полазила вокруг да около, смоталась в центр, поспрашивала, не акцентируя, у знакомых. Никаких следов. Это начинало раздражать. И злить. А в таком состоянии я принимаю решения мгновенно. И я проделала то же самое: душ, палка, кровать. А рано утром уехала, не потревожив своего сладко спящего (или нет) мужа.

Каково же было моё удивление, когда при выходе из автобуса мне протянул руку Трошин.

– Моя дорогая, ты очень предсказуема. Грехи отмаливать приехала?

Я выдернула руку и ничего не ответив, направилась к входу. Трястись пришлось часа три, старенький автобус еле доехал, и водитель предупредил, что назад поедет не раньше пяти вечера вместо двух по расписанию. А этот чёрт домчал в машине, комфортабельно, удобно.

– Лера, подожди, я с тобой.

– А вам, товарищ лейтенант, есть, что отмаливать? Нам разве по пути?

– Да подожди ты, пойдём сначала в кафе, ты же тоже не завтракала.

– А вы откуда знаете? Подглядывали? Хотели что-то новое увидеть? Ну и как?

– Так, ну всё, моё терпение лопнуло, и я...

– Твоё терпение? – Перебив, я спохватилась, что нахожусь в намоленном месте. – Так бог терпел, и нам велел. Знать бы ещё, по какому поводу терпёж...

Я проскочила перед двумя женщинами и успела затеряться в толпе прихожан. Из головы не шло «лопнутое» терпение... Опять этот мужчина, хоть и любимый, хоть и родной, вызывал во мне противоречивые чувства. Умом понимала, что надо поговорить, но сердце вещало обратное. Поговорить? А ему не надо, он живёт своей жизнью, своими амбициями, хочет – отворачивается от меня, хочет – поворачивается. Устроил ромашку. А так хотелось посоветоваться с душой в этом святом месте, немного отмякнуть, расслабиться...

Трошин не уехал. Машина стояла прямо на автобусной остановке, пройти мимо было невозможно. Увидев меня, он выскочил, схватил за руку и потащил в кафешку. Справедливости ради нужно сказать, что кушать хотелось до урчания в желудке. Он не спросил о моих предпочтениях, потому что знал вкусы своей жены.

– Налупилась? Поехали?

– А я заслужила место в вашей машине? Чем же это? Съеденным обедом?

– Ты – несносная девчонка, но такая любимая, такая род-

ная. Хватит уже, и...

– Послушай, Трошин! – Перебивать его стало входить в привычку. – Ты себя слышишь? С любимыми так не поступают. С ними, хотя бы, разговаривают. А я и этого не заслужила. Но нам сегодня по пути, и можно, кстати, взять ещё попутчиц, женщин из нашего городка.

Он так и сделал, развёз всех, выбросил меня около подъезда и умотал в неизвестном направлении. А ко мне летела Илона.

– Что трубку не берёшь?

– На беззвучном, в монастыре отключила и забыла. А ты откуда такая спортивная?

– Пошли к тебе.

И она рассказала, что вчера они с мужем и с Ромкой ездили на какое-то озеро и договорились с местными, что сегодня приедут отдохнуть, хотели сделать сюрприз для меня. А вечером Ромка искал свою жену, а она, видимо, его. И телефоны не отвечали ни у кого.

– И у вас, между прочим, тоже.

– А мы специально отключили, ха-ха...

Дома пахло кофе и чем-то ещё. А говорил, что, не завтракал. Или не говорил? Что-то я устала, прежде всего, сама от себя. И включив телевизор, не заметила, как уснула. Разбудил меня поцелуй, нежный и вкусный, сладкий-сладкий. Я потянулась, обвила крепкую шею и была унесена в спальню, где у нас располагались райские сады с живой водой, кос-

мические дали с планетами неги и неземного удовольствия и батарея фейерверков, заключительный аккорд нашей сексуальной симфонии. Мы никак не могли отлипнуть друг от друга, почти не разговаривали, только шептали слова признаний и уверений в вечной любви. Заснули поздно, а вставать пришлось рано. Но Ромка поднялся вместе со мной, сварил кофе, запах манит, и, войдя на кухню, я ахнула. На столе стоял огромный букет тюльпанов. Где взял? Здесь они только проклюнулись. Хотя, не всё ли равно? Главное, Трошин любит меня, вон как смотрит, в его серо-голубых глазах плещется море обожания. И я не ошибаюсь, я чувствую. А вечером, вернувшись домой, была атакована таким вниманием и заботой, что толком и не поняла, как оказалась опять в руках Романа, сначала нежного и ласкового, а потом страстного и страшно любимого...

– Ромочка, я, конечно, должна была уже нажраться тобой, чего не будет никогда. Но кушать хочется, я сегодня только кофе пила.

И за поздним ужином Ромка, наконец, виновато заглядывая в мои глаза, открыл причину своего непристойного поведения.

– Ну, неужели нельзя было уговорить маму пожить у нас с Варькой? Я так скучаю, что крышу сносит, так надеялся, что... Ну, не знаю, придумаете, что ли, что-нибудь.

– И обиделся, нашёл виноватую, решил показать ей, что без дочери она тебе не нужна. Да? Только для секса, да и то,

когда уже припрёт. – Почему-то меня понесло, я даже задохнулась, поняв смысл сказанного, неужели, правда? – Дожили...

– Лерка, ты с ума сошла? Да мне без тебя даже дышать трудно. Просто, я очень люблю нашу девочку и очень скучаю.

– А я не люблю и не скучаю? Так, по-твоему? У нас с тобой один выход: либо мы всё говорим друг другу, даже самую страшную правду, либо я, действительно, сойду с ума. Ромка, любимый мой, когда ты отворачиваешься от меня, мне ничего не мило. Не делай так больше.

– Девочка моя, клянусь, что с сегодняшнего дня буду вести себя, как мужик, а не как капризный мальчик. Самому противно стало, когда посмотрел на себя со стороны.

И наша жизнь потекла дальше. Меня оставили работать в бюро, и это была большая удача. Появился интерес, платили хорошо, я даже оставила идею закончить, наконец, второй институт. Варьку сдали, как говорил её отец, в ясли, девочке очень нравилось. Она росла весёлой, в меру вредной и очень смышлёной. В три года выучила буквы, собирая кубики. А к пяти – читала, причём целыми днями, в отличие от своих сверстников. И очень любила отца, а он... Он дышал ей.

В день рождения Варвары собрали детей, к тому моменту друзей у неё было полно. И из садика, и из музыкалки, и из спорта. И, если в музыкальную школу её привела я, то в

секцию художественной гимнастики она влилась сама. Нам очень повезло, когда с «новыми» прибыла и тренерша по этому виду спорта, Станислава Яковлевна, жена замполита.

Надо сказать, что моя жизнь напоминала оброк по мужу. Всё было подчинено его карьере. Роман, будучи уже капитаном, ждал досрочного присвоения майорского звания, у него всё складывалось отлично. А у меня – сплошные обязанности. Дочь, дом, готовка, причём, под Ромочку, как он любит. Режим жизни – под его режим службы. И только, когда он уходил на длинные дежурства, можно было немного вздохнуть. Нет, я не роптала, так жили все офицерские жёны. И мне ещё повезло, я работала, но с каждым днём понимала, что это не моё. Мы с Илоной вынашивали возможность открытия небольшой студии моды и дизайна. Её образования хватало, а я – в подмастерья. Тревожило одно, как отреагирует Роман, ведь я хорошо зарабатывала, иногда даже больше, чем он. Пришлось прикусить язык на время.

К моей несказанной радости, на наш праздник приехали Пичугины. У них уже были двое мальчишек-погодков, трёх и четырёх лет. Наша Варвара сразу взяла над ними шефство, на правах старшей и хозяйки дома. Мы получали громадное удовольствие от общения детей, то и дело, наблюдая всякие уморительные моменты. Варька их кормила, усадив за маленький столик, потом умывала, укладывала спать. А читая книжки, и сама засыпала с ними рядом. Учила садиться на шпагат, чуть не сломав пацанам ноги, показывала приёмчи-

ки, которым её обучил отец. А когда заставила пичугинских сыновей встать на пуанты, грохот от падения «мешков с костями» докатился до финской границы. Они свалились оба сразу и плашмя, не успев ничего сообразить.

– Слабаки, – выдавила наша дочь непокорная, протягивая им руки.

А они, как раз, и не были этими слабаками. Витька занимался со своими сыновьями всякими единоборствами, и они кое-что уже умели. Но ведь Варя – девочка, а с женщинами настоящие пацаны не дерутся!

Вечером, когда праздник отгулял своё и дети улеглись, мы, вшестером, Трошины, Пичугины и Илона со своим Смирновым, расселись вокруг стола и потекла дружеская беседа, воспоминания цепочкой потекли одно за другим. И уже совсем поздно, оставшись вдвоём, мы с Наташкой проговорили полночи, благо следующий день был выходной.

– А кто эта Илона? Твоя подруга? – Мне показалось, что Наташка спросила, немного ревнуя меня. – Нет, ты не подумай ничего такого, Руська. Просто у неё очень оценивающий взгляд, она на моего посмотрела-посмотрела и опять на твоего переключилась. Ты не замечала?

– Да мы уже несколько лет рядом, ничего такого.

– Значит, мне показалось. Всё, спать, подальше от крамольных мыслей.

Я и представить не могла, насколько она окажется права... Тем более, что моя задушевная подруга ещё и отругала ме-

ня за то, что я не окончила свой любимый институт, что обабилась, воспитывая дочь и угождая мужу, и, что ни к чему хорошему это не приведёт. И, буквально, через неделю...

Я и раньше замечала, что Трошин сам заходит за Варей в гимнастический зал. Иногда, они приходили попозже, я думала, что гуляли. Но Варвара-краса проболталась как-то, что они втроём, она, Славякевна и Роман, посещают кафе. А когда она рассказала, что они ходили на мультик, и папа выходил с тренершей во время сеанса, у меня всё похолодело внутри. Правда, они принесли кукурузу, но для этого не обязательно было ходить вдвоём. Постепенно закралось подозрение, зацепившись за разум своими острыми коготками. Оно окрепло, когда Трошин не пришёл ночевать, объяснив это запаркой на работе. Всё-таки, я не первый год живу в атмосфере военной службы, и кое-что могу сопоставить. Никакого форс-мажора у них не было! Но и так откровенно, что-то не верится...

Уложив Варьку спать, посидев немного, я решила выйти на улицу. Ноги принесли меня к дому замполита. Зачем? Почему, именно сюда, не будут же они заниматься этим у неё дома.

– Добрый вечер! Что-то поздно вы гуляете, Валерия. Да ещё и в наших краях. Не боитесь? – Голос замполита прозвучал, как удар колокола.

– Кого бояться? Привидений? И добрый вечер вам, Игорь!

– Может, вас проводить?

Игорь был невысок, чуть выше меня. Получалось, что с женой они одного роста. Да и не спортивной наружности, типичный политрук. Какой из него защитник?

– Не стоит, правда. Идите отдыхать, жена заждалась.

Он грустно посмотрел на меня своими карими глазами, хлопнул ресницами, любая баба позавидует, и улыбнулся.

– Жены нет, так что я сегодня совершенно свободен. Пойдёмте.

И мы поплелись, тихонько разговаривая ни о чём.

– Я не понял? – Роман стоял около подъезда. – Это ещё что такое? Бросила дочь, а сама шляешься неизвестно с кем.

Это прозвучало так театрально, даже нереально, как-то. В воздухе повисла «неразорвавшаяся ракета».

– Роман, ты что, обалдел? Я проводил женщину, гуляющую перед сном. Ты же мою жену даже в кино водишь, и ничего, пожалуйста. Я ей доверяю, она мне. И всё нормально. Спокойной ночи, ребята. И не ругайтесь. Не стоит оно того. – Замполит и в Африке – замполит, воспитатель, мать твою...

Трошин сильно сжал мне руку и потащил наверх.

– Мне больно, Ромка!

– Сейчас будет ещё больнее.

– Ты меня выпорешь? Или выставишь на площади, как неверную жену?

– Не мешало бы, жаль, средние века закончились. Сядь! – Уже в комнате, приказал он. – Мне сказали, что ты стала ходить в спортзал, занимаешься какой-то женской гимнасти-

кой. Зачем? Ты и так фигуристая, меня устраивает.

– А ты боишься, что я помешаю вашим посиделкам в кафе и в кино со Станиславой, которой доверяет её муж? Так я по утрам хожу, когда ты спишь, надеюсь. И потом, я тебе говорила об этом. И если твоя башка занята чем-то другим, я здесь при чём?

Мой благоверный немного растерялся, что мне не понравилось ужасно, и опустил глаза. Стыдно? За что? Я отправилась спать к дочке под бочок.

А следующим вечером... Это случилось при всём честном народе. Была суббота, занятия у Варвары заканчивались в два, и я брела в сторону спорткомплекса. Сходить с Варькой в лес погулять, что ли? Погода соответствует, одеты мы по-спортивному, почему бы и нет. Так и сделали, с большим удовольствием набегались, напрыгались, надышались кислородом, даже набрали совсем немного подснежников, много нельзя, они занесены в «Красную книгу», о которой я и рассказывала дочке. Со стороны кафе слышались громкие голоса. Я остолбенела: моя Илона вцепилась в волосы Станиславы, которая вопила на всю улицу. Да и куда ей справиться с прибалтийской, медлительной и рассудительной девушкой, которая в минуты опасности превращалась в зубра, зубриху, то есть. Их никак не могли разнять, кто-то даже выплеснул воду на дерущихся. Куда там, в поле ветер, в ж... – дым! Я подскочила сзади, в чём была моя ошибка, и получила от подружки ногой в живот, сложилась пополам, и... Варвара

заплакала, а для меня белый свет померк.

Открыв глаза, я ничего не поняла, увидев белый свет в белом же. Даже лампа под потолком горела белым светом. Больница! А Варя? И я заорала благим матом имя своей дочери. Влетел Роман.

– Всё в порядке, Лерочка, она дома, с соседкой. А мама уже подъезжает, и они скоро придут. Как ты себя чувствуешь? У тебя что-нибудь болит?

– А что должно болеть? И, вообще, что со мной?

– Вы перенесли небольшую операцию, ребёнка сохранить не удалось, очень маленький срок. А вы выйдите, пожалуйста, мне надо поговорить с вашей женой. – Врач в очёчках, совсем мальчик, выпроводил моего богатыря (рядом с доктором Роман точно был Илья Муромец). – А с вами мы сейчас всё проясним.

И он рассказал, что я была беременна, что случился травматический шок, ещё что-то там, я уже не слушала, поймав фразу о невозможности в дальнейшем иметь детей. Как? Почему? За что? Всё заледенело в моей душе и теле, ум отказывался верить в происходящее.

Ко всем этим шоковым новостям присоединилась страшная апатия, я общалась только с Варей и мамой, никого из около космической братии пускать к себе не разрешила, и, прежде всего, Романа. Дело в том, что услужливая память подсунула мне раскладку последней минуты перед тем, как я потеряла сознание. Станислава орала, что Илонка уже ни-

когда не получит Романа, потому что он, Трошин, теперь её мужчина. А та, вырывая космы тренерши, реально, клочки летели по закоулочкам, вопила, что этого не будет никогда, потому что он уже несколько лет её, прибалтийской подружки моей...

Люди созданы из одного теста, но «начинка» настолько разнообразна, что одинаковых «пирожков и булочек» просто не бывает, а разница между мужчиной и женщиной разительна, и не только внешне. Почему-то бытует мнение, что потомки Адама, пожертвовавшего частью своего скелета, несут пальму какого-то первенства, оливковый венок небожителей и хвойную ветку превосходства, назначив себя «сильными» мира сего. А на самом деле, представительницы клана Евы с пущим успехом выращивают домашние пальмы, используют в пищу оливковое масло и лавровый лист, наряжают елки и сосны, не боясь уколотся. Мир держится на хрупких бабьих плечах, и не только потому, что на них лежит ответственность за продолжение рода человеческого. Женщинам приходится решать много бытовых и социальных проблем, ограждая своих половинок от мелочных, на их счёт, заморочек. Но из таких мелочей и состоит жизнь! А уж если происходит что-то грандиозное, тем более дурное, сразу же вылезают на свет божий все тараканы, и чёрные, и рыжие, и в крапинку. Нет ничего тайного, что когда-нибудь не станет явным. Так говорят...

Моя мамочка всё узнала. Откуда? В небольших городках, как наш, скрыть даже консистенцию кала сложно, а уж такое! Она забрала меня без лишних слов, я и не сопротивлялась. Тем более, после разговора с Илоной Подловной.

– Спасибо, что разрешила меня выслушать. Ты не написала заявление на меня, ещё раз спасибо. Но жить с этим будет тяжело, зная о том, что я сделала. – Она говорила коряво, волновалась, бедная овечка. – Смирнов бросил меня, он уже уехал в другой гарнизон, а мне придётся, пока, здесь жить, возвращаться домой я не хочу.

Странно, она разговаривала со мной, как будто ничего страшного не произошло, как будто не она разрушила мою жизнь, как будто это не я лежу здесь и подыхаю по её милости!? И жалуется, ожидая понимания. Я молчала, хотя на языке крутилось, что и Трошин остаётся здесь, что же им мешает? Но смотреть в её сторону, тем более, говорить с ней не было никаких сил и никакого желания. Как и с капитаном от космоса...

– Понимаешь, Лера, тебе страшно повезло с мужем, ты просто этого не можешь знать, он же у тебя единственный, не с кем сравнить. Его сексуальность зашкаливает, попробовав однажды, отказаться от этого настоящего, мужского, невозможно. Это как наркотик, все мысли и мечты направлены только на повторение, ты начинаешь жить только одним желанием – оказаться в руках альфа-самца, ощутить его в се-

бе...

Она ещё что-то говорила, горячая латышская женщина, а я жала на кнопку. Кающуюся Илону-Магдалину еле выдворили: она цеплялась за спинку кровати, за стол, за дверь, вымаливая у меня прощение...

А через неделю я была уже дома, оберегаемая мамой и папой, которые и отправили «тень от Валерии» в Питер, вернее, я сама напросилась. Вспомнить было что, и мне хотелось окунуться уже во всё это, довести себя до последней точки, расставить по полочкам в кладовой моей мятущейся души, а потом выкинуть эту гнусность из жизни. Как говорят, подобное лечится подобным!

Любовь приговаривается к расстрелу!

Валерия всё никак не могла оторвать взгляд от воды, её уже стала накрывать паника: в воде сияли глаза Трошина, при попадании на воду солнечных бликов, отдающих голубым светом. Сзади кто-то аккуратно положил руку на её плечо.

– Девушка, вы, часом, не заплыв решили совершить? Так для этого есть специально отведённые места. Я, кстати, туда направляюсь, может, со мной? Вы, я вижу, не местная. Меня Люда зовут. А вас?

– Господи, вы меня напугали.

– А вы меня. Судя по всему, гуляете тут с ночи. Значит, не

спали. В Питере все приезжие не спят во время белых ночей.

– Я привыкшая, жила на севере, с этим явлением немного знакома.

– А внешне и не скажешь. Вы уже загорели, и говор у вас южный.

Лерка успела немного погостить у тётки в Ставрополе.

– Всё правильно, просто жила несколько лет по месту службы мужа.

– Где, если не секрет?

– Это в Архангельской области.

– Нет, так не бывает. А я ещё думаю, но откуда такое знакомое лицо? Вы – Валерия Трошина, творец генеральных планов, очень хороший творец. Без вас стало совсем не то, пропала изюминка, отличающая вашу работу.

– А вы – Людмила Градова, я вас видела только один раз. Вы изменились, сразу и не узнать. Стрижка вам идёт, но жалко такие красивые волосы. Зачем?

– Не хочу быть красивой, хочу быть любимой. – Очень грустно ответила она.

– У вас что-то произошло? Тут мы с вами на одной волне...

– Не рассказывайте ничего, я вашу историю слышала раз сто из разных уст, в вольной интерпретации и «из первых рук». Я не люблю сплетен, но история Трошиных долго была у всех на устах.

Они шли по набережной, молчали, каждая думала о сво-

ём...

Люсе Алёшкиной предстояло довести до сведения Володи, что она изменила ему, подала на развод и не знает, как ей жить с этим дальше. Чувство вины перед ним, очень хорошим и верным человеком, отцом её дочери, обожаемой Катерины, и просто замечательным мужем, не давало покоя ни днём, ни ночью. Она даже не поехала в давно намеченную поездку на восток, ей надо было побыть одной, отстегать себя, наказать, вывернуть наизнанку свою душу. Одно Люда Градова знала точно: она любит Макса и очень уважает Алёшкина, и врать и изворачиваться не будет.

А Валерия, который раз напоминала себе, что Трошин, мерзавец и изменник коварный, не достоин её, такой необыкновенной и удивительной Лерочки. И надо достойно пройти последнее испытание, не показать ему, как болит и стонет её душа, так и не понявшая, за что? Вечный вопрос, задавать который нельзя ни при каких обстоятельствах, ответа на него не существует. А додумывать, последнее дело...

– А давай... – Они одновременно заговорили, рассмеялись и перешли на ты.

И уже к вечеру, договорившись встретиться и завтра, разошлись, довольные и немного утихомиренные, напивавшись друг от друга позитива.

Прошла неделя, и Людмила уговорила Леру остаться в Петербурге. Она всё придумала, порекомендовав талантливую проектировщицу в их головной институт. Зарплата хорошая,

детский сад, большие возможности для детей и, главное, Валерия сможет получить второе образование, о котором она уже и не мечтала.

– Ну, что тебя держит? Комнату дадут, ребёнок рядом, жизнь – полная и насыщенная. Мама с папой? Так, без проблем, можно снять квартиру, денег тебе хватит. Соглашайся, перемены никому не противопоказаны.

И она согласилась, поддерживаемая родителями и ими же перевезённая и устроенная. Уже в середине июля работала, восстановилась в институте и очень подружилась с Людой. Они обедали вместе, гуляли, водили девчонок на всякие развлекалочки, общаясь легко и находя много точек соприкосновения. Но в душу друг к другу не лезли. И обе ждали, с содроганием вспоминая о предстоящем походе в суд. Первая на очереди была Лера. Поддержка Люды оказалась очень кстати, тем более что и ей предстоит тот же процесс. Правда, как говорила сама Градова, присутствовала полярность: «Мы с Трошиным – на одной стороне баррикады, а ты, Лера, с морским доктором – на другой...» Поначалу именно это их и сближало, притягивало, а потом плавно переросло в искреннее и доверительное общение. А Лера уже и не чаяла после предательства Илоны сойтись с кем-нибудь, тем более так.

Начало августа, невыносимая жара в Питере, дождя не было недели три, очень необычно для северной столицы. И две подружки со своими дочками отправились за город, на Бал-

тийское море. Люда сразу поняла, что Лера расстроена.

– Уж не знаю как, но мой муж организовал всё без суда. Мне прислали формуляры, которые я должна заполнить, и всё. Он согласен на любые условия, просит только не ограничивать общение с Варькой. – Выпала Трошина залпом.

– А тебя что-то не устраивает? Ты же боялась встречи? Или мне показалось? Я, вот, например, ужасно боюсь именно посмотреть в глаза Володе, боюсь окочуриться от стыда, от вины перед ним. Может, твой Роман тоже этого боится? Ведь, ты его не видела с того момента, да?

– Он не боится, Люда! – Паника голосила, в глазах растерянность. – Он просит разрешения приехать, хочет повидать дочь. Его отправляют, или он сам напросился, не знаю, куда-то в Арктику, что ли. Это надолго. Да и как отказать? Варя меня уже замучила вопросами о папе. Господи, она же всё, что у меня есть... У него ещё будут дети, а, может, и есть, а я никому не нужна. Что делать?

– Ничего не делать. Ребёнок имеет право на общение с отцом. И ты сама рассказывала, как он к ней привязан. И чтобы я больше не слышала про «не нужна». Мы ещё ничего не сделали, чтобы подтвердить твой нелепый диагноз. Я уверена, что не всё потеряно, ведь в Питере работают мировые светила. И хватит об этом, что воду в ступе толочь. В конце концов, я могу отвезти Вареньку и привезти назад. Не паникуй, всё не так плохо. По мороженке?

Людмиле что-то подсказывало, что этим двоим нужно

обязательно встретиться. Лерка трусит, боится сама себя. Неужели любит Трошина? Очень похоже. Но ведь он предал их любовь, растоптал, размазал своим «мужским достоинством» самые искренние и сильные чувства классной женщины, красивой и умной, доброй и честной, очень контактной и весёлой, когда-то... Она, по его милости, осталась бездетной, забыть такое невозможно, а простить, тем более. Но ненависть и обида постепенно уходят из её сердца, освобождая место равнодушию и неуверенности в себе, где-то, даже, обозначая свою вину в случившемся. Иногда, представительницы слабого пола пытаются найти оправдание изменам мужа, копаясь в своих потрохах и ливерах: обабилась, стала неинтересной, даже скучной, быт, как дни сурка, засосал, борщ невкусный и яичница то недо -, то пережаренная, у каждой своя причина. А главное, слишком любящие тётки растворяются в своих половинках, сразу раскрывая ответы на все загадки, прочтение книги её бытия становится неинтересным, даже не вызывает желания заглянуть в конец. Этого нельзя допустить, душа опустошается, ломается жизненный стержень, человек становится безразличным, тухнет, как лампочка, подключённая к реле.

А где-то между небом и землёй, в промежутках и расщелинах, в ямках и канавках создавшегося рельефа жизни ещё цепляется за душу жалобно мяукающая любовь и просит пожалеть её...

Роман уже был в городе. Почти сразу с вокзала ноги сами

принесли его к дому Леры, где он спрятался за кустами, когда увидел, как его девочки выходили из дома вместе с двумя другими. И как Лера остановившимся взглядом долго смотрела в его сторону, а Варька тянула её за руку, пытаясь сдвинуть мать с места. И как его жена что-то рассказывала своей спутнице, чуть не плача, и как они остановились, чтобы купить мороженое... И, если бы сейчас на его голову свалился кирпич, это было бы самым лучшим выходом из тупика, в который он загнал себя. Сам, своими собственными руками, своим собственным х...

Ближе к вечеру Люда привезла ему дочь. Да, красивый мужик, ничего не скажешь, правду говорила её бабушка: «Красивый муж – не твой муж». Вот только глаза отталкивали, как тонкие треснувшие льдинки, тусклые, безжизненные, цвета зимнего моря, какие-то даже грязноватые. Но когда в поле его зрения попала Варвара, они заблестели, заголубели, засияли маленькими звёздочками.

– Девочка моя, я так соскучился, еле дождался... – Голос мужчины сорвался, глаза затуманились.

– Папочка, ты теперь всё время будешь надолго уезжать? А мы с мамой будем одни жить? – С порога огорошила своего отца Варя.

Трошин поднял вопросительные глаза на Люду. Она покачала головой, мол, никаких надуваний в уши Лера не делает. Просто пытается объяснить, как может. Он понял.

– Такая у меня работа, доченька. Но я буду вам звонить,

подарки присылать, и очень-очень скучать. Тебе нравятся мои презенты? Ты расскажешь, что тебе ещё хочется, чтобы я знал?

– Надо говорить presents, папа!

И они ушли, обсуждая насущные проблемы и по-русски, и по-английски. Жара спала, и Людмила решила вернуться к своей новой, но такой уже дорогой подруге. План созрел мгновенно, а почему бы и нет? Позвонила Андрею, тому самому, из леса. Он поступил в лесотехнический, и они несколько раз, по-дружески, пересекались. Договорившись об очередной встрече, вытащила Лерку на воздух, прогуляться. И «случайно» встретив Андрея, потащила их на пароходик, любимое место времяпровождения и досуга. Люда ещё раньше заметила, что Лера нравится лесному человеку и очень надеялась, что он немного отвлечёт её от тяжёлых дум.

Они уже выходили на пирс, когда тренькнул телефон.

– Ой, Роман! А вы где? Так это недалеко, подходите к нам. – И объяснила, куда.

Лера не слышала разговор, на что и был расчёт. Они устроились в кафе на улице в тени деревьев, решили выпить по бокальчику винца, еле уговорив волновавшуюся мамашу.

– Роман отзванивается периодически, всё хорошо. Глоток не помешает, струну немного отпустит, расслабишься. А я сейчас, кое-куда сбегаяю.

Люда уже увидела Трошина с девочкой и, спрятавшись за деревом, отпустила ситуацию в вольное плавание.

– Здравствуй, Лера. – Трошин пробежался взглядом по парочке.

– Дядя Андрюша, привет! Мой папочка приехал, смотри, что он мне купил. – Варька стала показывать куколку в коробочке со всякими причиндалами.

А её мать так и застыла с бокалом вина в руке. Из глубины души стала подниматься боль, как будто в чуть зажившей ране снова поковырялись. Ну, зачем он здесь? Да ещё и Варенька смотрит на него своими круглыми глазёнками так влюблённо!

– Здравствуй, Роман! Пообщались?

– Мамочка, а почему ты не целуешь папу, разве ты не соскучилась? И когда мы уже домой пойдём? Я устала.

И что? Что говорить? Как объяснить этому замечательному ребёнку, которому нужны и мама, и папа, их новый статус? Лера растерялась настолько, что, подскочив, чмокнула Романа, заалела, растерялась. Да, она умеет сотворить необъяснимое самой себе деяние... Чинно откланявшись, они пошли в сторону метро.

Людка ликовала, подскочила к удивлённому Андрею, заговорила его, отвлекая от случившегося. Надо, надо Трошиным поговорить...

Варька вертелась и скакала и, взяв их за руки, подпрыгивала и улетала в небо, вереща от восторга и радости. В метро уселась между родителями, обнимая и прижимаясь к ним по очереди. Что-то щебетала, пела, читала английские стишки,

всё время, заглядывая в глаза то маме, то папе. Ребёнок был счастлив и уснул на руках своего отца.

– Мы недалеко живём от метро. Донесёшь? Не хочется будить, у неё сегодня столько впечатлений. – Еле разлепив рот, попросила Лера.

– Да я готов нести её всю жизнь, и куда угодно. Неужели это непонятно? – Он ответил немного с раздражением. – У тебя не получится открутиться, нам надо поговорить. Какой бы я ни был сволочью, дочку никому не отдам.

– Я не готова была сегодня что-то обсуждать...

– Я уже понял, что разрушил твои планы. Извини, у тебя будет предостаточно времени, когда я уеду. Быстро же ты нашла мне замену...

– Что? Быстро, что? И это говорит тот, кто и не искал замену мне, она, просто, всегда была рядом. – Лера старалась держать себя в руках, но обида всё сильнее и ошутимее напоминала о себе, вонзалась в сердце, перекрывала возможность дышать и соображать. – Прошу тебя, лучше молчи. Я терплю тебя только из-за дочери.

До квартиры дошли молча. Лера забрала девочку и закрыла дверь перед носом Трошина, предупредившего её, что утром он появится однозначно.

Как заснуть? Болит всё, такое впечатление, что её переехал каток. И нет такой таблетки, таких микстур и капель, которые бы помогли. Капли, валерьянка. Она встала, накапала и вышла на балкон, сразу же отшатнувшись назад и вылив

содержимое на плитку. Во дворе, напротив окон, сидел Роман. И вспомнилась другая квартира, другой двор, пожар и сосед Виталий... Она сползла по стене, услышав тихое: «Лера...»

Королева – Шантеклера – Лера...

А наутро опять сюрпризы. Варя ни в какую не соглашалась гулять без мамы. Ну что это такое? Сегодня же воскресенье, у мамы выходной. И как ни уговаривала Лера свою дочь, ссылаясь на домашние дела, девочка поставила точку в распрях, большую и справедливую.

– Мамочка, – заявила она, – папа тебе поможет, у него же вообще отпуск. Мы тебя на работу проводим и всё-всё сделаем. Честное слово.

Получился чудесный день. Лерка отмела все сомнения, отогнала дурные мысли, объявила перемирие, чтобы лишний раз увидеть сияющие глаза своей дочери. Папа Рома вывернулся наизнанку, выполняя все их прихоти. Вozил, кормил, показывал, покупал, играл и развлекал. Но его, пока ещё жена, старалась не дотрагиваться до него, держала дистанцию, показывая всем видом своё однозначное отношение к нему. Она его терпела, призвав на помощь все свои силы, струны женской души тренькали одну и ту же мелодию, «пошёл к чёрту, Трошин»! И только один раз, когда Варька умудрилась поспать в кинотеатре, а её родители смотрели мультики, они посмеялись над этим очень по-доброму, и Лерка, ужаснувшись самой себе, ощутила себя какой-то ду-

рочкой. Как в той поговорке: «Ссы в глаза, всё божья роса». Опять заворочалась заноза... Хочешь – не хочешь, а ради дочки, теперь уже единственной, ей придётся на многое закрыть глаза, ведь Варенька обожает отца. Нужно научиться с этим жить, «напялить на себя колпак» для защиты от прошлого негатива, определить аспекты общения, так сказать. Ну не получится выкинуть Трошина из жизни, вышвырнуть окончательно! Лерка ужаснулась посетившей её мысли: «Как было бы хорошо, если бы папа Рома смог отказаться от дочери, пусть бы «нарожал» других и оставил их в покое!» Бы, бы, бы, если бы да кабы, во рту выросли... мухоморы!

А закончился день ещё большим сюрпрайзом: девочка «изволила возжелать» рядом с папой. И с мамой... Она старалась не заснуть, упорно дожидаясь Леру, которая тянула время, чтобы не залезть в кровать. Пожалев девочку, у которой закрывались глаза, и она смешно их лупатила, вставляя спички, мамаша улеглась, застегнувшись на все пуговицы... Она тоже устала, рано вставать на работу, по понедельникам – планёрка, опаздывать нельзя. Быстро уснув, чуть не задохнувшись знакомым, когда-то родным и любимым запахом её мужчины, проснулась от того, что он обнимает её и дочку одновременно. Нет, это уже слишком! Пришлось перебираться на диван.

Утром её ждала ещё одна неожиданность. Ромка сварил кофе, от запаха которого она и проснулась. А вечером они с Варей встретили её и, загадочно улыбаясь, пропустили пер-

вой в квартиру. Букет цветов на столе, сервировка на троих, запах мяса, печёных овощей и ещё каких-то вкусностей. И ноутбук последней модификации, её несбыточная мечта...

– Что происходит? Вроде никаких праздников на горизонте.

– Я завтра уезжаю. Вызвали. Ты же знаешь, у нас так. А ноут – для связи, будем по скайпу разговаривать, когда появится возможность. Мы с Варей сделали прощальный ужин. А ты против? – Спросил и прошёл в кухню.

А она против? Вопрос без ответа. В её голове, бедной и забитой воспоминаниями, вызывающими то ненависть, то горечь потери, то жалость к самой себе, творился хаос. Слава богу, он завтра уезжает...

Поели, попили, Варьку спать уложили.

– Лера, откладывать некуда, надо поговорить. Нам придётся общаться, как бы противно тебе не было. Если нужен развод, я подпишу любые бумаги, мне ничего не надо. И уеду на самый север, и ты долго меня не увидишь. Но если оставить всё, как есть, мне дадут квартиру для семьи, да хоть и в Питере. И я буду присылать вам все мои деньги, мне там они не нужны.

– Роман Алексеевич, о чём вы? Вам напомнить, что, зачем и почему? Неужели...

– Подожди, Лера! Я очень виноват перед тобой, оправдываться не буду, это бесполезно. Но я люблю тебя, только тебя. И любил, и буду продолжать любить. Я же не последний

идиот, и прекрасно понимаю, какую боль принёс тебе, моей родной девочке, потому что сам не могу найти себе места. Я не могу жить без вас, не нахожу выхода из этого ужаса, становлюсь слабым и глупым, потеряв надежду вернуть счастье и твою любовь. Ты вышвырнула меня из своей жизни, не разрешила повиниться, не захотела видеть и слышать. Но я приезжал, чтобы просто посмотреть, немного напиться желанным зрелищем, насмотреться на вас, подышать одним с вами воздухом. Твоя мама не подпустила меня к тебе, но позволила несколько раз погулять с дочкой. Она переживала, ненавидела меня, но понимала, что общаться придётся, да, хотя бы, в суде. Скажи, ты совсем разлюбила меня, Лера? Как мне вернуть тебя? Что сделать? Может, убить себя? Чтобы тебе не пришлось ничего придумывать и объяснять Варьке про папу? Ну, скажи, не молчи, Лерочка, солнце моё...

– Какое солнце? У меня нет никаких сил светить, я могу только подсвечивать, и то – в сторону Варьки. Она, это всё, что у меня есть.

– Ну, вот видишь, у нас и ценности одинаковые...

– Трошин, тебе нравится меня мучить? Зачем ты издеваешься? На твоём горизонте найдётся очередная бабёнка, нарожает кучу ценностей, а у меня... – Лерка задохнулась, кровь отхлынула от её лица, губы посинели, ноги и руки похолодели.

– Лера, что с тобой? Тебе плохо? Сейчас, скорую...

– Не надо, там таблетки на полке, розовые, – еле пролепечила.

тала она.

Слетал, принёс, напоил, уложил на диван, сам сел на пол рядом. В глазах, тёмных сейчас, каких-то бездонных – испуг, мировая тоска, растерянность... Никогда не видела Лера таких глаз своего, ещё, мужа.

– У меня бывает, сильно падает давление, это не страшно, со временем пройдёт. Как только я смогу забыть весь этот ужас.

– Лерка, что я наделал...

Он положил свою голову на её ладонь, Она отвернулась, сообразив, что похожа сейчас на зомби, усмехнулась про себя, поиронизировала над своей неземной красотой, закрыла глаза...

Трошин стал потихонечку целовать её пальчики, нежно-нежно... Обручальное кольцо было выброшено давно, просто выкинуто в окно маминой квартиры. Он знал про это и нашёл его, приезжая посмотреть на них. Теперь оно пристроено на цепочке вместе с его военным жетоном, совсем близко от сердца. А своё он не снял...

Лера высвободила руку, слабость нервировала, сна ни в одном глазу. Привстала, голова закружилась, она бухнулась назад. Видимо, лекарство ещё не подействовало.

– Ты чего-то хочешь? Говори, я, всё равно, не уйду.

Завозилась Варенька и выскочила напрямиком в ванную. Потом на кухню, водички попить и, наконец, увидев маму на диване, развела ручками.

– Вот опять... Папа, ей надо розовенькие таблетки дать...

– Не волнуйся, всё уже сделано. – Роман ужаснулся, поняв, что даже маленькая дочка знает, что надо делать, значит, далеко не первый раз.

– Ты сиди около неё, папа, никуда не уходи. Надо сказку рассказать, весёлую. – И уселась с ним рядом, на пол.

– А можно и не сказку, но тоже смешную. Про тебя. Ты, когда совсем маленькая была, любила с нами спать, никак не хотела подружиться со своей кроваткой. А она была у тебя, как у принцессы, розовая, с балдахинчиком. Но каждое утро ты срывала его и прятала, он тебе загораживал обзор. А вот в садике эти шторы понадобились, чтобы оградиться от других детей. Ты их нашла и принесла, но воспитательница не разрешила повесить и убрала в шкафчик. Тогда наша замечательная дочь подговорила всех девочек, и они устроили бунт, всем захотелось почувствовать себя принцессами. И родителям пришлось покупать своим дочкам эту прихоть и устраивать царское ложе. Девичья спальня превратилась в будуар царевешен. Но самая красивая была, конечно, Варя Трошина, королевишна. – И он поцеловал девочку, обнял, приголубил. – Всё, спать, моё солнышко.

А у Леры перед глазами поплыло воспоминание... В тот день она не ждала так рано Романа с дежурства, но дома всё было готово, и, придя за дочкой в садик, решила помочь с обустройством сказочной спальни. Атмосфера была почти семейная, родители посмеивались, девочки руководи-

ли, а воспитатели смотрели на дверь, им хотелось уже домой. Кроватка Вари стояла в углу, и у Леры не получалось красиво задрапировать эти «тряпки». Они с Варей к тому моменту остались одни, пришлось маме самой лезть вверх по стремянке. Как Ромка оказался рядом и успел поймать её уже у самого пола, знает только провидение. Но, если бы не он, последствия были бы гораздо серьёзнее. А так только щека, ободранная о погон. Как тогда, под забором школы... И чувственная ночь, пропитанная любовью и страстью. Ромка признался своей жене, что ужасно испугался, представив себе полёт над гнездом Варвары, если бы он не успел её поймать. И лишний раз понял, кто для него Лера. Она – его душа, его сердце, его жизнь. Было и такое...

– Ну как ты? Тебя отнести на кровать? Уже поздно.

– Я сама. – И маленькими перебежками отправилась в душ, а потом, пройдя мимо сидящего на диване Трошина, и в кровать.

Сна так и не было. Как ветром сдуло. Воспоминания наплывали, шторм усиливался, парус трепыхался на ветру... Она слышала, как гудел душ, представляя своего мужа во всей обнажённой красе. А потом кипел чайник, и Ромка виделся в любимой позе около окна с чашкой в руке. Ну а когда скрипнул диван, Лерка уже готова была отдать богу душу! Господи, она любит его! После того, что этот дон Жуан межпланетный с ней сделал!? Лера, не смей, ты же не порочная девица! Ты выкинула этого испорченного до мозга ко-

стей развратника из своей жизни! Всё, опомнись, назад дороги нет, пусть вступает в любовную связь с белыми медведицами!

«Иногда встречается такая любовь, которую лучше было бы сразу расстрелять»: – сказал кто-то из великих. Разве это возможно? Любовь, единственное, что устоит у расстрельной стены. Её можно уговорить подождать, не знаю, чего, успокоить на время; можно закопать на дне души, запереть на все засовы. Можно отдать другому, более достойному, убедив себя в возникновении чувств, свежих, сильных, и уж точно, настоящих. Можно, в конце концов, сыграть в несколько любовей, выходя замуж по сто раз. Но каждая женщина, особенно в конце пути, перебирая личные карточки своих мужчин, признаётся самой себе в наличии самого-самого: самого лучшего, самого любимого, самого её, близкого и понимающего. Это как первая любовь, её помнят все. Хотя я бы назвала это подростковое чувство симпатией, когда приходит понимание разницы между мужчиной и женщиной, вызывающей интерес друг к другу, любопытство на уровне анатомии.

А ночью...

– Лера, ты кого зовёшь? Мечешься по кровати, как юная разведчица, и бормочешь что-то непонятное. Может, воды? Она резко подскочила и ударила его головой в лицо, от

испуга. Он ойкнул, от неожиданности, и подхватил её, пошатнувшуюся в сторону, крепко прижав к себе.

– Лерочка, тихо, ты разбудишь Варьку. – Это было последнее, что она услышала в порочной глубине, куда провалилась в мгновение ока, задохнувшись близостью мужчины, когда-то родного и любимого. Или...

Он перетащил её на диван, плотно закрыв дверь от Варьки, а его жена, зацепившись за него всем, чем можно было, руками, ногами, губами, грудью, носом, животом, всем телом от пяток до макушки, обжигала его своим горячим дыханием, своими жаркими губами. Неужели это происходит с ними? Прямо, любовная схватка, кто кого перецелует, переласкает, переколдует и унесёт, сначала в небеса, а потом, утонув друг в друге, заставит испить до дна чашу блаженства, прочувствовать обволакивающую, приятную истому, двигаясь в унисон, к сильнейшему наслаждению...

Лерка, как ополоумела, её естество требовало повторения, она не стеснялась своего жгучего желания обладать этим мужчиной здесь и сейчас, не устояв перед соблазном и не боясь спугнуть своей бурной, настойчивой лаской это наваждение. Она тянула его на себя, губы вновь сливались в волнующем и страстном поцелуе, вызывая бурю эмоций. У Трошина весь мир переворачивался калейдоскопом феерических утех, искрило и зашкаливало. А возможность доставить этой женщине море удовольствия, услышать её сладостные стоны, войти в обжигающее и жаждающее мужчину

женское начало и потеряться в пространстве и во времени – это ли не блаженство...

Она заснула, совершенно обессилив, зарывшись на его груди с глупой улыбкой счастья на губах. А ему было просто очень хорошо, сказочно хорошо! Такого подарка Трошин не ожидал, от чего «послевкусие» сексуальных утех утроилось.

Хмурое утро, ночью прошёл дождь, принесло отрезвление. Мучительная неловкость лишала возможности ображать. Валерия не могла поднять глаза, понимая, что сотворила очередной раз «чудо из чудес». Драная похотливая кошка, вот кто она, на самом деле. Переспать, да ещё так, с человеком, который делает это со всеми подряд – воистину, за гранью. Ни одного слова оправдания, хоть сколько-нибудь праведного, не находилось в её мозгу. Она была раздавлена своей слабостью, чувство собственного достоинства перестало существовать, оно уступило место презрению к самой себе, опустило самооценку до безграничного минуса. Лера на физическом уровне почувствовала проникновение в её душу странной смеси из едкого сарказма по отношению к себе и набирающей обороты неистовой ненависти по отношению к Трошину.

– Лерочка, не ругай себя, хорошая моя. – Он видел, конечно, её терзания и ему очень хотелось вернуть её себе, не дать отдалиться, успокоить, наконец. – Я очень благодарен тебе за эту колдовскую ночь, ты даровала мне ...

– Я где-то слышала или читала, что благодарность – долг, и всякий человек платит свои долги... Но любовь не купишь. – Перебив, Лера услышала свой голос, хотя была совершенно уверена, что разучилась говорить. – Будем считать, что мы так попрощались. Я, во всяком случае, уж точно.

Она не смотрела на него, хотелось яду, капель пять, две – ей, а три – ему...

– Папочка, ты уже уезжаешь? – Звонкий голос Вареньки напомнил, что времена итальянских страдальцев давно закончились. – Мама, ты плачешь?

И сама заревела, обняла ногу Романа, он подхватил свою девочку, сильно-сильно прижал, закрыв глаза. Ну, не показывать же дочке слёзы...

Капитан Роман Трошин, амбициозный и полный сил и энергии, ещё совсем недавно хлебал полной ложкой радости жизни и даже в страшном сне не мог предположить, к чему приведёт его легкомыслие. Он был настолько уверен в своей жене, в её привязанности к нему, в её преданности, что «мелкие шалости» воспринимались, как вседозволенность, почему бы не потешить себя, любимого... И только почти потеряв, он очень надеялся на это «почти», стало понятно, как по-настоящему дорога ему Лерка, как он безумно любит её, что не может без неё... А она?

– Тебе пора. – От Леры повеяло холодом. – Береги себя для своей дочери. Надеюсь, что с появлением других детей ты не забудешь о Варьке. Мы желаем тебе счастья!

– Мне не нужно никакого счастья без вас. Я очень верю, что ты простишь меня, и буду жить этой надеждой. Сколько скажешь, столько и буду. – И, поцеловав девочку, ушёл.

Варька подскочила к окну, но её отец не обернулся, не помахал рукой...

Предупредив Люду, Валерия Трошина посетила нотариальную контору, подписала все бумаги, и уже через месяц была свободна. От кого? От кого угодно, только не от себя... И куда попала, поняла сразу: в пустоту, беспросветную, тягучую, навязчивую, забирающую её силы и возможность адекватно думать и мечтать...

Они с Людой и девочками ехали в гости к Андрею, пригласившему их по грибы. Чудесная осенняя погода, ещё тёплое солнышко и палитра красок, разлитая вокруг, вкусный кофе и красивые осенние яблочки – жить бы, да радоваться. Но молодые женщины, потерявшие покой и уставшие, прежде всего, от самих себя, вели откровенный разговор, эмоционально и достаточно красноречиво.

– Я тебе рассказала всё не для того, чтобы ты сделала такие дурацкие выводы. – Кипятилась Людмила. – И потом, ключевые слова в моём доносе «не подпускает» и «не обращает внимания». А ты услышала только то, что сама захотела услышать. Да таких баб, как твоя любимая латышская подружка, хоть пруд пруди. Тем более что ты освободила Трошина от себя. Он теперь завидный жених, почти майор, мо-

лодой, здоровый и перспективный. Уж извини, но это правда.

– Ну, мне-то что, Люда? Никогда не поверю, что кое-кто косички плетёт и бантиком завязывает. Да и бог с ним, эту страницу я уже перевернула.

– Ни фига, ты её открываешь при каждом упоминании о Трошине, мне-то не ври.

– Гораздо меньше, а скоро и совсем перестану.

Лера никак не могла утихомирить своё сердце, хотя последнее время немного успокоилась. Когда всё заканчивается, боль расставания тем сильнее, чем сильнее и крепче была любовь. Трудно выдержать эту муку, потому что воспоминания выносят на поверхность чаще позитивные моменты, лишения которых мучает и не примиряет с реальностью...

Трошин отправился к новому месту службы не один. С ним поехала и Илона. Весь городок ахнул! Гарнизонные бабоньки давно подвели черту под этим любовным четырёхугольником, все были на стороне Леры. И знали, что бравый капитан получил выговор, что не помешало ему перевестись служить на север, подальше от событий,ломавших жизнь нескольких человек. Но вот Станислава не пострадала совсем, замполит не дал свою жену в обиду, закрыв всем рот заявлением, что верит своей половинке безгранично. Но тоже постарался перевестись вслед за Смирновым, мужем Илоны. И таким образом в городке осталась одна прибалтийская матрона. Она ни с кем толком не общалась, её часто видели

около дома Трошина, латышка встречала его с дежурств и провожала туда. Но он её близко к себе не подпускал, не обращал внимания на её заботу и внимание, игнорировал, одним словом. И вдруг! Они вместе уехали на аэродром, вместе сели в самолёт, пару дней пробыли в городе. Причём, не скрывались, обедали, оформляли какие-то бумажки, просто гуляли. Но никаких тёплых отношений между ними не было. Во всяком случае, на виду у народа. И именно, об этом и рассказала Люда своей настрадавшейся подружке только с одной целью: или та должна была уже страшно возненавидеть своего бывшего и не терзаться, не расковыривать свои раны, или воспринимать действительность, как она есть, объявив мужиков полигамными созданиями со всеми вытекающими ...

Кому-кому, но не Люде Градовой давать советы Валерии. Но она так хотела помочь ей, всем сердцем. И вдохнуть в неё свежий поток кислорода, чтобы легче дышалось, поднести воды, чтобы не умирала от жажды, согреть солнечным светом, чтобы не замёрзла уже совсем. Она ругала себя за сводничество, из-за которого стало ещё хуже. И за то, что вовремя не поддержала подружку, разбираясь со своими сердечными делами. А они, эти дела, вынули из неё всю душу.

Максим и Володя вернулись в один день. А кто ищет лёгких путей? Больше того, на один вокзал и почти в одно время. Люда соскучилась по своему математику так, что готова была прыгать от радости прямо на привокзальной площа-

ди, если бы не боязнь поломать ноги и потерять голову при встрече с Алёшкиным. Она немного подготовилась, оповестив его об изменениях в их отношениях, без подробностей. Поэтому и не встречала корабль, а ждала в городе. Но его не оказалось в поезде, на котором он должен был прибыть...

Люда поменяла квартиру. Жить там, где притаилось счастье с Володей, не было никаких сил. Новое бытие должно начаться с нуля. Только Катюша не вписывалась в это «начало», её отец всегда будет присутствовать в жизни девочки, это даже не обсуждается. И Люда по дороге домой, где её ждал Максим, обиженный и переживающий, вдруг решила забрать дочку и поехать к Римме Ивановне. Надо, наконец, расставить все точки над «и». И пусть они уже проклянут её, выскажут всё, что считают нужным, и будь, что будет! Ибо так жить невозможно!

Римма ждала около открытой двери... Люда сразу поняла по её глазам, что Володя дома. На удивление, тётка поцеловала и мать, и дочь, затолкала их в квартиру, где Катюша с визгом повисла на своём отце. Алёшкин расцеловал свою принцессу, подкинул, закружил, завертел и заверещал вместе с ней. Потом высыпал кучу подарков, что-то объяснил, что-то показал и поднял, наконец, глаза на свою Люсю. А она, увидев своего богатыря, лишилась возможности управлять всеми шестью чувствами...

– Здравствуй! Спасибо, что догадалась привести дочку. Я очень скучал по ней.

– Давайте на кухню, я кофе сварила, там и поговорите. А я, пока, с Катюшкой поиграю. – Римма Ивановна всё понимала...

А Люда не могла сдвинуться с места. Она ожидала чего угодно, только не нормального человеческого отношения к ней! Алёшкин, как понял, взял её за плечи и потянул, потихоньку подталкивая к двери.

И если вы спросите у Людмилы Градовой, о чём он говорил, она не сможет вспомнить толком нить его монолога. Но одно поняла сразу – он её не на-ви-дит, он старается понять, и он жалеет её, мерзавку и изменницу.

– Если бы твой новый избранник не был твоим старым другом, Максимом, я бы реагировал совсем по-другому. Но, получив тебя в своё пользование, так сказать, обезумев от счастья и радости, не сразу понял, что к чему. Ты любила своего гения всегда. Я не буду рассказывать, как и когда до меня это дошло, это неинтересно. Ты прости меня, Люся, прости за любовь. – В глазах этого настоящего мужика, моряка, врача и просто очень достойного человека было, кроме грусти и обиды, море сострадания и сочувствия, общение с Люсей давалось ему очень непросто, ему тоже было больно, гораздо больше, чем ей...

Слёзы потекли ручьями. Господи, он ещё извиняется перед ней! За что? Зачем? И как ей жить теперь с этим всем? Ну, честное слово, если бы Алёшкин наорал на неё, обозвал, да, даже, ударил, Людмиле было бы проще...

Вошла Римма, накапала каких-то капель, влила их в рот рыдающей особе, вышла.

– Володя, я долго сопротивлялась, ты был мне очень дорог. Но... – Спазм в горле не давал говорить. – Но я люблю Максима, и с этим ничего не поделаешь.

Ей хотелось улететь отсюда на самую дальнюю планету, где никто её не найдёт, где нет этих чудных глаз, волшебных губ, доставивших ей столько наслаждения, этих крепких и, одновременно, нежных рук, сжимавших её в объятиях так упоительно...

Почему всё это попёрло из неё? Почему вспомнилось? Нет, сомнений в любви к Максиму не было никаких. Ну, тогда, что это? Вот здесь, рядом с Володей, она ощутила, остро ощутила чувство потери...

– Люся, не вини себя. Ты не обманула меня. Ты сразу известила, что перестала быть моей женщиной. И ты знаешь, это гораздо честнее, чем измены жён моряков, в которых они не признаются, а пытаются создавать видимость семьи. И таких – половина, пятьдесят процентов. И вот ещё что, самое главное. Я хочу забрать Катю до школы, мы с ней поедем в путешествие. Обещания надо выполнять. Ты не против?

– Как я могу быть против, она тебя так ждала. И я обещаю тебе, что у неё будет один отец, ты. Я никогда не стану препятствовать вашему общению.

– Люся! – На кухню вплыла Римма Ивановна. – Я вызвала тебе такси. Надеюсь, ты оставишь нам Катю? – В голосе тётки

прозвенел металл, глаза сузились от злости.

Ну вот, дождалась...

Около подъезда маялся Максим, и Люда вспомнила, что, сказав адрес, забыла оставить у соседки ключи. Получается, он полдня проторчал на улице.

– Макс, прости! Совсем голова не варит.

Он внимательно посмотрел на неё, всё, конечно, понял, обнял и прижал к себе, глядя по волосам, целуя в нос, лоб, щёки. Он так соскучился, так издёргался, пока ждал свою Людочку, что одно только прикосновение к ней вызвало в нём бурлящий поток нежных чувств, радости от близости, страстного желания зацеловать уже её всю, съесть со всеми потрохами и не отпускать от себя ни на шаг.

– Если ты ещё хоть раз оставишь меня одного, я умру без тебя, ты понимаешь?

– Ты прав, нам нельзя надолго расставаться. И мы не будем. Пойдём? А то я упаду прямо здесь, и тебе придётся вызывать подъёмный кран, чтобы... – Она не успела договорить, как оказалась на руках своего математика, обняла его и не отпускала до самого утра...

А утром...

– Ты не обманывала Алёшкина, просто честно призналась, что не любишь. – Макс произнёс фразу, почти один в один с той, которую выдал Володя. – И, чтобы закрыть эту щекотливую и волнующую тему, я должен признаться тебе

кое в чём. Мы с твоим мужем встречались. Случайно. На медосмотре в академии, перед его последним походом. Ещё до той ночи, самой волшебной и сказочной, самой лучшей в моей жизни. Нет, я не говорил ему ничего про нас, да и что было рассказывать? Что мы с тобой, как школьники, ходим по кафешкам и целуемся под покровом ночи? Нет, всё получилось спонтанно: из моих документов выпала твоя школьная фотография. Я её стащил со стенда ещё в той жизни, и никогда с ней не расставался. Алёшкин узнал тебя сразу. А то, что этот врач – твой муж, я понял ещё раньше, потому что знал о тебе всё, или почти всё. Он, почему-то, растерялся и попросил о встрече. Вот тогда и состоялся наш очень непростой разговор. Мужской. И если бы мы с тобой не поняли, что нам нужно быть вместе, я бы никогда не рассказал тебе о нём. Да и пересказа тоже не будет. Мы пообещали друг другу, что выбор между нами сделаешь ты сама. Правда, Алёшкин предупредил меня, что так просто не отдаст свою жену, что твоё счастье для него не пустой звук, а смысл жизни. Ты знаешь, он был настолько убедителен, что в какой-то момент меня посетило сомнение, и я дрогнул. Мне показалось, что морской доктор более достоин тебя, что он может дать своей женщине гораздо больше, чем чокнутый профессор Стрельцов, помешанный на своих изысканиях и пропадающий сутками в лабораториях и на испытаниях. И что же я удумал? Я решил запереть себя в очередную командировку, уйти в работу, не встречаться с тобой. Хватило меня ровно на неде-

лю... Не получилось... Даже думать не мог, силы убывали, не хватало кислорода... Мне нужно было хотя бы просто видеть тебя, слышать, сжимать твою руку, дышать с тобой одним воздухом. Всё остальное стало неважно, и я окончательно понял, что ты, Люда, моё всё: и наука, и жизнь, и сердце и душа. Прошлое, настоящее, и будущее. Вот тогда я и организовал поездку на Алтай, совмещая приятное с полезным. Приглашение от тамошних проектировщиков получил давно, а привязать тебя к нашей группе было парой пустяков. И вот теперь скажи мне, честно я поступил по отношению к Алёшкину? Скажи, Люда!

Что она могла ответить? Ведь будучи чужой женой, сама пришла в его номер, сама бросилась в объятия Макса, буквально взяла его силой, пока его математическое величество решало очередную теорему создания правильности бытия в отдельно взятом промежутке пространства и времени! Ответ был настолько очевиден, что это понял бы даже первоклашка: Люда и Максим не могут существовать отдельно, ни в каких промежутках. Накануне той чудесной ночи они сильно повздорили: приземлённая Градова и витающий на просторах Галактики Стрельцов. Как-то не рождалась истина в постоянных спорах, и Люда вылетела из помещения, громко хлопнув дверью, очередной раз, оставшись при своём мнении. И даже подумала, может, не стоит менять так уж радикально свою жизнь, как бы не пасть жертвой околонушной инквизиции. Но это было секундное сомнение. Уже к вече-

ру, еле дождавшись Максима, решительно вошла в его комнату. Он сидел за столом, в разрезе светлой рубашки торчали чёрные волосы...

– Люда, ты чего? А я вот доказательства готовлю для тебя, в письменном виде. А то мы поубиваем друг друга в словесных баталиях, надо переходить, как в шахматах на расстоянии, в режим переписки. – Стрельцов вопросительно посмотрел на неё, проследив за её взглядом.

Встал, отошёл к окну. Люда подошла сзади и прижалась к его спине.

– Милая моя...

– Не надо ничего говорить, слова бессмысленны, когда говорят чувства. – И закрыла ладонями его рот.

По-настоящему они опомнились уже в душе, ближе к свету. Всё встало на свои места. Устроенный матушкой-любовью бал отыграл очередной раут, соединив мужчину и женщину в одно целое, неделимое, указав стрелами Амура направление их дальнейшего существования.

И вот сейчас...

– Неужели ты считаешь, что было бы лучше ждать моего решения? Ты сколько ждал? Тебе это принесло много счастья? – Люда не стала напоминать ему, что это она не стала дожидаться радикальных действий, оставив пальмовую ветку мужчине, сильному мира сего. – И хватит об этом. Так можно договориться до нарушения международной конвенции по правам человека. Просто, нужно время, чтобы улег-

лась пыль из-под копыт. Всё сказано, всё определено, всё решено. Я люблю тебя, Макс.

– А я всегда любил только тебя...

И вот они едут, Валерия и Людмила, подальше от города, в лес, по грибы, к Андрею Смирнову, ставшему «жилеткой» для них обеих. Да, много Смирновых на просторах нашей матушки России...

И Люда ещё не знает, что её подруга беременна, что она извелась вся, что эта новость сначала ошеломила, взорвав мозги и остановив перестук сердца, а потом, когда дошло, наконец, обрадовала, разделив пополам душу. И эти половинки воюют между собой без передыха, без перемирия и затишья на всех фронтах, с раннего утра до поздней ночи.

И вечный бой...

И Валерия ещё не знает, что её подруга беременна, что она извелась вся, отправив своего Макса в Москву, к его семье, Лариске и маленькому сыночку. Что рыжая стерва не даёт согласия на развод, что она пишет во все инстанции, чуть ли ни президенту, не давая полноценно жить и дышать Стрельцову и ей, Людмиле.

Покой нам только снится...

Перед самым отъездом на северные хлеба Роман узнал, что Илона Смирнова, красивая и совершенно безбашенная и беспринципная баба, плод его утех вне семейных, окон-

чив курсы шифровальщиц, едет с ним. По назначению, для несения воинской службы. Она опостылела ему до чёртиков вместе с её роковой любовью, неуёмной заботой и безграничной верой в воссоединение Румы и Илоночки, ради чего была готова на всё! Последнее было истинной правдой. Чего только стоила разыгранная специально для Леры вульгарная сцена разборок со Станиславой! Он, кстати, с тренершей не спал, она предлагала ему себя и так и этак, что очень раздражало и, наоборот, отворачивало. Жена политрука решила, что, если Трошин мотается в зал, с удовольствием слушает комментарии, отпускаемые в сторону маленьких гимнасток, приглашает в кафе, где интересуется дальнейшими планами и перспективами юных спортсменов, значит он уже её, фигуристой бывшей гимнастки. Так же рассудила и Илона. Эта тётка встречала и провожала его, чистила, драила, готовила, покупала красивые вещи, ловила каждое слово, почти никогда не относящееся к ней. Латышка знала про него всё, её агентурная сеть раскинулась на полмира, Трошин только успевал подумать, а она уже делала. Да, собственно, и знать было нечего, без Лерки и Вареньки ему ничего не надо было. Тогда из неё пёрла инициатива, которая, как известно, наказуема. Она приглашала его на вечер в ресторан и сидела там одна до полуночи, оплачивала сауну, доводя себя до состояния варёного рака в гордом одиночестве, пыталась обманом заманить капитана в свои сети, придумывая всяческие развлечения и дегустации. Всё зря... Но как-то, вернувшись

очередной раз с дежурства, ему предстала картина маслом. Илона, с раскинутыми ногами, согнутыми в коленях, в сексуальном красном белье с голой промежностью и сиськами, курила кальян и закатывала томно глазки. Бравый капитан, лихо сбросив с себя форму и минуя душ, скрутил куртизанку и оттр... её грубо, с синяками и засосами, потом ещё раз, и ещё... Как проститутку. Подступивший спермотоксикоз сделал своё дело. И ему было совершенно всё равно, получила ли Илона то, что хотела, нет ли... Он делал это по животному, заботясь только о себе. Удовлетворившись полностью, Роман шлёпнул свою партнёршу по пятой точке, больно, и отправил домой. А сам отмокал в ванне и вспоминал ночь в Питере, с Лерой... Похоже, он потерял её...

Трошин выкинул из своей жизни Илону, жёстко и без обид, просто закрыв ей вход в свою жизнь, новую, арктическую. Он даже извинился за непристойную «ночь разврата», растолковав ей, что Валерия всегда будет стоять между ними. И никак не мог взять в толк, почему до неё самой не доходит, что любовью в их сексуальных утехах никогда и не пахло. А чем пахло, товарищ капитан? Обманом, грязью, махровым эгоизмом? Чем?

Илона на время затаилась, очень надеясь, что далеко капитан от неё не уйдёт. И опять же, он всё-таки не смог совсем отказаться от неё, пусть даже и так больно, услаждая только свою похоть. И, оказавшись в одном самолёте, она опять предприняла попытку приблизить его, притворившись спя-

щей и уронив голову на плечо офицера. Роман не отодвинул её, спит, женщина, и пусть спит. Потом они ещё несколько дней провели рядом, получили предписания, познакомились с особенностями местного быта, обедали и расходились в разные стороны. Оставалась последняя ночь перед отъездом в гарнизон. На следующее утро он отправлялся дальше, а Илона оставалась, её подразделение располагалось в городке. И когда они увидятся в следующий раз, знал только господь бог. Здесь шифровальщица сильно просчиталась. Надо действовать! Не пришлось. Придя в гостиницу, она не нашла Трошина на месте, он обнаружился у заведующей столовой, дородной, ухоженной, взрослой уже женщины. Недвусмысленные звуки, смешки, охи и ахи, доносящиеся из-за двери, закрытой, к сожалению, латышки, не оставляли никаких сомнений... Утром его уже не было. Ей ничего не оставалось, как попытаться отыгаться на поварихе, устраивая межнациональные конфликты. Победила предводительница котлет и гарниров, не выдержав наскоков и тычков, брани и угроз. Это вам не Леришна-королевишна! В очередной раз она вылила на голову прибалтийской бестии наваристый гороховый суп, взвинтив рейтинг Трошина до небес.

А Роман с головой ушёл в службу, было очень трудно, но интересно. Он получил майора, с ещё большим рвением ударился защищать родину, старался находиться всё время на передовой. А ночи, пустые, длинные, приносили только муку, он очень скучал по своим девочкам... И надеялся...

Максим же Стрельцов уже ни на что не надеялся. Лариса устроила настоящую битву за своего мужа. Он и представить не мог, какую гигантскую работу содеяла эта фурия! Всё можно было не принимать близко к сердцу, если бы не одно «но». Он сообщил ей о своём решении развестись не вчера, уверовав, что его жена адекватно восприняла своё новое положение. А она использовала это время для создания невыносимых условий дальнейшего существования своего Максимчика. Нет, внешне всё было пристойно, он оставлял ей и квартиру, и машину, и дачу, и счёт в банке, оформленный на сына. Но одно его сильно уязвимое место Лариса знала очень хорошо. Её муж, хорошо зарабатывающий, никогда не спрашивал, куда уходят его деньги, обходился малым, лишь бы лаборатория под боком и новая идея в голове. Несколько лет назад Максим Стрельцов познакомился с американским учёным, работающим в том же направлении, что и он. Они выпустили несколько совместных работ, провели исследования и разработали дальнейший план действий. По одному из пунктов этого договора Макс должен был приехать в Штаты на два года для продолжения изысканий. Столько же провёл в России и его американский друг. Ларисе Стрельцовой удалось собрать документы на выезд в кратчайший срок, оформив визы и на себя с сыном. Всё правильно, профессор с семьёй выезжает за границу читать лекции и двигать науку. И самое ужасное, что изменить что-либо уже было нельзя,

слишком мало времени. Разве что отказаться. Этого Максим Стрельцов сделать не мог, о чём его жена хорошо знала. Он никогда не подведёт свою научную гвардию, не подставит своих учителей, не заставит работающих с ним людей зависеть от его личного. Тем более, на двух континентах. Или ему одна дорога – в дворники...

– Люда, тебе надо приехать, у меня важные новости. Не по телефону. – Макс просто больше не мог ничего сказать, спазм в горле, боль в душе и ни одного вразумительного объяснения, как быть дальше!!!

Он встретил свою Людочку, отвёз в уютный рестораник на окраине Москвы, подарил цветов, купил брендовую сумку, дорогушую, мечту Градовой, и притащил в комнату общежития, где проживал последнее время.

– Ты пугаешь меня, Максим! Что произошло, наконец?

– Мне нужно ехать в Америку. Помнишь, я тебе рассказывал?

– Конечно! И я? Ты же говорил, что только со мной полетишь. И когда?

– Скоро.

– Как скоро? Мы успеем всё оформить? Что за спешка?

– Мы постараемся. Я всё устрою. Или откажусь. – На последнем слове он споткнулся, в глазах стояло отчаяние.

До Люды стало доходить, по какому поводу такой праздник! И каких слов он от неё ждёт, она тоже знала досконально. Но спросила совсем другое.

– Если ты не попадёшь к своему френду, проклянёшь меня в седьмом колене. И не простишь. Ведь так?

– Не говори глупости, я...

– И ты позвал меня, чтобы получить благословение. А что у нас с разводом? Ты же официально женатый человек, и не на мне.

– К сожалению, бумажки решают многое, но развод будет в любом случае, не определена только дата. Поэтому я и позвал тебя. Мне придётся остаться в Москве на некоторое время, а я ужасно по тебе скучаю. Давай проведём несколько дней вдвоём, устроим себе «медовые» дни. Давай?

Как Людмиле не хотелось копаться в проблемах, которые имеют место быть всегда, только с разной степенью трудности! И она с удовольствием отмела все недомолвки и приняла предложение своего математика, по которому тосковала и днём, и ночью.

Уезжая, всё-таки сказала ему.

– Макс, ты же можешь поехать сначала один, а потом вызывать меня. Я прекрасно понимаю, что отказаться от продолжения своих разработок для тебя смерти подобно. Пожалуйста, постарайся решить свои личные проблемы как можно скорее, мне без тебя очень плохо. Я буду ждать.

И опять они вместе, Люда и Лера, опять у обеих болит и стонет душа, опять жизненные перипетии преподносят им сюрпризы. Может, лес, прозрачный воздух, звонкие птички

голоса и дары природы примут хоть часть их переживаний на себя?

– Лера, мне надо тебе что-то сказать. – Андрей Смирнов, для которого эти две женщины стали почти родными, растерянно хлопал глазами. – Я разговаривал с нашим профессором, они тоже хотят приехать сюда. Так вот, он, про, между прочим, сообщил, что Стрельцов улетел в Штаты не один, а с Ларисой и сыном одним рейсом и очень хорошо там устроился. Я не стал заострять внимание на этом, но связался с коллегами Макса, и они подтвердили. Что происходит? Я так понимаю, что Люда не в курсе? А они могут проболтаться... Короче, что делать?

Люда Градова стала для лесного человека талисманом. Она помогала ему во всём, по первому зову неслась на помощь. А он рассказывал ей о своих проблемах, делился радостями, старался быть всегда рядом. Брат и сестра, так они себя ощущали. А вот к Лере Андрей испытывал совсем другие чувства, она ему очень нравилась, хотя и не проявляла никаких обещающих эмоций. Он знал причину её развода и понимал, что торопиться нельзя, нужно время. Но не выпускал из поля видимости, ненавязчиво помогая и решая её сложности.

– Ты уверен? – Переполошилась Валерия. – Это точно?

– Иначе, я бы не стал бить тревогу. Это – правда!

– Из двух зол выбирают меньшее. В данном случае, Люде нужно сказать, а то, как она будет выглядеть перед сво-

ими коллегами? Дурочкой? Брошенной любовницей? Кошмар, Андрей! Я ничего не понимаю. Может ты, всё-таки, не так понял?

Лесник протянул небольшой журналчик, какие-то научные ведомости. На титульном листе Максим, Лариса и их сынишка, с чемоданами в аэропорту Москвы, а потом и в американском терминале. А на развороте женщина позировала, улыбалась, преподносила себя во всей красе, запечатлённая с мужем под ручку, или прижавшись плечом, или, вообще, целуя его. Статья о приезде Стрельцова получилась, как фотосессия в Плейбое. Причём сам герой оказался в тени. Несуразица, абсурд, бессмыслица, не укладывалось в голове.

– Я специально ездил за этим номером, хотел удостовериться. И ещё. Когда ты ушла за грибами, Людмила засела в ванной. Ей, явно, нездоровилось. Я испугался, неужели отравилась? Ну, тогда всем было бы плохо. Она ничего не ела, лежала и периодически бегала в уборную. И плакала. Явно, что-то случилось!

– Так, мои подозрения подтверждаются. Становится всё интереснее и интереснее, в смысле, проблематичнее. Так, пьём чай, укладываем детей и за переработкой грибов начнём разговор. Я начну, а ты попозже к нам присоединишься. Хорошо?

Так и сделали.

– Люд, а когда ты последний раз разговаривала с Максимом? Что говорит? Ты ничего не рассказываешь. Скуча-

ешь? – Как ни в чём не бывало начала Лера.

– Я всё знаю, Лерчик!

– Что ты знаешь? О чём ты?

– Вы с Андреем раскрыли мою тайну, я слышала часть разговора. Так что, давай без книксенов и расшаркиваний. Макс обманул меня, бросил, а я скоро стану матерью его ребёнка.

В воздухе запахло смесью тротила с валидолом. Да что же это такое? «Две красивые, умные, сами зарабатывающие себе на жизнь женщины, матери хорошеньких девчушек, хозяйки и затейницы, желающие только ощущать себя любимыми, нужными, получили в реальности всё наоборот! Кому нужна такая любовь? Кого она сделала счастливым? Покажите мне этого человека!» – Андрей Смирнов негодовал. Он был из тех людей, которые жили простыми жизненными канонами, устоявшимися веками. Но порассуждать тоже любил, особенно, если не срасталось. В данный момент у него уже стали закипать мозги, а в следующую секунду они остановили свою деятельность.

– Я тоже, – прошептала Лера.

– Что, тоже? Ты... – Люда онемела.

– Я тоже буду матерью. – Залилась слезами женщина с диагнозом «бесплодие» ...

Они схватились за руки, потом обнялись и ревели уже вдвоём, рискуя затопить маленький деревянный домик Андрея. Он отмер, подскочил к ним, стал что-то говорить, об-

нимать, целовать в макушки, пытался успокоить, взять ситуацию под свой мужской контроль. Какое там, эти две от его внимания и понимания ещё больше распались, уже плача навзрыд, не боясь разбудить дочек.

– Так, я не понял! У нас кто-то умер? Или война началась? Или мы не знаем, чем детей кормить, последнюю крошку хлеба доедаем? Вы что, девки, обалдели от счастья? Или вам надо, чтобы о вас судачили во всех коридорах? Научная братия, если и не поймёт истинную причину «распрекрасного вида» Людочки и Лерочки, то уж точно додумает чёрт знает что. А кое-кто очень за вас «порадуется» и донесёт и в Америку, и в Арктику.

Девки примолкли, последняя фраза дошла до их ушей, и они, всхлипывая, отлипли друг от друга и уставились на лесника.

– Да, вся контора прибудет завтра рано утром и сразу в лес. А вас попросили обеспечить завтрак и обед. Ужин будет, как всегда, на воздухе, с шашлыками и иже к ним. – Как ему хотелось хоть немного восстановить баланс между свалившимися новостями и своим неоднозначным отношением к ним, особенно касаясь Леры, и примирить с миром их троицу, ещё вчера настроенную на «всё прекрасное и удивительное» ...

Конечно, они справились, все были довольны и, слава богу, никто не интересовался щепетильной ситуацией. Как выяснилось позже, профессор запретил касаться этой темы,

Люда с Максом были ему очень близки, любимые ученики и коллеги. А будущие мамыши даже умудрились нарисовать на своих лицах улыбки и лучезарные глазки, много смеялись, развлекали детей и поили всех чаем, лесным, с шишками и ягодами. И уже глубокой ночью, ликвидировав последствия нашествия «городских», они смогли, наконец, толком поговорить.

– Я очень рада за тебя, подружка! Я же говорила, что твой нелепый диагноз...

– Чему тут радоваться? – Перебила Лера довольно грубо. – Ребёнок без отца заранее обречён расти, как у нас говорят, в неполноценной семье.

– Так, мисс очевидность, это касается и меня. Правда, ещё вчера я решила, что ребёнка не будет. Зачем мне дитя предателя? И потом, ты же знаешь, моя мамочка сильно болеет. Я перевезу её в Питер, в медицинскую академию, Алёшкин обещал помочь. Ну, какая беременность? Тем более что меня выворачивает наизнанку, нет сил.

– Ты это серьёзно, Люда? То есть, оповещать Макса не считаешь нужным, а просто убьёшь ваше чадо и будешь жить дальше? И, вообще, как так получилось, что он уехал с Лариской?

– Не знаю. Она оказалась очень проницательной и пробивной. И поехала, как законная жена. Мне Максим ничего об этом не сказал, во всех разговорах просил только ждать. Ну, ты знаешь.

– Так, тем более вам надо поговорить, всё может очень просто объясниться. Сколько серьёзных, крепких отношений разбилось о камень недоговорённости, недопонимания. Ты что? Не руби с плеча, обида – самый плохой советчик.

– Ну да, это же она, твоя обида, посоветовала переспать с ненавистным мужем? И, именно поэтому, ты всё меньше и меньше стараешься вспоминать о нём? Но только бесконечность страниц твоего фолианта не позволит, ребёнок от него всю оставшуюся жизнь будет, как закладка, в твоей книге жизни. А женщина с двумя детьми вообще никому не нужна!

– Да, ты права. Но он будет! Пусть даже воспоминание о том, как его зачали, вызывает во мне махровый комплекс неполноценности, неуважение к себе, как к женщине. Пусть! Но господь так распорядился, дав мне возможность стать ещё раз матерью, когда я уже ни на что не рассчитывала, ни во что не верила и не надеялась. Не одна бессонная ночь прошла, прежде чем утвердилось это решение.

Лера вышла. Разговор пошёл совсем не в то русло, ей и так было несладко, будущее рисовалось не очень радужными красками.

Когда она поняла, что с ней случилось, очень испугалась, растерялась, как девочка-подросток. С её диагнозом возможность забеременеть вообще не рассматривалась, Лерка опять сотворила чудо из чудес. Женский доктор так и сказал: «Один случай на миллион». И объяснил, что прерывание беременности окончательно поставит крест на возмож-

ности стать матерью ещё раз. И что прикажете делать? У неё в наличии небольшая комната в общежитии, за квартиру платить стало дороговато, дочка на будущий год первоклассница, мама, выхаживающая отца после операции на сердце, и работа, отнимающая последние силы. И Трошин, поселившийся в её воспалённом мозгу после последнего сеанса связи. Он часто созванивался с Варварой, был в курсе всех её событий, пересылал деньги на счёт, которым Лера принципиально не пользовалась, обходясь алиментами. Она старалась не общаться с ним, не подходила к ноутбуку, буркнув издали приветствие. Но в этот раз Варенька настояла, пришлось контактировать.

– Привет, Валерия, свет очей моих, неужели ты соизволила предстать предо мной! Глазам не верю! – У него было явно хорошее настроение, улыбка от уха да уха, глаза блестят, физиономия лоснится, кто-то слишком много ест и радуется жизни по полной.

– Здравствуй, у тебя всё хорошо? Я рада. – Состояние Леры было прямо противоположным, думы, невесёлые и беспокойные, совсем её извели.

– А у тебя? Что-то ты бледная, даже зеленцой отдаёшь. Хотя царевны-лягушки обожают этот цвет, особенно когда рядом лесной человек, выпустивший свою стрелу в их болото. Так радуйся, Лерчик! Ты ж теперь вольная птица, не упusti своё счастье...

– Ты меня для этого позвал? Напомнить, что раньше мо-

им любимым цветом был розовый? Тебе что нечем и нечем заняться? Очень сомневаюсь. И теперь уже я, который раз напоминаю тебе, что моя жизнь пересекается с твоей только в точке под названием «Варька». Всё, она идет. Пока, не мой дорогой!

Он что-то пытался договорить, но Лера выскочила за дверь, спустилась во двор и разревелась. Никогда, никогда, никогда! Трошин никогда не узнает, что ребёнок его. Она решила это твёрдо, но голубые, весёлые глаза ещё долго приходили к ней во сне. Днём Валерия их ненавидела, а ночью... Что за чертовщина! Когда он уже оставит её в покое? Колдун, маг и дьявол во плоти... Чур меня!

Андрей провожал своих девчонок в растрёпанных чувствах. Они почти не общались, сухо перекидываясь общими фразами. Примирить их не получилось, а уехать сейчас он не мог, у лесника жаркая пора, лес полон охотников, и громких, и тихих. Накануне, дождавшись, когда уснут девочки, он вытащил Леру на воздух и признался ей в своих чувствах. Ничего не просил, ничего не обещал, просто дал понять, что по первому её зову бросит всё и примчится.

– Я хочу, чтобы ты знала, что у тебя есть я. И не просто друг, а гораздо больше. Ты мне очень дорога, я понял это окончательно.

– Нет, Андрей, никаких «окончательно». Прошу тебя. Чужие дети никому не нужны, а подарить тебе счастье отцовства я не смогу, даже если...

– Но ребёнок родится, и я смогу стать для него папой. Это же очевидно, Лера! Твои дети будут нашими.

– Нет, Андрей, прости! У тебя вся жизнь впереди, и семья, дети, всё будет. Я уверена, твоё счастье не за горами. И ещё. Ты должен пообещать мне, что нигде и никогда, ни при каких обстоятельствах не проболтаешься, кто отец моего ребёнка. Поклянись!

– Конечно, клянусь. Но и ты мне пообещай, что разрешишь быть с тобой рядом. Хотя бы как другу.

Подъезжая к Питеру, Люда разбудила придремавшую подружку.

– Лерка, прости меня! Что-то я совсем с катушек съехала, ещё этот токсикоз, с Катькой такого не было.

– А у меня наоборот, чувствую себя великолепно, физически. Поначалу очень боялась повторения варькиного сценария, ещё восемь месяцев ужаса я бы не выдержала. Так что прекрасно понимаю, о чём речь! И прощать мне тебя не за что, у нас не самые простые времена настали.

– Я предлагаю съехаться, вместе проще. Ты утром отвела девчонок в сад, я вечером забрала, пока ты на кухне возишься. Потом меняемся. Как тебе идея?

– Никак! Ты что, не собираешься разобраться с Максом? Люда, не мог он с тобой так подло поступить, что-то не сходится.

– Не просто сходится, а даже бежит. Я вчера дочитала ста-

тью, нашла в себе силы. Почти цитирую: «Молодой учёный из России, Максим Стрельцов, со своей красавицей женой и сыном, приехал покорять Америку. Они прекрасно влились в коллектив единомышленников, где чтут устои семьи и бла-бла-бла... И Лариса, верная жена и надёжная опора, призналась нам, что ждёт ребёнка, и...» – Голос Люды зазвенел, глаза заблестели, воздуха не хватало, она ловила его ртом, задыхаясь и бледнея на глазах.

Лера схватила её и выволокла в тамбур.

– Ты сдурела? Да, мало ли что они там написали? Тем более, «Лариса призналась!..» Да она убийство Кеннеди возьмёт на себя, лишь бы удержать Макса. Почему не звонишь? Почему так быстро сдаёшься? Ты же любишь Стрельцова, а готова отдать его этой профурсетке? Да ей-то не он нужен, а его деньги, вояжи за границу, а тем более, в Штаты. Как же пропустить такое приключение! Господи, хоть бы её кто-нибудь подобрал, и она осталась там навсегда.

– Лера, он не звонил уже три дня. А я боюсь... – Люда еле дышалась, глубоко заглатывая порции кислорода. – У меня даже появилась мысль, устроить визуальную проверку, слетав туда, пока не закрыта гостевая виза. Но это как-то унижительно, на уровне разборок на коммунальной кухне. Да и самочувствие оставляет желать лучшего. Что делать?

– Люда, нужно позвонить. Ты сейчас успокойся, поедем ко мне, отвлечём девчонок и попробуем вызвать его по видеосвязи. Это будет самый лучший вариант, глаза в глаза.

Но ни утром, ни вечером соединиться не получилось. А ночью Лариса, прислав большое сообщение, потребовала оставить её мужа в покое, иначе она привлечёт соответствующие органы и Людку посадят, ну уж поставят на вид, это точно. Следующим утром телефон Макса перестал существовать в природе... А вечером...

– Люда, родная моя, не верь никому и ничему. Эта звезда протянула свои щупальца везде, где надо и не надо. Наверное, опустошила мой счёт, нанимая всех подряд, и журналистов, и аййтишников, и ещё кого-то. Я посылаю тебе предупреждение, что три дня буду находиться на полигоне, где нельзя пользоваться телефонами. Но и подумать не мог, что ты его не получила. И, главное, она не может ждать от меня ребёнка, он бы просто уже родился. У нас нет постельных отношений почти год. Люда, я люблю только тебя, слышишь? К сожалению, процесс испытаний затягивается, у меня нет возможности прилететь хотя бы на пару дней. Я так соскучился, что готов работать и днём, и ночью, только бы скорее хоть одним глазком увидеть тебя.

– Я могу прилететь, Макс! – Обалдевшая от счастья Градова готова была стартануть сию же секунду. – Мне надо тебе что-то сказать, важное.

– Людочка, я буду на полигоне минимум месяц, безвылазно. Очень надеюсь, что за это время оформится развод, и я заберу тебя. Повторяю, не верь ни одному слову, сказанному не мной. Я буду звонить при каждом удобном случае, ведь

самое важное для меня – это ты! Целую, люблю, страшно скучаю...

Вот теперь можно и съезжаться, что и произошло. И вовремя. Они по очереди укладывались в больницу, Люда с последствиями токсикоза, а Лера – на сохранение, прошло мало времени после операции, женский организм толком ещё не восстановился. Взаимовыручка, поддержка, бережное отношение друг к другу помогало этим двум будущим мамашам жить, а не выживать. И Андрей поддерживал. И даже Алёшкин, подружившийся с Варей, когда забирал её вместе с Катей к бабушке Римме, чему та была несказанно рада, занимаясь с ними всем подряд.

Не было только в их жизни отцов будущих детей. Один покорял север и северяночек, другой – Америку и науку, чтоб им... Один, узнав от Варьки об интересном положении её матери и о частых посещениях Андрея Смирнова, отнёс всё это на счёт лесного человека. А второй закопался в своих изысканиях по самую макушку, редко выходя на связь, чем всё больше и больше отдалял от себя Людмилу. В конце концов, она знала, кого полюбила, что ж теперь роптать. Но пребывание рядом с ним Ларисы уводило ситуацию совсем в другую сторону. Ни развода, ни приглашения, ни «просто повидаться» она так и не дождалась. А родившаяся в Америке девочка получила фамилию Стрельцова...

Как не верить в чудеса? В детстве малыши мечтают о вол-

шебной палочке, о сказочных превращениях, о замках принцесс и шалашах Робин Гуда. Они верят в деда Мороза, вытаскивая из-под ёлочки подарки, в Карлсона и Ивана Царевича на сером волке. Девочки ищут в цветочных горшках Дюймовочек, а мальчики – эльфов. Детям свойственно оживлять всё вокруг, они часто разговаривают со своими любимыми игрушками, награждая их волшебными свойствами. Да и сами представляют себя сказочными персонажами, грезят об исполнении самых немыслимых желаний. И только взрослея, человек понимает, что чудо в самом горшке, оно заключено в маленьком семечке, из которого вырастает и прекрасный цветок, и огромное дерево, и бесчисленное разнообразие всяческих растений, в том числе и колдовских. Например, чем не волшебство: аромат благоухающих роз в парке, ландышей в лесу, цветущих яблонь в саду? Или чашка чая с травами, исцеляющими и душу, и тело. А возможность распознавать лица? Глаза, рот, нос... Но их миллиарды, и нам дано умение различать такое колоссальное количество физиономий! Смена времён года, рассветы и закаты, день и ночь – разве не диво? А разнообразная палитра цветов, доступная глазу, дающая возможность творить и создавать шедевры! И музыка, всего семь нот!?! А душе покоя нет, от «до» до «си» и обратно, она вызывает такую гамму чувств, сопровождая человека во всех жизненных перипетиях, какую может вызвать только любовь, самое большое ЧУДО! Равноценно только рождение от этой любви маленьких «послед-

ствий», человечков обыкновенных. Так говорят... Но в жизни не всё поддается канонам и правилам. И так говорят...

У Люды появился Алёша Градов, у Леры – Ванечка Трофимов, тёзка замечательного внука из любимого фильма «Офицеры»!

Они уже не спрашивали друг у друга: «А ты его любишь?» Этот вопрос висел в воздухе, как воздушный шарик, постепенно сдувающийся и сдувающийся... И, если у Леры всё было более-менее понятно, то у Людмилы – абракадабра. Сначала они с Андреем встречали Леру, а потом Лера с Андреем забирали Градовых из роддома, развеселив персонал, гадающий, чей же этот мужчина отец, какого мальчишки. Первое время им очень помогли неравнодушные коллеги, мамы и папы. И Андрей. И Алёшкин. Дошло до того, что и Римма Ивановна предложила себя в няньки в случае крайней необходимости. Всё смешалось в совместном королевстве Трофимграде (Трофимовы плюс Градовы), как называли их дом дочки: утро и ночь, разинутые рты пацанов, тетради, учебники, подготовка к школе, пелёнки, распашонки и... Разговор, серьёзный и неотложный назрел сам собой.

– Лера, надо что-то делать, мы как-то неправильно живём.

– Да, ты права, я тоже пришла к такому выводу. Нам нужно выработать стратегию и тактику нашего дальнейшего житья-бытья. На родителей рассчитывать не приходится, при-

нимать участие Андрея и Володи мы не можем, в таком количестве, уж точно. Значит, «сама-сама-сама». И вот что я придумала. Ты давно просишься на работу, долгий простой в твоей деятельности не позволителен... Лето заканчивается, девчонкам скоро в школу, а мальчишки вон какие бутузики. Так вот, я думаю, что двоих потяну. Первый школьный месяц будем усиленно учиться, а с первого октября отправим учениц в продлёнку, тебя на работу, а меня на хозяйство. Девчонки – на тебе, мальчишки – на мне.

– Какая ты, всё-таки, разумная. Ну, вот чтобы я без тебя делала?

– А я без тебя.

Первый рабочий день принёс Людмиле сюрприз, будь здоров. Оказывается, Стрельцов приезжал в Россию, собрал небольшую команду, просидев три дня в подземном бункере страшно секретной лаборатории, и отбыл со товарищами, ни с кем толком не пообщавшись.

– Лера, я схожу с ума, ничего не понимаю. Все шепчутся, показывают на меня пальцем, хихикают за спиной. Да и чёрт бы с ними со всеми, но он, Максим, почему со мной так? Я же не идиотка, понимаю, что шило в мешке не утаишь, и он, наверняка, знает о рождении сына. Сопоставив факты, получается, что мы совсем перестали общаться сразу после рождения его дочки. Ни-че-го не соображаю, еле доработала, если можно мою деятельность назвать этим словом. Как надоело ковыряться во всём этом, будь, что будет. Тем бо-

лее что профессор, мой любимый, дорогой, разрешил запустить новый проект в режиме онлайн. И даже выделил комп для этого. Только надо немного подучиться. И для тебя, Лерчик, есть подработка, очень даже денежная. Заживём, подруга. Очень интересная и трудоёмкая тема, я вся уже горю.

Дни потекли быстро и интересно. Девчонки учились хорошо, кто только с ними не занимался: приезжали бабки, Римма забирала на выходные, Андрей, сдавая сессии, гулял с ними, водил на детские праздники. А их молоденькая учительница просто влюбилась в неразлучную парочку. Варя с Катей, старательные и постоянно соревнующиеся, вызывали у всех только положительные эмоции, хотя были непоседливы и любопытны. Они тоже полюбили свою Ниночку Ивановну, рассказы о ней не сходили с уст болтающих непрерывно девчонок, что и послужило поводом пригласить училку на очередную вылазку за развлечениями. Что Андрей и сделал. А потом и ещё раз, и ещё... Господи, неужели свершилось? Это не могло не радовать, Кто, как не Смирнов, заслуживает простого человеческого счастья? Но Нина оказалась замужем, хотя её взгляды и прерывистое дыхание при общении с лесником выдавало неоднозначное отношение к нему.

Время шло к Новому году. Люда, много работающая и дома, за компьютером, и в институте, не забывала и о «семейных» обязанностях. Мальчишки росли спокойными, слава богу, не болели, находясь под присмотром личного врача, папы Володи. Он окончательно осел на берегу, неся службу

в военно-морском госпитале. Небольшие командировки, дежурства и подготовка к очередным операциям – вот и всё, что составляло его бытие. И конечно, он был рад возможности общения с дочкой, её подружкой, да и со всей честной компанией, центром которой для него была и есть Люся. Алёшкин так и не понял, что произошло у неё с Максом, а спрашивать считал неуместным. Ну не глупый же, понимал, что ей будет неприятно, поэтому решил подождать. Но видя, что ничего не меняется, жизнь катит своим чередом, а Люся одна и одна, уличил момент для волнующего разговора.

– Я хочу, чтобы ты вспомнила, наконец, что я люблю тебя. Никогда бы не начал этот разговор, но у твоего сына должен быть отец. И я готов. Алёшка для меня стал родным, я всё время думаю о нём, о его будущем. Не комментируй прямо сейчас, – остановил он уже начавшую возражать Людмилу. – Просто знай. У тебя есть я.

– Алёшкин, ты сможешь простить измену? И жить со мной, зная, что я люблю другого человека? Ты в своём уме? Да и кем ты предлагаешь мне быть, приспособленкой? Не получилось с очередным, вернусь к предыдущему? Так? Я даже представить себе не могу, на каких устоях могут быть построены наши отношения.

– На нормальных, человеческих. Всё можно понять и простить, если есть ради чего, а уж ради родных людей и подавно. Я сказал, ты думай. В любом случае, решение за тобой. И отсчёт времени совершенно не важен, я буду ждать. – И по-

целовал ей руки своими волшебными, мягкими, чувственными губами.

Потрясающе, её ладони сразу вспомнили эти чудесные прикосновения...

Но Макс это делал совершенно по-другому, вызывая дрожь во всём теле, выцеловывая каждый пальчик, потом руку, дорожкой по плечу, по шее, и впившись в губы, лаская грудь своими длинными ласковыми пальцами... Стоп! Равняйся, смирно, напра-во! Или налево? Без разницы... Просто, стоп! Год, двенадцать месяцев, 365 дней Люда живёт без своего математика, отца её сына. Даже без его голоса. Что такое должно было произойти, чтобы он отказался от неё? Какие такие мировые проблемы, спасение вселенной или предотвращение апокалипсиса? И не просто исчезнуть, а даже не объяснить почему. Люда до сих пор не понимает, как ещё живёт, дышит, вообще, шевелится. Потеряшка. В душе занял своё законное место комплекс заниженной самооценки, орудует, направляет, постоянно подставляя ножку. И Люда падает, заставляя себя вставать, буквально вытаскивая за волосы из пучины непонимания, растерянности и обиды. Если бы не Лёшка, так тяжело давшийся ей, теперь сполна отрабатывающий нанесённые маме «неудобства», она бы не выжила, не хватило бы сил, желания, смысла дальнейшего существования без Макса. И вот теперь, когда чуть-чуть отпустило, и это «чуть» дало возможность анализировать, Люда сделала неутешительные выводы. Максим Стрельцов

создал все условия, чтобы она не приехала к нему, находил всякие причины, приводил свои доводы, благоразумные объяснения. Максим Стрельцов признал родившуюся в Америке девочку, значит, соврал ей, Люде. Максим Стрельцов не соизволил даже встретиться с ней, хоть что-то прояснить, она не заслужила даже это. И, наконец, Максим Стрельцов до сих пор живёт со своей Лариской, воспитывает своих детей, работает и процветает, что подтверждают околонуточные сплетни. Ему нет оправдания, что бы ни приключилось на горизонте его существования. Ведь миром правит любовь, это известно всем, но не управляет, не выдаёт разнарядки на дальнейшее развитие событий, оставляя эту прерогативу человеку, гомо сапиенсу, существу разумному... Может этот разум и сыграл с ними злую шутку? Чувства чувствами, но куда деть мозгищи, прущие у Стрельцова из всех дыр? И что делать? Куда ей девать свою любовь, омрачённую здравым смыслом, выплаканную и выжатую до последней капельки, выстиранную до дыр и не желающую покидать белый свет. Как смириться с тем, что так расплывчато и непонятно, так нечестно и подло? Нет покоя у Люды Градовой...

Проект сдан, полугодие закончено, впереди праздник. Мальчишки, научившись сидеть, потихоньку осваивали вертикальное положение, глаз да глаз. А их мамы... Две тени, с синими кругами под глазами, потускневшими от недосыпа, как запрограммированные роботы, делали всё на автомате.

Еле-еле центнер на двоих, уже давно поесть толком не получалось, они, два привидения, столкнулись в коридоре прямо напротив зеркала.

– Кто это? Я? – Лера ужаснулась, краше только в гроб кладут...

– А рядом я! – Люда расхохоталась, настолько уморительно выглядела её подружка с выпученными глазами на осунувшемся лице без грамма косметики.

– Что ты ржёшь, от нас скоро дети будут шарахаться, не говоря уже о знакомых и незнакомых. Надо что-то делать, нам ещё тридцати нет, а выглядим на все полвека!!!

У молодых мамочек выработался режим взаимовыручки, они спали, гуляли с мальчишками, занимались домашними делами по очереди, чтобы хоть как-то отдохнуть. А вот в магазины ходили все вместе, вшестером. Большие супермаркеты с тележками и детскими комнатами очень выручали. Серьёзно обсудив сложившееся положение, решили срочно заняться восстановлением себя, любимых. И начать со здорового питания, новой косметики и покупки тренажёра. Мега-маркет находился недалеко от дома, туда они и направились, предварительно нарисовав лица, дабы не испортить людям предпраздничное настроение своей неземной красотой. В магазине творился хаос, об этом они не подумали, не сообразили, что перед Новым годом весь мир ринется покупать всё подряд. Например, в спортивном отделе шла бойкая распродажа надувных лодок, рыбацких принадлежностей и средств

защиты от насекомых. Ну, правильно, лето ж не за горами, где-то месяцев через пять... Пройти к тренажёрам не удалось и, оставив девчонок в комнате игр, подружки ринулись за продуктами. А выходя, поняли, что на сегодня хватит, это бы донести до дома. Подтащив полные тележки к детской комнате, остановились в ужасе: девчонок не было. Люда налетела на смотрительницу, как не убила, непонятно.

– Их забрал мужчина, их папа. Они его узнали, повисли на шее, расцеловали в обе щеки, радовались, смеялись. Он показал документы, фамилия та же, я и отпустила, тем более время подошло. – Девушка сама чуть не плакала.

– Да какой папа, они не сёстры! Как вы могли! Надо в полицию! Полиция! – Кипятилась и орала Люда.

А Лера, почувствовав подступление тошноты и головной боли, пыталась взять себя в руки, дабы не спровоцировать гипотонический криз. Ей пришлось сесть, благо, таблетки и вода всегда с собой.

– Люда! Может, это Алёшкин? Позвони ему. Хотя он бы так никогда не сделал. Да что происходит? Тихо-тихо, мальчишоны, всё хорошо. – «Сыны» начали потихоньку подвывать, почувствовав тревогу матерей.

– Мамочка! Папа приехал! Ура! – Голос Варьки расколол голову Леры пополам.

– Варенька! – Только и успела произнести её мать, в следующую секунду увидев Трошина.

Она ухватилась одной рукой за ручку тележки, а второй,

почему-то, вцепилась в Ваньку. От этого, совсем неласкового действия он усилил свой вой, получив поддержку и Алёшки.

– Лерочка, Лерочка, отпусти нас с дядей Ромой в игрушки, пожалуйста. – Верещала рядом Катерина.

Она знала его по общению через Скайп и по подаркам, которые Трошин передавал при каждом удобном случае обеим девочкам. Правда, на этих сеансах связи он всегда был в военной форме (Лера не принимала участие в переговорах, объясняя дочке, что уже разговаривала с её отцом, но краем глаза подглядывала). А в последнее время Варвара и не звала её, привыкла. Сейчас же Роман, в расстёгнутой куртке цвета снега, «аляске», в синих джинсах и белом свитере с синим же волком на груди, походил на исследователя Арктики, кем, собственно говоря, и был. Он улыбался, глаза голубели, светлые волосы как-то, но новому подстрижены, красиво и стильно, трёхдневная тёмная щетина дополняла облик брутального мужчины. Хорош, гад! Проходившие мимо молоденькие девицы засмотрелись на него, строя глазки и выпячивая губки. Ох, уж, эта молодёжь, ничего святого.

– Здравствуй, Лера!

– Что вы себе позволяете, товарищ Трошин? Вы решили добить нас? Вон, у Лерки давление опустилось до пола. Нам такие сюрпризы не нужны, мы женщины серьёзные. Это вы всё прыгаете, папаши, до старости мальчишек из себя строите. И девицы вон чуть из трусов не выскочили, чувствуют

кобелей. Ой, что это я, разболталась.

– Здравствуйте, Люда! Да я же специально не отходил, ждал вас. Сначала увидел, как расчудесная компашка не чужих мне людей входит в магазин, а потом потерял ваши «торпедные величества». Вот, детская комната помогла. Пока вы по магазину гуляли, я на дочечку свою насмотреться не мог.

– Так, все разговоры потом. Никаких игрушек, отложим до завтра. Пора обедать и отдыхать. А вы, Роман, пакеты нам донесёте. Да?

– Ну, мамочка! Дядя Рома обещал...

– Вот завтра и выполнит своё обещание. Лерочке нужно домой. Не обсуждается.

Схватив Ваню, мама Лера, онемевшая минимум на век, потащила из последних сил вперёд, только, чтобы не видеть этого самовлюблённого самца. Она только представила себя рядом с ним, ухоженным, ладным, жизнерадостным, и ей стало ещё хуже. Красавец и чудовищна...

А у Людмилы, наоборот, появились силы, как открылось второе дыхание. Она понимала состояние подруги, уже рисовались планы, один нелепее другого, как оставить их одних. Надо быть полной дурой, чтобы не уразуметь одну совершенно неопровержимую истину: Лерка – однолюб. Да, с её любовью нещадно расправились, ей пришлось пережить измену, перелицевать себя, заставить жить по-новому. И кто знает, если бы не появление Ванечки, как бы сложилась её судьба, куда бы её занесло после расчистки и выкорчёвыва-

ния остатков гнусных времён в ранимой и нежной женской душе.

Довольно быстро добравшись до дома, Лерка обессилела совсем. Это всегда так: после приёма лекарства на некоторое время «она выпадает в осадок». Говорят, это нормально.

– Что, Валерия, твоя болячка тебя не оставляет? Всё не можешь забыть меня? – Съязвил Трошин, слова вылетали из его рта сами по себе, не советуясь... – Давай мальчишку, а сама тащи уже себя до дивана.

Лерка вспыхнула, глаза превратились в прозрачные карамельки-леденцы, губы сжались, превратившись в две ниточки. Она молча пересадила сына на другую руку, вцепившись в него, как в спасательный круг. Как он был нужен ей сейчас, этот круг. Шторм, буря, водовороты и сильное течение, творившиеся внутри, снаружи превращались в нещадную оторопь, которую показать было нельзя никак. Сколько тысяч раз Лерка представляла себе эту встречу! Что она скажет, каким тоном, как урочит Трошина, не позволив даже прикоснуться к мальчику. А сама при этом будет выглядеть на миллион, всё для этого сделав. Чтобы он понял, кого потерял. Ну и? Неожиданное появление бравого майора смешало все карты. Конечно, она прекрасно понимала, что прятать сына от отца не сможет всю жизнь, и очень надеялась, что он сам не станет лезть в её личное пространство. Варя – Варей, а Ванька только её, тем более что внешне он сильно походил на отца Валерии, деда малыша, чему тот радовался, как по-

лучивший долгожданную награду ребёнок.

– Да не съем я твоего сына, просто помогу.

– Благодарствую, вы уже и так подсобили, будь здоров. Вечно от вас, уважаемый, одни неприятности. Проводили, идите уже, у вас наверняка есть куда и к кому. – Лерка не поверила своим ушам: она не забыла русский язык...

– Да, есть. Я к дочери приехал. Но вы же сами не разрешаете забрать девчонок. Поэтому, уж извините, я останусь на некоторое время, пообщаюсь. Могу протянуть руку помощи на ниве готовки, я поднаторел в этом деле.

Он и правда, научился готовить от нечего делать. Его сожительница, повариха от бога, кормила Трошина на убой. А он отвечал ей, презентуя упоительные секс-шоу. Их всё устраивало. Майор появлялся в городке несколько раз в месяц и сразу шёл к ней, имея свой ключ. А она прилетала на крыльях страсти, кормила, красиво одевала, дарила всякие мужские подарочки и безделушки и тащила в постель. Зрелая, ягодка опять, полноватая, но сбитая, подтянутая и упругая, с большой грудью, ухоженная от мизинцев до макушки, она отдавалась своему неожиданному счастью в виде молодого красивого мужика каждый раз, как последний. Конечно, ни о каких отношениях, кроме секса, не шло и речи. Они наслаждались настоящим, без слов любви и клятв в верности, стараясь доставить друг другу как можно больше удовольствия на физическом уровне. Бывало, что эта парочка не вылезала из кровати сутки. Сам Трошин мог заниматься

сексом сколько угодно, а его матрона оказалась очень жадной до этого дела и знающей толк в любовных утехах. Вот так и служил офицер космических войск Роман Трошин: из замороженных арктических далей, отдавая службе себя целиком и полностью, до тёплого вымени заведующей столовой. И ни на что уже не надеялся. Особенно после того, как Варька показала по видеосвязи братика – ничего общего с ним, и на Варю совсем не похож. Но последнее время до Романа стало доходить, что многое не совпадает с его представлениями о жизни бывшей жены. Во-первых, Варвара считает, что у неё и у мальчика один папа, он. Во-вторых, никакого мужика около Лерки не замечено. В-третьих, по срокам, мальчик может быть и его... Он вглядывался в детские фотки, сравнивал с дочкой, с собой, с Лерой. И всё больше и больше уверенность в непричастности к появлению Ваньки оставляла его, не давая спокойно жить. Тогда Роман решил выяснить всё до конца, выпросившись в отпуск раньше графика, зимой желающих не было, все рассчитывали на лето. И его отпустили, причём он не стал никому об этом сообщать.

Людмила вызвала огонь на себя, чуть не сгорев в гневных глазах своей «сожительницы», разрешив Трошину остаться. Огонь и молнии метались между ней и непризнанным папашей, пока Лера уже просто не упала на диван, не совладав со своей кружащейся головой. Трошин подхватил мальчишку, раздел, умыл, усадил в манеж. Потом снял с Лерки пуховик, сапоги, переложил поудобнее и отправился на кухню. А она

смотрела на него и не верила в реальность происходящего. Не так она представляла эту встречу, совсем не так...

– Мамочка, пошли кушать, папа столько всего наготовил. Ну, мама, вставай! – Варька верещала, рот до ушей, в глазах восторг и полная удовлетворённость жизнью.

– Да, да, иду! – И осеклась, увидев накрытый стол и Трошина с Ванькой на руках.

– Папа уже всех накормил, а сладенькое нам не даёт. Мамочка, ну вставай, а то мы чай будем ночью пить.

– А где Люда с детьми? Отдыхают?

– Она не хотела тебя будить. Они с Володей ушли покушать тренажёр, и... – не успел договорить Роман.

– Ничего не понимаю. Ты хочешь сказать, что я дрыхла и ничего не слышала? Да такого не может быть. Просто, не может.

– Мы, мамочка, тихонько играли в динозавриков, они умели только летать и петь тоненькими голосочками. А ещё папа обещал отвести нас в детский центр, купить подарки и много мороженого, того, помнишь, мамочка, разноцветного? Твоего любимого.

– А ангину папа тоже обещал?

– Ну, мамочка, мы по крошечке.

– Но сначала ты дала слово, что отдохнёшь после обеда. – Напомнил папа Рома, укачивая Ваньку, уже клюющего носом.

Прямо, идиллия! Образцово-показательная семья!

Лерка, начинающая закипать, зашипела, чуть не подавившись своей же вспененной слюной.

– Видишь ли, доченька, папа просто забыл, что ему надо ненадолго уехать, по делам. Но он обязательно сводит тебя куда-нибудь, может быть даже сегодня. Да, папа?

– Почему только Варьку, все пойдём, мы уже разработали программу по интересам, чтобы всем было весело. Да, доча? Ну, всё, Ванька спит. Пошли укладываться.

Когда Трошин вышел из детской, Лерка сидела за столом и невидящим взглядом смотрела перед собой, что-то ковыряя в тарелке. У него ещё там, в торговом центре, сжалось сердце, когда он увидел её, оседающую на скамеечку. А сейчас так просто ухнуло. После разговора с Людой, рассказавшей об их житье-бытье, он уразумел одно точно – Валерка страшно устала. И решил, что обустроит всё так, чтобы она смогла отдохнуть. Как? Роман ещё не придумал.

– Лера, поешь, я старался. И так уже всё остыло.

– Скажи, зачем ты обманываешь Варьку? Я надеялась на тебя, думала, ты сможешь объяснить ей наш новый статус. У меня не хватило духу, по разным причинам, тебе не обязательно об этом знать.

– То есть, о том, что Ваня – мой сын, ты должна была сказать мне последнему? Нет, Люда ничего не говорила. Никто не говорил. Помолчи! – Он почти заорал, забыв про спящих детей, поняв, что Лерка готова выйти на баррикады. – Нет смысла отрицать, всё элементарно устанавливается, ДНК и

всё такое. И потом, я имею на него такие же права, как и ты, и хочу прописаться в строке отец. Ну, попробуй меня разубедить!

– Послушай, Трошин! – Она опять шипела, теперь уже глотая свою ядовитую слюну, отравляющую её и так несладкую жизнь. – Ваня Трофимов – мой сын. Мне его подарил господь бог, а не ты. Знаешь, воткнуть, получить удовольствие, обтереться и жить дальше, не напрягаясь – кому нужно такое отцовство? Мой мальчик уже вон какой бутуз, моя радость и утеха, мой приз за несостоявшееся счастье. И не нужен нам никто, понимаешь? Не нужен! И мы тебе не нужны, ты прекрасно живёшь, процветаешь и в ус не дуешь. Что, вдруг, всполошился?

– Я твой монолог именно таким и предполагал услышать, слово в слово... Я даже обсуждать не буду. Скажу только одно: я был уверен, что ты благоволишь к Андрею, Варька все уши прожужжала о добром и весёлом леснике. Ну чего лезть? Всё же и так понятно. Да, такого дурака, как я, ещё поискать. Но ошибки надо исправлять. Поэтому, прошу тебя, давай порадуем наших детей, просто создадим им праздник. Можем же мы общаться на уровне старых друзей? Успокойся, без твоего согласия я ничего предпринимать не буду. Но если моё присутствие тебе...

– Посмотри на меня, внимательно посмотри. Что ты видишь?

– Ну, во-первых, не что, а кого. Честно?

– Только честно, предельно честно.

Трошин присел перед ней, не отрывая взгляд от давно знакомых, необыкновенных зелёно-жёлтых глаз в опушке необычных тёмно-коричневых ресниц. На бледном лице они особенно выделялись, и он выдохнул. Понял, что не было ненависти в её глазах, не было осуждения, они просто вопрошали: и что дальше? Будущее виделось им по-разному, это очевидно. Но, почему-то, в душе забрезжила надежда вернуть Леру. Но терпение, брат, только терпение. Ведь он и сам только-только осознал окончательно, что у него есть сын. И они, его девочки, Варька и Лерка...

– Я вижу красивую молодую женщину, умную, стойкую, примирившуюся с миром, получив маленького мальчика, дорогого сыночка. Но вытравить из своей души чисто женское начало у неё не получилось, желание любить и быть любимой, сопровождаемое верой и надеждой, невозможно выкорчевать. Впрочем, как и всем людям-человекам. Это неподвластно человеческому разуму. Но больше всего меня радует, что твоё сердце, Лерка, не остыло, не обозлилось, что оно такое же славное, доброе, просто сильно уставшее, не позволяющее расслабиться. Ну, позволь мне помочь тебе немного. А для начала – накормить. – И поцеловав ей руку, развернул стул к столу, подал вилку и уселся напротив.

Лерка ожидала совсем другие слова. А он... Может, Трошин прав, и надо как-то общаться, тем более что вопрос с Ванькой решился сам собой. Ну, правда, какой смысл отри-

цать отцовство Трошина? Ну вот, каким образом с этим жить дальше, малопонятно.

Но как вкусно, рыба великолепна, а соус – чудо. И салат, и какие-то рулетики, и овощи в кляре. Неужели, всё это приготовил Роман? Лерка размякла и стала собирать свою парочку на прогулку. Говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, а на деле – и к душе женщины тоже... Ха-ха!

Они прогуляли почти до ночи. Люда обзвонилась, пока не догадалась по весёлому голосу своей подружки, что лёд тронулся, дай-то бог. Почему-то она очередной раз прочувствовала всей душой, что не всё потеряно в отношениях бывшей четы Трошиных.

Новый год встретили весело, приехали бабушки, Андрей привёз шикарную ёлку, Володя с Риммой Ивановной нарядились Дедом Морозом и Снегурочкой. Наржались, нажрались, набесились, навеселились. А утром все проснулись, перемешавшись, кто с кем. Лера оказалась под крылом у Трошина... Взлетела, обозлившись на себя, и весь день не подходила к нему и не разговаривала.

Поздно вечером, после прогулки по новогоднему городу, уложив детей, состоялся семейный совет. Было объявлено, что Трошин с Варей уезжает к своим родителям, пацанов разбирают бабушки, Катьку – Алёшкин. А две мамы едут в подмосковный пансионат отдыхать и восстанавливать здоровье. И не обсуждается!

Первые два дня они тупо дрыхли. Какие там процедуры,

завтраки-обеда и моционы? Появившись, к вечеру второго, на ужине в столовой, мамыши произвели фурор в среде отдыхающих пенсионеров и школьников. Красотки были нарасхват, и в танцевальном зале, и в бассейне, и просто выйдя погулять. А им хотелось тишины. И они уехали в частный пансионат, поселившись в отдельных номерах, отключив телефоны и бездумно проводя время: гуляли, сидели в кафешках, да просто читали или смотрели киношку по телеку. И спали. А когда в последний день появились в санатории, тотчас получили нагоняй от главврача за самовольную отлучку.

– Вы, почему не поставили нас в известность? Что за детский сад? Переполошили персонал, всех наших стариков, ваши родные обзвонились, органы сыска со вчерашнего вечера сбились с ног. Безобразие!

Сразу после включения телефона Люда получили нагоняй от Риммы Ивановны, на заднем плане слышался гневный голос Алёшкина, пытающегося вырвать телефон для личного выражения «фи».

– Жива? Я рад! – Только и услышала Лера в своей трубке. Они молча сидели в фойе, поглядывая друг на друга.

– А знаешь...

Подружки одновременно начали говорить, рассмеялись, расслабились после выволочки.

– А всё-таки, Лерка, это чертовски приятно, когда о тебе кто-то думает, переживает, волнуется...

– И поругивает. Вот ведь дуры, забыли обо всём на свете.

Но как хорошо! Я чудно отдохнула.

– Я тоже.

Дома их никто не ждал, народ обиделся. В Питере из детей была только Катерина, и Людмила отправилась на ковёр к тётке и её племяннику, и к соскучившейся дочке.

– Люся, я не могу больше молчать! Пошли на кухню, что-нибудь приготовим и поговорим. – Римма была настроена очень решительно.

Закрыв дверь, она усадила бывшую невестку и воткнула ей в руку нож, заставив чистить картошку. И зашипела, мудрая змея.

– Ты никогда не спрашивала, почему я живу всю жизнь одна. Я ценю твою тактичность, ты, вообще, хорошая девочка. И мне очень хочется помочь тебе. И Володе. Он, к сожалению, такой же однолюб, как и я. Где-то полгода назад, ещё летом, у него появилась очень достойная партия, врач-терапевт, к которой мы водим Катю. Ты её знаешь, это Ольга Фёдоровна. Согласись, милая и нежная женщина, контактная, улыбочивая и приветливая, и, к тому же, умница и отличный специалист. Она разведена, воспитывает дочку, ни в чём не нуждается, и квартира, и машина, и деньги у неё есть. Я вздохнула, когда они вместе с детьми отправились на детское представление. Но на этом всё и закончилось. Причём, разведка доносила, что Оленька звонит Володе, приглашает его с Катей на всякие развлечения, а он отпирается, ссылаясь на службу, далеко не всегда правомерно. На вопрос, в чём дело,

он долго отвечал пространно, но недавно признался, что начал встречаться с ней ещё до совместных вояжей. Сначала по поводу здоровья маленького Вовочки, сына, которого он так и курирует. А потом... Закрутилось. Ему показалось, что у них может что-то получиться. Оля была очень настойчивой, заглядывала ему в рот, ловила каждое слово, выполняла все его желания. Ну и всё случилось.

– Римма Ивановна, зачем мне всё это знать? И потом, вы уверены, что ваш племянник скажет вам спасибо за это?

– Уверена, что не убьёт. Он любит тебя, и ничего не может с этим поделать. Поэтому и не стал обнадёживать врачиху, когда та заговорила о совместной жизни. Его, может, и устроили бы чисто сексуальные отношения, но жениться, нет. Я встречалась с ней. Не буду рассказывать подробности, они, правда, неинтересные. Но одно я поняла точно: Ольга не отступится, будет добиваться Володю любыми способами. И она этим, с успехом и занимается. Как ей кажется. Ведь мой мальчик, не умеющий обижать женщин, принимает её знаки внимания: пирожки, чистые рубашки, возможность добрать-ся до дома на машине, сам он водить не любит, ну ты знаешь. А главное, я не уверена, что они и сейчас не состоят в отношениях. Зачем я всё это говорю? Извини, предисловие получилось действительно длинным.

Она хлебнула водички, принялась варить кофе и вопросительно посмотрела на Люду.

– А что у нас с картошкой? Ногти мешают? Красивые, но

длинные. Да и к детям с такими подходить страшно.

– Мы с Лерой на Новый год себе подарок сделали. Буквально завтра приведу руки в порядок.

– Да, ты права, из большего соорудить меньшее – не проблема. А я умудрилась. Молодая была, дура-дурой. Мужиками раскидывалась, платишки, причёски, мазины, одна мишура на уме, летала бабочкой по жизни, выискивала принца. И он не заставил себя ждать, мой дорогой. Я влюбилась в одну секунду. А как иначе? Высокий, ясноглазый, внимательный, ласковый и нежный, он носил меня на руках, взрослый мужчина моей мечты. А фигура? Точно, как у его сына, Володи Алёшкина.

Людмила уронила и нож, и картофелину, вдобавок облившись водой из кастрюли. Римма Ивановна подхихикнула, хитро прищутив глаза.

– Во, я тебя удивила, отмирай уже. Я давно говорю и думаю об этом совершенно спокойно, всё перегорело, осталось в прошлом, быльём поросло. Рассказывать дальше, или не влезать в личное пространство тёти Риммы?

– Господи, дайте хоть водички!

– Сейчас кофе будет. А вода перед тобой. Так вот. Всё было замечательно, я училась, он работал, каждый день встречались, на выходные ездили куда-нибудь. В общем, почти не расставались, дело шло к свадьбе. Но так идеально не бывает. Риммочка уехала на практику, больше месяца мы не виделись. Я обросла новыми знакомствами, ухажёрами, еди-

номышленниками. Открылись возможности внедрения свежих идей, перспективы рисовались грандиозные. Но какая свадьба? И мы отложили сие событие на год. К тому же меня позвали в Москву на последнем курсе, отказаться, значит перечеркнуть годы учёбы и потерять возможность работать по профессии, тогда это казалось очень важным. Он понял меня, часто приезжал, иногда я навещала в Питер, мы много гуляли, разговаривали, целовались, миловались. И в один прекрасный момент очередная встреча закончилась постелью. Мой дорогой одарил меня своей пылкой любовью, ничего прекраснее тех дней не было в моей жизни. А через пару месяцев я поняла, что беременна. Что делать? В Советском Союзе связь вне брака не приветствовалась, меня бы просто вышвырнули из проекта, который был почти готов. Да и родители не погладили бы по голове за мой позор. И я вместо того, чтобы мчаться к своему любимому, поехала к старшей сестре. И она всё устроила, поддержав меня в решении избавиться от ребёнка, а потом и благополучно предала, рассказав об этом старшему Алёшкину. Она давно питала к нему безответные чувства и тихо ненавидела меня. Он не простил. И я уехала. Вот почему продолжительная часть моей жизни прошла на Востоке. Там я и узнала, что они поженились, что у них появился Володя, и что они прекрасно живут в квартире наших родителей. Я тоже несколько раз выходила замуж, счастье мне это не принесло. И детей тоже. Последний муж умер от тропической лихорадки, оставив мне

квартиру и кучу денег. Да я и сама не была бедной, а вдовой стала даже богатой. К сорока годам эксперименты с созданием семьи закончились, я вернулась на родину в эту большую квартиру, забрала Володю, мечтавшего о море и блестяще сдавшего экзамены в академию. А моя сестра с мужем решили уехать, на юг их потянуло, старых пердунов. И, слава богу.

Повисла тяжёлая тишина.

– Так вот, девочка моя. Сейчас, с высоты прожитых лет, я постигла одну истину: человек живёт так, как и заслуживает. Всё зависит только от себя самого. Скажи я тогда одно слово своему любимому, и был бы у меня ребёнок и муж. Но я оказалась трусихой, к тому же, взяла на себя решение, которое принимается двумя любящими людьми. Извини, но старая тётка кое-что разведала, но долго не решалась тебе сказать. А вдруг, ты подумаешь, что я тебя провоцирую?

У Люды ёкнуло сердце, она сразу поняла, что речь пойдёт о Стрельцове. Римма Ивановна приятельствовала с её любимым профессором, сведения, видимо, от него.

– Ты когда последний раз виделась с отцом своего ребёнка? Или разговаривала? Ты хоть в курсе, что твой учёный муж продлил свой контракт?

Люда молчала, она ничего не знала и не очень-то хотела что-либо знать о Максе. Зачем? Ей пришлось сделать очевидный, единственно правильный вывод: Максим Стрельцов женат на своей долбаной науке. Ради неё, любимой, он даже отказался от сына. Всё, процесс выпутывания из дурац-

кой ситуации запущен, бороться с этой капризной и заменяющей любой наркотик, заумной особой бес-по-лез-но! Она, научная деятельность, победила. Какая уж тут любовь? Видимость полноценной семьи создаёт Лариска, получает за это денежки и живёт со Стрельцовым, которого всё устраивает. А Люда Градова тоже хочет жить, радоваться и смеяться искренно и от души. Вот так же, как Катюшка с Алёшкиным, рты не закрываются.

– Римма, я не хочу говорить о Максе, его нет в моей жизни. И дело тут не в том, что я не сказала ему это одно слово. Он предал меня. Мне прилетело. За Володю. Я знаю, за что получаю и не ропщу на судьбу. Просто хочу выбросить всю эту гадость из своей жизни, ради кого жить, слава богу, есть. И честно, буду очень рада за вашего дорогого племянника, если подтвердятся его отношения с Ольгой. Она очень приятная женщина, Володя заслужил счастье, в конце концов.

– Ты так ничего и не поняла. Он живёт и наблюдает за твоей жизнью, держит тебя в своём поле видимости, так сказать. И ждёт, а вдруг? Но я тебе уже как-то говорила, мужчина не может быть долго один, особенно, когда лишается смысла жизни, смотря вслед уходящей от него любимой женщине. Любовные отношения заменяются чисто сексуальными, душа не поёт, сердце не скачет, только похоть празднует бал. Ты же не девочка, Люся, должна понимать. А зная порядочность твоего бывшего мужа, я очень боюсь подставы, как сейчас говорят, со стороны Ольги Фёдоровны. Она же и

забеременеть может, Лю-ся!

– Девчонки, что это у вас тут творится? Кофе сбежал, картошка не почищена, вода на полу. Вы что, подрались? – Володя с Катей стояли в проёме двери и хихикали.

Люська с Риммой, оценив масштабы бесхозяйственности, бросились ликвидировать последствия. И уже через полчаса сидели за столом. А потом перешли в гостиную пить чай, и «девчонки» всё время переглядывались. Вечером нагулялись, вчетвером, папа Вова катал всех на санках, даже Римму. Но вот Люське не повезло, она слетела и угодила в жидкое ледяное месиво. Пришлось бежать домой, причём, к Алёшкиным, это было ближе. Переодевшись, она вышла из ванной в гольфах тётки и большом свитере морского врача, тёплом, уютном и мягком.

– Мамочка, ты как Винни Пух на тоненьких ножках, – расхохоталась девочка, заразив и взрослых.

Люсю усадили, накрыли пледом, поднесли кружку с чаем, лимончики, шоколадку. Уютно, до безобразия... За что ей такое внимание? Тем паче, от Алёшкиных. А когда две заговорщицы услышали: «Нет, Оля, сегодня не могу», – донёсшееся из коридора, переглянулись и выдохнули. Этой ночью Люда с Катей ночевали у Риммы Ивановны.

А в сердце Люси поселилось смятение, она опять растерялась, поняв, что ревнует Алёшкина. Какое право, изменница и потерявшая себя Люда Градова, имеет на это? Она разлюбила Максима? Или что это? Как она устала от себя...

Измаялась вся...

На следующий день, возвращаясь домой, одна молодая мамаша не обнаружила в доме другую. В прихожей стоял чемодан, значит Трошин привёз детей. Но где они? И не позволили. Вытащив телефон, поняла, разрядился. Да, вчерашние события укатали её, сивую Люську, обычно, она не позволяла себе остаться без связи. Не успела зарядить, как в дверь позвонили. У Леры свой ключ, и кто это?

В дверях стоял Роман с Алёшкой на руках.

– Привет! А где все? Отстали?

– Здравствуй, Люда! Вот, доставил твоего сына в целости и сохранности. Могу быть свободен.

– Так, а Лерка где? И дети?

– Не волнуйся, они с Андреем прекрасно проводят время.

– Ничего не понимаю.

– А что тут понимать. Они меня отправили с твоим сыном домой, а сами ... Не знаю, куда двинули, они меня не посвятили. Всё, пока. Я поехал, мне тут делать нечего.

У Людмилы закипели мозги. Обычно, им никогда не мешали её дети. Так повелось, что гуляли всей грядкой, детей не делили. И вдруг!

– Подожди, проходи, чайку попьём. Я тоже только вошла.

Сейчас позвоню, проясню ситуацию.

– Нет, я пойду, ещё успею на дневной.

– Не нервируй меня, Трошин! Продёрни в горницу, быстро!

Дозвонившись, получила ответ, что они скоро будут, и всё объяснят. С ними Нина, учительница девочек. Ставьте, мол, чайник!

Дружная и весёлая компашка нарисовалась, сразу наполнив гомоном и лопотанием всё пространство. Но Лера даже не смотрела в сторону Романа, игнорировала.

– А что происходит, подруга? Вы нарушили пакт о ненападении? На Трошине лица нет, да и ты опять бледная, как моль.

– Да ничего не случилось, просто выеденного яйца не стоит, даже слова тратить жалко на объяснение. Они-с изволили-с упрекнуть меня в недостаточном внимании к их величеству. При этом он оскорбил Андрюшку, нёс какую-ту пургу, наблатыкался у себя на севере, и, в конце концов, забрал Алёшку, чтобы он не мешал нам цементировать отношения. Как тебе?

– Да он просто ревнует тебя, Лерка! – выдохнула Люда. – Это чистой воды, любовь. Трошин обрёл надежду, начав общаться с тобой, понимаешь? И к гадалке не ходи!

– Ой, не городи ерунды. И хватит об этом. У нас есть новости и поважнее. Наша Нина ушла от мужа и готова переехать к Смирнову. Но мы не лезем, вроде как ничего не знаем, смотрим со стороны. Это понятно?

– Вот это да! А Ромка твой сел в лужу, ха-ха...

Андрей сиял, как медный пряник, Ниночка потупляла глазки, девчонки прыгали вокруг неё, а Трошин, чтобы

скрыть замешательство, занялся пацанами. Он расселся на полу, устроив гонки на игрушечных машинах, чем вызвал безудержную радость и восторг самых младших. Они лазали по нему, ловили автомобильчики и заглядывали папе Роме в лицо, получая очередное задание. Люда довольненько улыбалась, поглядывая на всех. В душе распускались бутончики удовлетворённости жизнью, радости бытия, надежды на лучшее будущее... Неужели её отпускает? Неужели возвращается Люся?

Лерка же, наоборот, злилась и никак не могла взять себя в руки. Нет, ну вы посмотрите! Устроил разборки посреди планеты всей! Да какое он имеет право, даже, просто указывать ей, как себя вести?

Ой-ё-ё-й! Нога поехала, наступив на машинку, и она оказалась в руках Трошина, успевшего вовремя среагировать.

– Прости меня, Лера! Я не знаю, как жить без вас дальше, вот и бешусь. – В глазах бравого майора было столько беспомощности и растерянности, даже трещинки куда-то делись, и внешне он стал похож на нашкодившего школьника, ожидающего наказание от учителя. – Я люблю тебя! Подскажи, как вернуть мою Лерку, самую лучшую, самую милую, самую ненаглядную?

Он ещё сильнее прижал её к себе, и она не отстранилась. Так и сидели на полу, облепленные детьми.

– Чай готов! – Люда оповестила таким тоном, как будто приглашала королевских особ. – Прошу всех встать в гори-

зонтальное положение, зацепить по ребёнку и к столу!

Андрей подскочил, принёс пакет и выставил на стол шампанское, конфеты, фрукты и пирожные. И симпатичный букетик маленьких розочек, вернее, три букетика.

– У меня сообщение, дорогие мои сестрички! Я нашёл свою единственную и неповторимую, свою Ниночку. Вы знаете, она была не свободна. И я уехал, от греха подальше, и до Нового года сидел в своей берлоге. Нина не давала никаких поводов, ну что морочить голову и себе, и ей? Но я не мог не видеть мою желанную, образ которой приходил ко мне каждую ночь. Это наваждение ломало, выворачивало наизнанку мою душу. И я решился. Просто разрешил себе посмотреть на неё. Девчонки, она разглядела меня среди толпы, среди нескольких сотен гуляющих людей, хотя я старался прятаться, боясь поставить Нину в неловкое положение. Как так? Я стоял у колонны внизу, а она с третьего яруса смотрела прямо в мои глаза и улыбалась. И стало понятно, что мне никуда не уйти без неё. На крайняк, украду, спрячу, никому не отдам. А она, к моему безумному счастью, оказалась и не против. Не могу не поделиться своей радостью с вами, подружки дней моих суровых! Я сделал Ниночке предложение, и она согласна! – Андрей задохнулся от нахлынувших на него чувств, глаза засияли навстречу струившемуся свету распахнутых глаз любимой женщины.

Мы заорали, налетели на него, зацеловали. А девчонки зачмокали свою любимую училку до дыр. Празднество нача-

лось. Пришёл Володя с цветами для невесты, видимо, Люда поставила его в известность. С его приходом Трошин осмелел, влился в общее веселье, поглядывая на Лерку с нежностью и надеждой. И она, нет-нет, да и поймает его взгляд, улыбаясь.

Детей уложили, влюблённых проводили и устроили совещание. Завтра последний день каникул, а в понедельник в школу и Градовой на работу, нужно затарить холодильник и подкупить школьных принадлежностей. Списки составлены, роли распределены. Хитрая Люда остаётся с детьми, а Лера с Трошиным идут за покупками.

– Роман остаётся ночевать здесь, с утра в поход. – Градова отдала приказ.

– На полу в детской? – Уточнила Лерка.

– Там нет места, мы не собрали игрушки.

– Я соберу.

– И детей разбудишь. И, вообще, моя очередь сторожить малышню.

– С чего это вдруг?

– А потому что завтра перед работой мне нужно выспаться, будет твоя очередь.

Хитрость победила разброд и шатание. И бедной Лерочке пришлось спать в нелюбимой пижаме, застёгнутой на все пуговицы, ведь рядом сопел посторонний мужчина, совсем рядом, рукой подать...

На следующий день невыспавшаяся мегера поставила все

точки над «и». Трошин, если хочет помочь и пообщаться с детьми, в оставшиеся дни отпуска ночует у Алёшкина, Люда работает и не суёт свой нос в личные дела других, а Лера, пока, на хозяйстве. Так и пронеслись две недели. Бывшая чета Трошиных вместе готовили, вместе гуляли, вместе мыли и укладывали детей, а потом Трошин уходил. Лера настолько привыкла к помощи, что в один из вечеров так расслабилась, что задремала за проверкой уроков, положив голову на руки. Точно, как в студенческие годы, когда присыпала над своими заданиями. Увидев это, Роман, который раз почувствовал страшную ностальгию по тем временам, самым счастливым, напоенным любовью и пропитанным безоблачным счастьем. Почему, чтобы понять это, нужно было сначала потерять, обидев любимую женщину, а потом искать возможность жить с этим дальше. Точнее, выживать... Говорят, каждый должен набить свои шишки, только размеры и конфигурация индивидуальны. Он присел перед виновницей своих головомок, поправил волосы, погладил по щеке... В груди защемило, подступили слёзы, чего он не помнил в своей жизни вообще. Вошла Люда.

– Перенеси её на диван, я расстелила.

Он подхватил свою драгоценную ношу, донёс, положил на подушку. Она потянулась и обняла его.

– Ромка, куда ты меня? – Открыла глаза и вылупилась на него.

А он от неожиданности так и встал, наклонившись, боясь

выскользнуть из кольца её рук.

– Ой, прости, что это я. – И выпустила его из своих объятий. – Что-то приснилось не то.

– А может то самое, Лерчик?

Она подскочила, его глаза оказались прямо напротив, голубые, добрые, лучистые и немного грустные. Роман держал её, не давал ускользнуть. А ей надо было спастись бегством, паника накрывала, оторваться от чарующих глаз не было никаких сил. Лерка тонула, ещё немного и дно. Эти колдодцы когда-то чистой воды завлекали в свои упоительные глубины, они опять снятся ей, возрождая запрятанные в самых удалённых уголочках сердца нежные и солнечные чувства. Нет! Нельзя! Только не это! Прости и помилуй!

– Тебе пора, папа Рома. – Прозвучало, как «Пошёл вон»... – И не надо строить замки на песке, я очень благодарна тебе за помощь...

Лера сама не поняла, откуда взялись силы, ведь душа и разум танцевали гопак, сбившись с ритма... Но каждое слово твёрже стали. Мозг победил, слава богу.

Папа Рома выпрямился, закрыв собой торшер, падающий сзади свет не дал возможности увидеть выражение его лица. Но голос...

– Мне твои благодарности ни к чему. Я получал настоящее удовольствие от общения и с тобой, и с детьми. – Он в резкой форме пояснял нерадивым подчинённым, что есть что, командный голос сразу заполнил всю квартиру. – Зав-

тра меня ждут родители, а от них майор Трошин отправится к месту службы. И когда будет следующий отпуск, неизвестно. Очень прошу тебя об одном. Мои предки не виноваты, что у них такой непутёвый сын, и очень хотят общаться с внуками. Не отказывай им, пожалуйста. Ты же знаешь, они любят тебя. Более того, они на твоей стороне. Я сейчас уйду, конечно, слово хозяйки – закон. Но завтра заберу Варьку из школы, я кое-что обещал ей. И с Ванькой надо попрощаться. Если тебе не трудно, подойди с ним часам к семи в наше кафе. Я просто чисто физически не успею его забрать. Если не хочешь, попрошу Люду. На созвоне.

Быстро встал и через две секунды, уже одетый, вылетел из дома. Как по тревоге...

Людмила как изваяние, ни жива, ни мертва, застыла с тарелками в руках в проёме кухни. Её подруга, бледнея на глазах, заваливалась на бок. Нет, ну с этим надо что-то делать, Лерка так откинет коньки раньше времени. Она рванулась назад. Таблетка, вода, подушка, жалкий вид только что воевавшей амазонки...

– Ну, вот что! Я отдаю тебя в руки Алёшкина. И прежде всего, ты посетишь неврипапемаметолога (так и сказала)! Зачем обидела Трошина? Нельзя всю жизнь отыгрываться на оступившемся человеке. Пока он был рядом, у тебя ни одного приступа не было.

– На оступившемся? Да он...

– Я знаю, что он. Молчи уже. Закрой глаза и попробуй

не думать о нём. – Люда села рядом, обняла подружку, тоже закрыла глаза. – Фиг! Не получится! Ты не можешь не понимать, что Роман любит тебя, это уже все осознали. Дай ему ещё один шанс, Лерка! Не отталкивай совсем. Ну как это говорят, подарите друг другу время. Вот он завтра уедет, и ты надеешься, что всё встанет на свои места? Нет, не встанет. Ты признала его отцом своего сына, у него тоже поменялось мировоззрение, а все окружающие видят вас только вместе. Услышь меня, постарайся забыть горестные дни своей жизни, закаляй белой краской черноту, будет цвет хмурого утра, серенький. А потом превратится в жемчужно-серебристый, как твоё свадебное платье. Вспоминай только хорошее, особенно, последние дни. Твой Трошин – отличный мужик, у него настоящие жизненные устои, и он страшно жалеет о случившемся. Во всяком случае, процесс переосмысливания жизни летит, сломя голову. И дети его любят, и он детей. Неужели ты не видишь, что он готов для тебя на всё?

– Да мне не надо всё! Я не верю ему, понимаешь? Я кое-как зализала свои раны, выровняла переломы, вставила назад вывихи и растяжения. Но шрамы остались, и они на всю жизнь. С этим что делать? Тут никакие пластические операции не помогут...

– Время покажет... Короче, отдыхай. Тебе нужно проводить отца своих детей без обиняков, ненужных воспоминаний и огульных высказываний. Вспомни, Валерия, что ты – королева!

Получилось как-то сумбурно. Она убеждала подружку, параллельно пытаясь прояснить себе, что же ей самой-то делать? Градова постоянно видела один и тот же сон: Люда пытается догнать Максима, но, когда он поворачивается к ней лицом, оказывается Володей, и зовёт: «Люся!» Янус на Янусе и ей погоняют...

Ванька капризничал, выворачивал матери руки, плакал и выгибался. Никогда он не вёл себя так, неужели заболел? Ну, где же Трошин с офицерской дочкой, как себя стала называть их девочка. В кафе было много народа, жарко и душно. Очень хотелось пить. Лера бы уже ушла, но надо же забрать Варьку.

– Мамочка! – Звонкий голос заглушил стойкий гомон посетителей, он у Варьки с рождения имел широкий диапазон.

– Извини, мы немного опоздали, нас подвели... Ну, неважно. А что тут за горланящий мальчик? – Роман вытащил сына из рук Лерки, а тот сразу зацепился за шею отца. – Так, так... Ну, понятно, сразу два зуба. Сейчас мы тебе бублик купим, почешешь свои дёсенки.

– А мне корзиночку, две! – Глаза девочки заблестели от предвкушения вкуснятинки.

– Сначала по пицце, ты мне обещала.

– Я схожу, принесу. Три сыра? – Вызвалась мама Лера.

Вернувшись, она застала картину из какой-нибудь мелодрамы. Ванька заснул, Варька притулилась бочком, подняв

голову и рассказывая отцу что-то ну очень важное. А на столе стоял букетик ландышей, зимой, в Питере. Откуда? Она выгрузила всё на стол и вопросительно посмотрела на Романа.

– Лера! Получится не очень торжественно, тем более что виновник торжества всё продрыхнет. Но что делать, ему потом расскажем. Когда подрастёт. Мы не будем выяснять наши отношения, я и так понял, что ты не... – Он запнулся, Варька смотрела на него во все глаза, а ей совсем не обязательно знать «что не» ... – Ну, не хочешь... ну ты поняла. Так вот, я имею право поблагодарить тебя за Ваньку, моего замечательного сына.

И вытащил красивую коробочку, открыл и положил на стол.

– Я знаю, ты давно хотела бирюзу. И набросок твой пригодился. Моя дорогая, это тебе.

Браслет голубел разного размера камнями на серебре, красота... У Лерки ком подступил к горлу, она чуть не расплакалась. Надела, залюбовалась, чмокнула Трошина в щёчку. Да ещё и умопомрачительный аромат ландышей...

– Спасибо, Ромка! – Она не называла его так с тех самых допоганых времён. – Очень красиво, хотя хвалить свой эскиз не очень прилично. Я тоже приготовила тебе подарок.

Она вытащила детский фотоальбом, маленький, но очень симпатичный и вместительный. Их дети, от рождения до сегодняшних дней, всякие смешные моменты и знаменатель-

ные даты.

– Я не люблю фотки в телефоне. Гораздо приятнее воочию. Вот и рискнула сделать и тебе.

– Можно считать этот чудный подарок выражением твоей доброй воли? Мы будем общаться, как родители? Я рад. И спасибо тебе. Не буду повторяться, я сто раз тебя просил о другом. Ну, хотя бы так.

Они ещё немного посидели, и Роман проводил их на такси. Никак не мог отлипнуть от детей, Варька стала подвывать, следом Ванька. Усадив детей, он повернулся к Лерке, крепко зацепил руками и поцеловал, просто, на прощание. От неожиданности она не отстранилась, а как раз наоборот, сильнее прилепилась к нему, теряя контроль над собой. Роман прочувствовал это, всё-таки он её хорошо знал, оторвался, заглянул в глаза.

– В букетике ландышей моё послание, обязательно прочитай. – И опять поцеловал, уже крепче и чувственнее. – Я люблю тебя!

«Девочка моя, золотая моя Лерочка! Я понял, что ты не простишь меня. Наверное, это правильно. Сколько раз прокручивал те ужасные события, пытался поставить себя на твоё место. Сотни раз задавался вопросом, а что бы сделал Трошин в такой ситуации? Так вот, я бы просто убил, и разбираться не стал. Не буду долго распространяться, вывод напрашивается сам собой: мне не место рядом с тобой, как мужчине твоей мечты, и я не буду мешать. Очень желаю

большого счастья, женского, человеческого, удачи и добра. Только иногда выходите со мной на связь, особенно, первое время. Я даже представить не могу, как буду жить без вас, а мне ещё три года с гаком служить в стране белых медведей. И о родителях моих не забывай, родная моя. Я люблю тебя!»

Лерка проревела всю ночь, вкус трофимовских губ сотворил с ней злую шутку. Она вспомнила, вернее воспомина- ния попёрли без разрешения, невзирая на попытки не дать им вылезти на свет божий... Господи, она не может без него жить, а любовь это или что-то ещё, кто знает...

Дни поплыли, один за другим, похожие, скучные, тру- доёмкие. Варька также общалась с папой, показывала ему Ваньку, а тот, услышав голос отца, начинал танцевать и вы- прыгивать из штанишек. Лера не подходила к монитору, по- тому как выглядела ужасно. Людмила осуществила своё обе- щание, отправила подружку в госпиталь к Алёшкину, и тот занялся здоровьем жены своего нового друга серьёзно и ос- новательно. Он воспринимал их именно как семейную пару. Это лечение отнимало у молодой мамочки последние силы, она стала слабая и худющая, кожа и кости. Но семейный док- тор не проявлял по этому поводу никакого беспокойства.

– Девки, не дрейфьте, организм восстанавливается, вспо- минает, каким он должен быть. Это ненадолго, через пару месяцев Лера будет командовать полками. – Он, общаясь с ней, всегда переходил на военную тематику.

А как иначе? «Девки» ведь не знали, что пригрели шпиона, собирающего сведения и передающего их в пользу майора Трошина. И когда тот увидел присланное Юстасу Алексом очередное донесение в виде фотографии истощавшей Лерки, что-то перевернулось в его наболевшей душе окончательно, и он начал военные действия по возвращению жены мужу. Неожиданная реакция на его поцелуй только закрепила это решение. Как он жалел, что оставил своё письмо, беллетрист хренов! Нет, он будет мешать, он сделает всё возможное и невозможное, точно.

Когда Роман прилетел в своё снежное королевство, был удивлён: его встречала повариха в новой красивой шубе, ярком шарфе и сильно накрашенная. Здоровье так и пёрло из неё, краснощёкой, полноватой, улыбающейся во весь рот. Она кинулась к нему, повисла на шее, не самая лёгкая ноша. И потом, они не афишировали свои отношения, что же случилось? Всю дорогу, прилипнув к плечу майора своей пудровой грудью, целовала и шептала, как любит, как соскучилась, как еле дождалась. А он отстранялся, отворачивался, даже отсаживался подальше. У них и раньше были такие перерывы во встречах, что же сейчас вдруг? Кому нужно это представление? Трошину стало очень неуютно рядом с этой женщиной, с которой связывал только секс и комфорт, создаваемый ею.

– Что-то случилось? Ты выиграла в лотерею? Или тебя назначили кормить президента?

– Я очень соскучилась. – И опять целовать, обнимать, дуть в уши.

К шаману не ходи, эта женщина из тех, кто может убажить любого мужчину. Эта мысль пришла в голову Романа, когда он, вдохнув цитрусовый запах свежести, увидел уютную комнату, накрытый стол, расстеленную красивую кровать, на которой лежал очередной свитер для него, теперь любимого, а не просто партнёра.

– Я связала его сама. – Поймав взгляд майора, томным голосом произнесла женщина. – Долгими зимними вечерами.

Она начала хлопотать. Трошин отправился в душ. Налупившись всяких деликатесов, в кулинарном искусстве толстухе не откажешь, Роман отправился в постель, чистую, приятно пахнущую, и заснул, не дождавшись своей партнёрши. Но отвертеться не удалось, под утро она его всё-таки сделала, получив всё, что хотела. Жизнь у этой особы налаживалась. Но Трошин, не любой мужчина. И то, что происходило, ему не приносило особого удовольствия, не цепляло, как раньше. Надо объясниться. Но на деле, майор просто объявил ей, что уезжает в гарнизон надолго и не обидится, если она найдёт себе другого. Он бросил её, но ведь и не обещал ничего.

На весенние каникулы приехали родители, причём, все. И Трофимовы, и Трошины, и Градовы. Родительский совет, так сказать. И первой решила поговорить с Лерой её быв-

шая свекровь.

– Видишь ли, девочка, назрел разговор, серьёзный. Но сначала скажи, ты окончательно выкинула моего сына из своей жизни? Мне можешь говорить предельно честно, я не обижусь.

– Как это возможно, если он – отец наших детей.

– Уже хорошо, наших. Но я не об этом. Я о женском счастье. Мой мальчик любит тебя и очень жалеет о случившемся, и ты об этом знаешь.

– Ничего я не знаю. – Лера уже совсем выправилась, даже появились щёчки, но остаточные явления в виде слабости и головокружения ещё имели место быть, и именно сейчас подкатили.

– Так, спокойно, Лерочка. Я не собираюсь лезть в вашу личную жизнь. Просто хочу донести до твоего сведения, что в статусе жены ты получишь квартиру в Питере, льготы для детей, возможность ездить к мужу официально.

– Правильно ли я понимаю, что вы хотите очередной раз выдать меня замуж за своего сына, но теперь уже в обмен на жилплощадь и блага? Нормально... Всё было... Но...

– Я хочу, чтобы вы были счастливы, чтобы ты, наконец, зажила в хороших условиях, чтобы тратила деньги своего мужа, засунув свои принципы в попу. И чтобы ездила к нему, ведь там так тяжело служить. Ты не задумывалась, каково ему? Всё, я сказала, что думала. Вам жить.

Зёрна упали на взрыхлённую почву. А рассказ мамы Леры

окончательно поселил в её душе разброд и смятение.

Оказывается, отец Ромки был вторым мужем его мамы, Анны Петровны. А первый, сокурсник, был серьёзным и ответственным парнем, старостой группы. Отслужив армию, Глеб уже точно знал, чем будет заниматься по жизни, сознательно поступил в институт, параллельно работал, жил в общежитии. Будучи на пару-тройку лет старше своих однокурсников, выделялся из общей массы и внешне, и внутренне, ценил время, строил амбициозные планы на будущее. И влюбился, очень не вовремя, по его понятиям. Ничего другого не придумав, стал скрывать свои чувства. Со стороны казалось, что он не только не любит, но и не переваривает симпатичную девчонку, Анечку, восемнадцати лет от роду, весёлую и бестолковую. А она, как раз наоборот. Но тоже не выпячивала свои симпатии, стеснялась, и обижалась на резкие и не всегда справедливые высказывания старосты. Всё прояснилось летом, «на картошке». Студентов отправили помогать в уборке большого урожая. Девочки перебирали и собирали корнеплоды в мешки, а мальчишки ковырялись в поле. К вечеру, грязные и уставшие, первое время даже не гулявшие по вечерам, еле доползали да лагеря, в котором жили. Они познавали неблагоприятную науку подмастерьев, как называл это дело гуру их курса, Глеб. Немного попривыкнув, стали выползать после работы, даже устраивали посиделки и вылазки в соседнее село на дискотеку. В очередной раз, по дороге, у студентов вспыхнул спор, да нешуточный. Начался

он с безапелляционного заявления повидавшего жизнь старости.

– Вот видите, чем приходится заниматься. К нам относятся как к дешёвой рабочей силе, быдлу, низшему слою общества. А получив диплом, став классными специалистами, мы перейдём на другую ступень общественной лестницы, высота которой будет зависеть от каждого отдельно. И главное здесь, суметь применить полученные знания на практике, заявить о себе с первых же дней. Кто быстрее проявит себя, тот и на коне. И никакая картошка нам будет не страшна!

– Моя мамочка работает в проектном институте, и они каждый год ездят в подшефное хозяйство на сельскохозяйственные работы, помогают. И всё начальство тоже. – Заметила будущая мама Ромки.

– Что, и директор? И его замы? И профессора? Ты ещё скажи, что министры и президенты этим занимаются. – Язвительно парировал вещающий истины Глеб.

– А что зазорного в помощи? Тем более, такой? Разве мы не едим ту же картошку? Или помидоры с огурцами? Любой труд заслуживает уважения. И при чём тут образование? – Анечка не сдавалась.

– Видимо, твои родители звёзд с неба не хватают, не заморачиваются карьерой, их устраивает тихая и спокойная жизнь, зона комфорта на диване и в овощехранилище. А зачем тебе диплом, иди сразу в колхозницы, а мы будем тебя уважать.

Это было уже слишком. Глеб и сам не понял, зачем сказал такое, ведь в глубине души он был полностью согласен с девушкой. Что это с ним? Выпендривается? Хочет показаться таким знающим жизнь и обременённым опытом мужиком, для которого собственное эго превыше всего? Но ведь всё не так!

Анечка вспыхнула, остановилась, слёзы подступили горьким комом, губы задрожали. Ну уж нет! Она резко развернулась и бросилась в кусты, растаяв в их зелени буквально за секунду. Студентам было строго настрого запрещено ходить по одному, незнакомая местность и наличие ненадёжных местных жителей вынудили ввести эту меру. И вот вам! Все онемели, воззрившись на «старшего товарища», ожидая его дальнейших действий.

– Анна, вернись! – Только и всего, а дальше?

Его голос растворился в тишине, все молчали. Они почти пришли, получалось, что обратная дорога довольно длинная. И это по грунтовке. А через лес, куда рванула Аня, вообще, непонятно.

– Так! Все идут на дискотеку, а я за этой... как её... – Да, показуха накрыла его с головой, надо выплывать. – За Аней.

Глеб облазил окрестности от лагеря до села, уже стало заметно темнеть. Вернувшись опять к месту проживания студентов и не обнаружив девушку на месте, он уже не мог скрывать своё волнение. Пришлось организовывать поисковую экспедицию, а после полуночи привлекать и местные ор-

ганы. Нашли потеряшку уже под утро местные рыбаки, она спала в их лодке. Глеб рванулся с места в карьер, вызвавшись забрать её оттуда. А когда увидел замёрзшую и опухшую Аню, сердце ухнуло и почти остановилось, не желая заводиться, пока его хозяин не признается уже самому себе, что без этой девушки ему не жить!

– Анечка! – Он выдохнул её имя вместе с первой молекулой воздуха, отпущенной его сердцем. – Как ты нас напугала.

– А тебя? – Прошелестели почти белые губы.

Глеб накинул на худенькие плечики свою ветровку, прижал девчонку и застыл, наслаждаясь близостью, ощущая прилив необычайной нежности. Желание заграбастать её всю и не отпускать никуда и никогда проявилось во всей красе, заполнило его душу тёплым чувством, видимо оно называлось счастье.

– Я больше не отпущу тебя, Анечка! И никому не отдам! Никому, ты слышишь?

– А как же зона комфорта?

– Прости меня за своих родителей. Я, правда, так не думаю. Просто, дурак, очень боялся признаться тебе в своих чувствах, вот и делал глупости. Я люблю тебя, Аня!

– Я думала, что никогда не дождусь этих слов от тебя. Я очень замёрзла, вот бы чайку сейчас. Ой, извини. Я тоже люблю тебя, Глеб!

Они прожили два года, сначала в комнате общежития, а потом сняли небольшую квартирку. Аня очень старалась

быть хорошей женой, а Глеб не забывал о словах любви и благодарности. Счастливые, добрые времена, ощущение «нужности» друг друга каждый час, каждую минуту. На последнем курсе решили «завести» ребёнка. Анечка посещала женского врача, готовила себя к роли матери. Глеб всегда был рядом, и в институте, и дома, и в женской консультации. Но что-то не получалось, полгода прошло, а результата нет. Они не очень расстраивались, здоровье в порядке, диплом на носу, определено место будущей работы в хорошем, надёжном холдинге, где прошла преддипломная практика. Они и там были вдвоём, днём работая, а вечером развлекая себя, любимых, походами в кино, театр, на концерты. Чудное было время.

Уже перед самой защитой Аня стала замечать периодическое отсутствие своего мужа. Он каждый раз объяснял причину, успокаивая жену, пока она не встретила его «на приёме у гинеколога», у своей врачихи, к которой пришла не по записи, а просто за советом. И которой доверяла безгранично, вплоть до разговоров по душам, о позах, при которых легче забеременеть, о приёмах убления любимого мужчины и прочее, прочее, прочее... Почему-то Анна сразу поняла, что Глеб здесь не по причине увеличения размера и окружности своего мужского достоинства. Он, к гадалке не ходи, изучал на практике интимные позы, так сердечно предлагаемые ей, дурочке с переулочка, женским доктором. Любовнички не сразу увидели её, не успели снять с морд умильные маски,

посмеиваясь и переговариваясь шёпотом при всём честном народе. Странно, но Аня не окаменела, как пишут в любовных романах, она, оценив ситуацию, развернулась и пошла на выход, где её и поймал муж. Или уже не муж?

– Ты куда мчишься, я еле догнал тебя. Почему к врачу не пошла? Ты же...

Звонкая оплеуха взорвала атмосферу больничного фойе, потом ещё и ещё. Глеб поймал руку своей жены, подтянул к себе и уставился, глаза в глаза, не моргая и не выражая никаких чувств. Пустыми глазами. Из него как будто уходила жизнь, оставляя только осознание наваливающейся трагедии

– Ты свободен, Глеб Батькович. Слава богу, я не беременна, было бы гораздо сложнее. Видимо, твоя новая пассия здоровски меня консультировала, спасибо, оставила в живых. Это я удачно зашла, а то бы она точно довела своё чёрное дело до конца. Как ты мог, мой самый любимый человек на свете? Как? Ну, ушёл бы красиво, так нет, наворотил с три короба гнусности и лжи. Всё. Счастья в личной жизни.

Сколько раз Глеб приходил, приползал, встречал, подкарауливал... Сколько раз пытался что-то объяснить, оправдываться, клясться! Он даже ночевал под дверью их квартиры, пока она не переехала к родителям. И уже там спал на лавочке под её окнами. Но Аня не простила, не стала слушать, не верила, не находила оправдания и очень тяжело выходила из этого состояния. Став трудоголиком, забирала все командировки, поездки на повышение квалификации и по

обмену опытом, уезжала в длительное, почти на год, заграничное рабочее турне. А возвращаясь, опять сталкивалась с Глебом. Он уже не пытался обелить себя, просто смотрел на неё и грустно улыбался. Женская разбитая душа успокоилась только тогда, когда великого карьериста перевели работать в другой город. Уехал он один, «сластолюбивая повитуха» осталась на месте, завлекая очередного будущего папашу.

Лет через десять Глеб вернулся, возглавив новое ведомство. Карьера шла в гору, семья, двое детей. И у Ани уже был Ромка. Но в его портмоне фотография наивной девчонки Анечки занимало своё законное место...

– Понимаешь, Лерусик, – заканчивала свой рассказ её мама, – они любят друг друга до сих пор, хоть и расстались давно. Анна Петровна призналась как-то мне, что видит во сне их не родившихся детей. Представляешь? Что только не происходит на бессознательном уровне! Глеб женился только потому, что понял, Анну он потерял. А она назло. Правильно ли это? Кто знает? Сколько людей, столько и мнений. Но я думаю, что неправильно. Господи, о чём я? Что бы сотворила твоя мать, оказавшись в такой ситуации? Знает только провидение. Вот, допустим, про отца Ромки я могу сказать со стопроцентной уверенностью, что он верен своей жене. В его жизни до неё были две супружницы, а баб и того больше. Нагулялся, как говорят. А вот твой отец не отличался по молодости хождением по тёткам. Он, явно, не освоил эту науку. И что прикажите думать? Правда, мне не

к чему придрататься. Но ведь бытует расхожее мнение о полигамности мужчин. Умные гуляют в тайне от жены, берегут, так сказать, свою половинку. А дураки, ну ты понимаешь. Они живут под лозунгом: «Хороший левак улучшает брак» и остаются, как водится, у разбитого корыта. Но в каждом правиле, если можно назвать такую условную градацию мужиков правилом, есть свои исключения. И я уверена, что такой представитель мужского пола, получив по одному месту и поняв, что потерял, начинает думать другим. Мозгами, конечно, прислушиваясь к возмущённому сердцу. И здесь очень важно, какие критерии истины он возьмёт на вооружение, сможет ли вернуть свою женщину, какие будет совершать поступки. Слова тут уже не сработают. Лера, девочка моя, извини, что лезу. Я тебя очень люблю, подружка-попрыгунка, и вижу, что запуталась ты, нет покоя твоей душе. И знаешь, я согласна с Ромкой, что не просто так дал вам сына господь Бог, подумай об этом. И помни, я с Анной Петровной всегда на твоей стороне. Мы же девочки.

Как-то вечером Лерка заснула перед монитором, уложив спать расстроенных детей, не пообщавшихся с отцом из-за перебоев связи.

– Лерчик, ау! – С экрана улыбался Трошин. – Я уже полчаса смотрю на тебя, а ты дрыхнешь, как слон.

– Дети так и не дождались, но просили показать рисунки. Смотри, первый опус твоего сына. Оранжевая клякса – это

я, а зелёная большая закорючка – это ты.

Отец рассмеялся, глаза увлажнились, превращаясь в тающие льдинки, совсем как на леднике образовавшееся озеро, чистое, глубокое, отдающее синим.

– Я так скучаю, нет никаких сил. Сажу в гарнизоне, служу отчизне и считаю дни до отпуска. Ещё не скоро, дел по горло, специалистов не хватает, опять же, новый набор, учить и учить. Дай мне руку. – И приложил свою к экрану монитора.

Лерка повторила за ним. Помолчали.

– Я бы отдал полжизни, если бы ты приехала ко мне.

– В качестве кого, Рома? Бывших жён выметают из ваших городков, а не принимают.

– А давай подадим заявление, и ты официально, как невеста, сможешь посетить наши края.

– Я подумаю.

И подумала. В середине июня, распихав детей по бабушкам, она летела в неизвестность, сама себе так и не растолковав, зачем. Её сердце трепетало, боясь повторения боли и унижения... Примерно так же, как и желание увидеть, прижаться, остаться с Трошиным навсегда. Пятьдесят на пятьдесят. Но Лерка трусила, собираясь рискнуть, не хотела никакого шампанского...

Он увидел её ещё на трапе. Пара дней, проведённых из-за непогоды, в аэропортах, оставили свои следы и на нём, и на ней. Трошин замаялся, мотаясь между самолётом и штабом, где проходил разбор итогов проверки. Всё складыва-

лось удачно. В случае хорошего результата, в чём не было сомнения, ему дадут небольшой передых. Лерка же, почти не спав, голодная и грязная, злилась на себя за несохранение «морды лица». А ведь Люда так просила: «Главное, соблюди внешний вид, ты сейчас, после лечения, прям, прелестница и раскрасавица! И помни о своём королевском высочестве!» И что? В реалии – женщина-привидение, лицо серого цвета, пузо прилипло к позвоночнику, глаза потухли ещё вчера...

Она тоже увидела его сразу, как только ступила на трап. Трошину невероятно шла военная форма. Высокий, перепо-ясанный ремнями, подчеркивающими широкие плечи пловца, он основательно стоял на земле крепкими и длинными ногами. Ветер трепыхал его светлые волосы, а Лерку так просто чуть не сбил с ног, закрывая лицо длинными прядями, разлетающимися в разные стороны. Роман поймал её с последней ступеньки, а она всё старалась справиться с волосами, теперь мешающими и ему.

– Лера, просто держи рукой, я тебя донесу. – Разве это он хотел ей сказать? – Ты посиди, я багаж притащу.

Лерка не могла сидеть в какой-то там машине, её женская природа, почувствовав рядом родное и желанное, попёрла из всех щелей. Она заколола волосы и вылезла. Роман забросил чемодан и опять поймал свою улетающую Мэри Поппинс.

– Лерчик, я думал, не дождусь, отдам богу душу прямо здесь. Как я рад... – И подняв свою драгоценную ношу, стал целовать её, потянувшись к нему всем своим телом.

Он вёл машину, а она смотрела на него, не могла насмотреться. Роман останавливался, целовал-миловал, никак не мог поверить своему счастью. И опять за руль, и опять родные глаза глядят с такой любовью, что хочется орать от сознания, что она рядом, ликовать, что они вместе, улетать на седьмое небо, видя, что ей тоже радостно, что счастье светится в чудных женских глазах. Они рисковали не добраться до посёлка сегодня...

– Ромка, куда?

– Иди за мной. – Он вошёл первый в свою комнату и резко остановился, а Лерка от неожиданности воткнулась носом в его спину.

В следующую секунду она обомлела: повсюду наблюдались следы пребывания двоих, разобранная кровать, трусы и лифчики разбросаны в самых неожиданных местах, бокалы, тарелки, чашки, даже недопитые бутылки, видимо на любой вкус – в двойном экземпляре.

– Народ, к разврату будь готов? Всегда готов! – Слова слетели с леркиных уст сами собой. – Какая тебе досталась неряшливая дама, не повезло. Ну, правильно, наш рейс должен был прилететь завтра, у вас был ещё один день в запасе. Где у вас гостиница?

– Лера, прекрати! Надо быть полным идиотом, чтобы притащить тебя сюда, в этот бедлам. Наверное, я бы нашёл способ привести своё логово в порядок. Но меня здесь не было больше двух месяцев, это какой-то нонсенс. Надо разобрать-

ся.

– Вот и займись разборками. А я устала. Не подходи ко мне! – Она заорала, как будто её пырнули ножом.

Хотя почему, как будто. Её сердце с пронзённой дырой, душа, перевернувшаяся вверх тормашками, и бурлящие мозги, в купе представляли собой именно кровоточащую рану.

– Послушай, призови здравый смысл. Тебе любой скажет, что я жил в гарнизоне, а последние дни в аэропорту. Пусть я для тебя прохиндей и ловелас, но не идиот же! Пойдём отсюда, у меня теперь есть небольшая квартира, она была мне не нужна, и там жил мой сослуживец. Он перевёлся, а я не успел навести в ней порядок.

Лерка его не слышала. Она прислушивалась к себе, боясь спровоцировать приступ. Слава богу, Алёшкин – профессионал, он поставил её на ноги. И силы есть, и мозги восстанавливаются, и способность дышать ещё не оставила. Она развернулась и пошла, куда-то... Трошин со всего маху дал ногой по чемодану, что-то тренькнуло, но ему было не до этого.

Он поселил её здесь же, в другом номере, и до момента, пока перед его носом не закрылась дверь, они не произнесли ни слова. Лерка рухнула на кровать, грязная, голодная вобла, отбитая как для употребления с пивом...

Проснулась от холода. Она даже не накрылась, настолько была раздавлена «пламенным» приёмом. Не успела открыть глаза, как картинка нарисовалась во всей красе. И в ушах за-

звенело: «... Но не идиот же!» Да, что-то не складывается. И вообще, если ему так великолепно здесь живётся, зачем нужна Лера? Посмеяться? Ну не до такой же степени... Она преодолела тысячу километров, чтобы поймать приключение на ж...? Лера закусила удила: она докопается до сути, чтобы уже разрезать этот гордиев узел. Раз уж Валерия Трофимова оказалась здесь!

В коридоре стояла гробовая тишина, слышно было даже собственное дыхание. Нужно было найти комнату Романа, забрать чемодан. Мог бы, хотя бы это сделать. Она боялась ошибиться и стала прислушиваться, останавливаясь под каждой дверью. Хотя, как бы это помогло? Со стороны всё выглядело очень даже странно...

– Ба, у нас завелись домушники? Это что-то из области непостижимого. Да ещё и кто? Валерия Трош... Ой, простите, Трофимова. – За спиной у Леры стояла ... Илона.

Как можно было так беззвучно подкрасться, непонятно. Вот только её здесь не хватало. Но Лерка уже вышла на тропу войны.

– Не могу сказать, что рада тебя видеть, но не могла бы ты показать комнату Трошина, мне надо чемодан забрать.

– А как? Она же закрыта. Хотя у меня есть ключ, но без его разрешения не могу тебе его дать.

– Да и не надо. Просто разбуди. Или я сама, если ты боишься.

– А будить некого, он у своей поварихи дрыхнет. Здесь

у него только девочки-припевочки, официантки и связистки, а там, – она мотнула головой в другой конец коридора, – любовь всей его жизни, заведующая столовой. Я могу много чего тебе порассказать о жизни твоего бывшего, но ведь ты не за этим сюда приехала. А зачем?

– Послушай, призрак ночи, ты поможешь мне или нет? Тебе на службу завтра не надо? Уже за полночь, по-местному.

– Хорошо подготовилась, изучила обычаи и географическое положение. Нет, не помогу. Иди к поварихе, разбуди его и решайте свои проблемы сами. По этой стороне последняя дверь. А я спать, мне уже местечко нагрели, и твой Трошин мне на фиг не нужен.

– Ну да. Поэтому ты и приехала сюда, в чудное курортное место, и сказки рассказываешь про белого бычка, вернее, медведя. Фокус не удался, я не верю ни одному твоему слову. Спокойной ночи, сестра Grimm!

Глаза Илоны сузились, губы затряслись в безмолвной злобе, кулаки сжались до белых косточек. Она сейчас убьёт Лерочку, такую хорошую девочку, правда, полную дуру. И поделом...

– Что тут происходит? – Громкий шёпот вонзился в раскалённую атмосферу спящего коридора.

К ним, смешно перебирая ногами, приближался старичок, явно представитель северного народа.

– Ты что здесь делаешь, Илонка! Опять бузишь? Иди на

свой этаж, пока я очередной раз не доложил, что ты крутишься возле двери майора. Без разговоров. А вы, видимо, жена этого самого майора? Санта-Барбару здесь устроили. Ночь на дворе, хотя какая ночь, они ж белые ноне. Но вам не привыкать, вы же из Питера?

– Здравствуйте! Мне бы в комнату Трошина попасть, там мой чемодан. Это возможно? При вас, при свидетелях, так сказать.

– Не получится, красна девица. Его вызвали ещё вечером, вам он не достучался, а после известных событий и мне не доверил новые ключи. Странная история, дело рук Илонки, паршивки, больше некому. – Доложил он шёпотом на ушко. – Так что, ждите утра. Пойдёмте, я вам покажу, как можно сотворить ночь в комнате. Да и ваш муж оставил для вас кое-что. Илона, спать!

Но когда Лера забирала красивый пакет в ярких букетиках лесных цветочков, прибалтийская матрона стояла у неё за спиной и пыталась заглянуть внутрь, даже не скрывая любопытства.

– Что такое? Тебя так интересует, что там? Грамоты и благодарности для тебя, точно, нет. Хотя, подожди. – И вытянула красивую открыточку. – Ой, прости, это тоже мне. Гуд найт, дамы и господа.

Ромка проявил чудеса подхалимажа. Красивая, цвета мяты, пижамка на кнопочках, в колокольчиках ландышей, была явно постирана и даже поглажена. Нижнее бельё, полотенце,

туалетные принадлежности и пара колготок. Всё правильно, плюс десять в июне на этом краю земли – подарок. Коробочка любимой сливочной помадки, плитка горького шоколада и бутылка минеральной воды. Да, Роман не мог всё это приготовить вчера, после прилёта Леры. Он бы просто не успел. Значит, подготовил заранее. Образ злостного изменника и обманщика продолжал рассыпаться. Так, мыться и спать, утро вечера мудренее. И уже лёжа в постели, открыла открытку.

«Если ты уедешь, я умру. Без шуток. Я люблю только тебя!»

Тихий стук в дверь, сразу же вызвавший у Лерки и панику, и радость одновременно, топанье голых пяток по полу, и опять в постель. Трошин вошёл, внимательно посмотрел на неё и молча отправился в душ. Надо попить водички. В животе заурчало от голода, очередной кусочек шоколадки проглочен, как кобелём муха. Накрывшись с головой, невеста без места пыталась утихомирить своё сердце, повисший в воздухе запах её любимого будоражил и возбуждал. Ей не надо сейчас всего этого, похотливое желание – плохой советчик в серьёзных делах. Но...

Одеяло сброшено, Лерка захвачена в плен, губы запечатаны жарким поцелуем, сама зажата в кольцо мужских рук. Она ещё пыталась рыпаться и выворачиваться, но куда там... Да и зачем, ведь её тело уже сдалось на милость мужчине, единственному, любимому, родному. Одни только прикос-

новения его губ, ласкающих шею, грудь, плечи, вызвали у женщины взрыв радужных эмоций, осколки которого разлетелись во все стороны и накрыли её упоительным предвкушением наслаждения. Лерка выпустила свою страсть из-под контроля, улетев вместе с ней в омут сладостных мгновений, запрятанных, а теперь вылезающих на свет божий. Да пошло всё к чёрту! Кнопочки на пижаме быстро освободили жаждущее женское тело, она не давала Ромке оторваться от её губ, выгибаясь и впиваясь ногтями в плечи, цепляясь за шею, обвивая его и руками, и ногами. Как они не сожрали друг друга? Как не проглотили? Он перевернул свою девочку, уложил её на себя и, держа на вытянутых руках, стал выцеловывать самую искусную грудь на свете своими горячими губами, нетерпеливым языком слизывая сливки с торчащих больших сосочков, пока не впился в них, настроенных только на его волну. Лерка слетела с катушек, получив громадную порцию сумасшедшего удовольствия. Этот мужчина заставил её освободить себя для него, вспомнить, что нет ничего прекраснее их переплетённых тел, дорвавшихся друг до друга.

Любимая женщина ловила его губы, жаркие и ненасытные объятия не давали никакой возможности вырваться из плена. А и не больно-то хотелось! Прикосновение женского тела, как электрический ток, туманило сознание, и Ромка никак не мог удовлетворить своё влечение. Как он мечтал об этом, эта грудь, как два полушария с чувственными бугорка-

ми, снилась ему чуть ли не каждую ночь. Ну как оторваться? Как отпустить от себя эту красоту? А Лерка, изнывая от вожделения, сладостно постанывала. Она уже не могла ждать, нетерпеливо вонзаясь руками в его плечи, завлекала в свои чертоги. Ноги поползли в разные стороны, обжигая жаром женского естества, губы присосались навеки, грудь манила, заласканная до основания нежными мужскими руками. Он знал все её точки «джи», а она опять доверяла себя целиком и полностью, следуя воле победителя, её героя, мужчины всей жизни...

– Не выходи, полежи на мне. – Всё произошло так быстро, леркино тело, провалившись в состояние неистового блаженства, вспомнило процесс получения сексуальных утех и требовало продолжения.

– Я раздавлю тебя, так и не доставив всех благ, которых ты заслуживаешь, у меня на тебя большие планы. Что тогда?

– Пожалуйста, расслабься, я хочу почувствовать тебя всего, впустить любовь и веру в мою душу окончательно и бесповоротно. – И стала водить тонкими нежными пальчиками по его плечам, спине, шее, словно изучая заново все рельефы и выпуклости мужского тела.

– Ты как вспоминаешь меня...

– А я и не забывала. Просто, очень соскучилась...

Рома вскочил, сгрёб Леру и уволок в душ. И там, под тёплыми струями воды, всё время держа её на руках, закрутил сумасшедший водоворот взаимного наслаждения, уто-

пив последние сомнения его любимой женщины.

– Надо что-то придумать, чтобы не отрываться от тебя. – Лерка лежала под крылом своего ненаглядного, прижавшись к его боку всем телом. – Вот как отлепиться? Ну, может, когда наемся по уши. Но это вряд ли... Ой, как я хочу есть, этот шоколад только провоцирует аппетит.

– Какой же я дурак. Одеваемся. Пойдём в нашу столовую, там ...

– ...Твоя повариха. Это она научила тебя так готовить? Я не пойду, мне надо подготовиться к встрече с твоими профурсетками. Я собираюсь здесь жить. Ведь это возможно? Я видела детей и женщин, явно офицерских жён.

– Милая моя, я даже не мечтал об этом. Но это потом. А сейчас мы пойдём в ресторан.

– К твоим официанточкам? Не пойду.

– Да откуда ты берёшь всю эту гнилую информацию?

– Почему гнилую? Ты же не отрицаешь любовной связи с мадам Картошкой?

Трошин сел, подтянул Лерку к себе и, глядя в глаза, прямо и честно выдал свою тираду.

– Не отрицаю. Но ни о какой любви не было и речи. – Он поймал подскочившую голышню, вмиг взбрыкнувшую, реакция на его слова была предсказуема. – Ты же только минутой назад не хотела от меня отлипнуть? А я и так не отпущу тебя никуда, мне никто не нужен, только ты. Дослушай, пожалуйста.

Трошин усадил Лерку, как девочку, к себе на колени, накрыл одеялом, поцеловал. Осталось только покачать и колыбельную спеть. Или марш?

– Я выбрал взрослую, ничего от меня не требующую, кроме секса, женщину. Будущее не сулило ничего хорошего, влюбиться я уже не мог никогда, потому что всегда любил только зеленоглазую красотку, Валерию Трофимову. И когда окончательно понял это, ты была уже далеко от меня. Прощу, давай выкинем всю эту мишуру из нашей жизни, за чем-то же господь бог дал нам сына и возможность начать всё сначала? Я уверен – это награда за любовь. И я очень тебя люблю. А ты?

– Ты меня об этом спрашивал тысячу раз. А я – однолюб-ка.

Лерка опять потянулась к его губам, как-то весь мир зациклился на них, и, обхватив руками лицо Ромки, стала целовать, завалила на кровать и... Поели, и первое, и второе, и третье... А потом она просто заснула, уткнувшись носом в его плечо. Укатали Лерку сексуальные горки!

«Моя девочка, солнышко моё, родная кровиночка! Такая нежная и страстная, милая, красивая, неповторимая... Внешне тонкая и звонкая, а внутри – кремень. Через что тебе пришлось пройти по моей милости, сколько вытерпеть, пережить, переосмыслить? И не сломаться, остаться такой же Лерочкой Трошиной, девочкой с нашего двора, близкой и страшно притягательной. С того самого дня, выпускного, ко-

гда я, Ромка Трошин, утонул в зелёных глазах, вспыхивающих золотыми звёздочками, встречая рассвет на реке. А потом и получил по заслугам, испепелённый метающей стрелы королевской особой. И всё, не было дня, чтобы я не вспоминал о маленькой королевешне, предаваясь мечтам и грёзам».

Как он собирался прожить без неё жизнь? Роман никак не мог наглядеться на свою красоту, тихо сопящую рядом, прилепившуюся к нему всем телом, и улыбаясь чему-то своему, светлому и радостному. «Господи, благодарю тебя, ты вернул мне смысл жизни!»

И буквально через несколько часов он убедился, что это не просто слова...

Ему позвонили, и он отправил Леру вперёд. В его комнате уже навели порядок, а чемодан всё ещё оставался там. Войдя, чуть позже, Роман чуть не бухнулся оземь: на полу сидела его девочка, вся в слезах и руки в крови. В глазах потемнело, он бросился к ней, схватил за запястья и ... прилип.

– Мама тебе варенье твоё любимое, айвовое, передала. И вот! – Всхлипывая, растолковала рёва.

И он вспомнил, как шандарахнул, в сердцах, по чемодану ногой...

– А пошто рыдаете, сударыня? – Он произнёс эту фразу, одновременно выпуская воздух из лёгких, ведь секунду назад его сердце скрутилось в узел от вида «пострадавшей» Леры.

– Так все вещи про-па-а-ли-и... Как я покажусь алчущим

тебя бабам? В пижаме? Или, может изобразить ню? Чтоб запомнили на всю жизнь.

Роман поднял её, затащил в ванную, отмыл сладкие потёки.

– Вот варенье очень жаль, такая вкуснотища, но восстановлению не подлежит. А вещи? Не смеши меня, сегодня же возродим твою коллекцию от кутюр в ещё более лучшем виде.

– А пойду я в чём восстанавливать, в твоих спортивках и майке? Или форму одолжишь? Я согласна только на генеральскую. Своё дорожное я уже постирала.

– Ну и прекрасно, есть повод никуда сегодня не выходить. Только за едой. Пошли. Ты пока разберёшься в масштабах одёжной катастрофы, а я сгоняю в магаз. А то ты у меня поmrёшь раньше срока.

Почти всё пришлось выбросить. Но любимый свитер и запасные джинсы чудом оказались нетронутыми. Переодевшись и собрав теперь уже одёжный мусор в большой пакет, Лерка пошла искать, куда его выбросить.

– Рома, я очень скучаю, пожалей меня, не отталкивай. Она же уедет, и мы сможем...

– Нет, пойми ты уже, я не вернусь. Ты же прекрасно понимала, что наши отношения не навсегда. Да тебе только пальцем щёлкнуть, и у твоих ног выстроится очередь. – Голос Романа звучал как-то нежно и извиняюще, ему явно было жалко женщину, с которой он общался.

Валерия застыла. Если пойдёт вперёд, наткнётся на пассивию Ромки. Не хотелось бы в домашнем виде... А если назад, рискует выдать свой отход. Что делать?

– Да не нужен мне никто, Ромочка. Все последние месяцы я только и живу надеждой вернуть тебя. Но поцелуй меня, хотя бы, пусть и на прощание.

Лерка зашуршала пакетом и решительно ступила вперёд. Ну, уж фиг вам!

Полная, симпатичная женщина даже вздрогнула и отшатнулась от майора, не успев зацепить его губы. Да и как? Высокий Трошин не помог ей, он стоял как корабельная сосна.

– Добрый день! Не подскажите, где у вас тут...

– Прямо, в конце коридора налево, там увидите. – Повариха даже не рассматривала Лерку, как конкурентку себе, она заглядывала в глаза Романа и ждала, когда же эта незнакомая серая мышка уже удалится.

– Роман, будьте любезны, отнесите туда, куда сказали. А мне ещё собираться.

Повернулась, запела какую-то мелодию, но конец разговора долетел до неё.

– Это она? Ты с ума сошёл! Да она же...

– ...Моя любимая женщина, мать моих детей и самый лучший и преданный друг! Я её ни на кого не променяю. И закончим на этом.

Вернувшись через полчаса с пакетами и коробками, Трошин не нашёл Леру. И сумочки тоже не было. А больше у

неё ничего и не имелось. Ушла? Куда? Он рванулся на выход и услышал её голос из подсобки на проходной.

– Спасибо вам большое, ничего нового вы мне не рассказали. Я пойду.

– Не, посиди со мной, допей чай. Специально для тебя транспорт не попадут, девонька моя. Ждать до завтра придётся, хошь-не хошь. Пересядь-ка на диванчик. Вот так. Ну, и ну...

Трошин влетел в каморку.

– Тихо! Девочка спит, не видишь, что ли? Только до подушки добралась и отрубилась. Она за тобой следом выскочила. А там Илонка, как будто ждала, зараза. Я ж её и вчера гонял, бывают же такие бесстыжие! Ну, твоя боевичка ей по морде и заехала сумкой. Я еле успел между ними вклиниться, а то бы от девочки остались рожки да ножки. Затолкал к себе, её трясёт не по-детски, я чаю с морошковым бальзамом налил, потом вторую чашку. А оно, вишь, что получилось? Захмелела девка, слабая до алкоголя, я ж не знал. Ты уж прости. Не трогай, пусть поспит, я её в обиду не дам. И не отпущу. – Комендант выдал тираду на одном дыхании, явно, жалея и симпатизируя Лерке.

– Она не ела толком дня три, устала, негатива нахваталась, вот и...

– Иди уже, стол накроешь, придёшь. Ты, майор, с бабами своими разберись уже, холостяцкие замашки тебе, видать, и самому надоели, раз привёз свою королеву. Смотри в оба,

не потеряй в лишней суматохе. Я – старый оленевод, сразу понял, что не так просто она сумкой воспользовалась. Видать, переполнилась чашка последней каплей. Не надо было её сюда тащить. А! – Он махнул рукой. – Всё равно нашлись бы доброжелатели, спрос на тебя уж больно велик. Что-то беспокойно мне.

Старик поправил плед, Лерка даже не шелохнулась...

– Солнце, просыпайся, надо поесть. – Роман давно перенёс своё сокровище в комнату, крутился около стола и поглядывал на неё. – Солнышко моё, мне темно без тебя, без твоих лучиков. Помнишь рассвет на выпускном? – И осёкся, не самый удачный пример.

– Как не помнить первое предупреждение не связывать с тобой жизнь? – Она открыла глаза, как будто и не спала, пристально вглядываясь в Романа. – Тебе не кажется, что здесь слишком много твоих бывших на один квадратный сантиметр?

Она встала, подошла к нему вплотную и, задрав голову, уставилась, не моргая, в его глаза. Ему стало жутковато: неестественность круглых остановившихся глазюк, прямая спина, высоко задранный подбородок – как манекен в магазине одежды.

– Даже, если я поклянусь, что мне наплевать на «это», ты не поверишь. И правильно, потому что тебе «это» не всё равно. Зря, зря так реагируешь, я только твой, поверь мне. Лерка, мы завтра уедем на недельку в одно чудесное место, ты

и я. Нам нельзя допустить, чтобы кто-то опять встал, между нами. Ведь да?

– Ты не должен допустить. Ты! Почему не оградил меня от последствий явных вакханалий? Почему позволяешь себе сочувствовать любовнице, выслушиваешь её, жалеешь? Это что такое? И откуда эта Илона Падловна знает о цвете моего нижнего белья и пижамы, которые я сама только вчера увидела? А? Ты понимаешь, что я дошла до того, что ударила её? А что дальше? Дуэль? Русская рулетка? Харакири? Я, явно, погорячилась, когда сказала, что приеду сюда жить. Ромка, что делать? Отдать тебя им, значит, остановить сердце, выбросить ключ от завода и жить ради детей. Невесёлая перспектива! Зачем я приехала? Зачем устроила себе очередное испытание? Почему ты молчишь?

– Жду, когда у тебя закончится завод, отберу ключ и буду заводить свою любимую женщину только на позитив. Вот увидишь, мы будем счастливы, начнём все сначала, с чистого листа, оставив только хорошие воспоминания из нашей непростой прежней жизни. Я научу тебя доверять мне, верну любовь и надежду на будущее. Иначе никак, у нас нет другого пути. И если у тебя остановится сердце, то я боюсь подумать, что может стрястись со мной. Но зачем нам всё это? Иди ко мне, дай свои ручки. – И зацепил мизинцем пятый пальчик Лерки. – Ну всё, успокойся, мирись – мирись и больше не дерись. Сумками, тем более. Где твои королевские манеры? А вообще-то, поделом ей, как ты говорила, Падловне?

– А тебе больше нравится Илоночка – я ваша навеки? Или, простите, не знаю имени, Картофелина с бюстом на двенадцать персон? Может, ещё кто? Ты не стесняйся, оглашай весь список, только без подробностей. Можешь, в письменном виде. Я по дороге почитаю, от скуки. Когда у вас первый транспорт в аэропорт? Да я сама узнаю...

– Ну, вот что! – Голос Трошина завибрировал, меняя тональности и путаясь в нотах. – Я рассказал о поварихе только потому, что тебе бы всё равно донесли. Да та же Смирнова! Лера, не додумывай ничего, уже несколько месяцев, как вернулся, я живу только тобой и нашими малышами. Я уже говорил, что не хотел мешать твоему счастью с Андреем, его отношение к тебе не утаилось от меня, одни взгляды в твою сторону говорили о многом. Ну, дурак, дурак! Я...

– Не надо ничего объяснять, Рома! Твоё имя соответствует твоему видению мира: Роман любит романы. А я – иронические детективы. Несостыковочка. И вообще, мне нужно в душ.

Она слышала стук в дверь, потом звонки и, зачем-то, звук проворачивающегося ключа. Выйдя, поняла: её заперли. Ах, так! Быстро оделась, параллельно закидывая в рот кусочки вкуснейшего мяса, схватила сумку и вышла на балкон. Лера успела заметить, что в этом здании все балконы совмещены и расположены по всему периметру строения. Уже через пару минут она была на улице с другой стороны от входа, прыгнув из окна первого этажа. Конечно, ей не скрыться,

Трошину доложат сразу. И что она удумала!?

В столовой никого не было. Лерка прошла на кухню и столкнулась нос к носу с госпожой Картошкой. На бейджике красовалось её имя: Каролина. Ну надо же, Каролина-Картофелина. Смешно.

– Извините, можно вас на пару минут?

Повариха вылупилась, потеряв дар речи.

– Мне нужно уехать. Как можно скорее. Это и в ваших интересах, ведь вы хотите вернуть своего любовника, или кто он там вам.

– Хочу. – Помпушка отмерла, поняв суть просьбы. – Что, прям сейчас? Могу предложить хлебовозку, она как раз едет в сторону города.

Этой женщине не надо было долго объяснять, она ухватилась за возможность выдворить появившуюся неоткуда нахалку, как за помощь свыше, такая удача.

– Куда идти?

Через пять минут несостоявшаяся заново жена Трошина выезжала из городка в хлебной будке. Машину не проверяли, она проезжала каждый день туда и обратно. В небольшом гарнизоне все друг друга знали, корешевали, контроль за своими отсутствовал. Шофёр пересадил Лерку вперёд, и они потряслись по бетонной, с выбоинами, дороге. Но не так всё просто. Через пару часов...

– На связи! – Откликнулся на звонок водитель. – Не понял... А, понял. Так Каролина Карловна попросила, я ж не

знал. Вас ищут. – Это он уже своей пассажирке.

– А далеко ещё?

– Мы и половину не проехали. И потом, мне приказано остановиться и ждать машину. Уж я не в курсе, что там у вас произошло, но у нас приказы не обсуждаются. И неприятности мне не нужны, при всём уважении.

И притулил фургончик на обочине.

– А попутку поймать можно? Или вы меня взяли в плен?

– Таких полномочий у меня нет. Да и попуток тоже. Так что, куковать будем вместе. Дадут добро, поедем дальше.

– Тогда я пойду, погуляю, погодка располагает.

– Только недалеко, а я пока вздремну. – Он был абсолютно уверен, что попутчица никуда не денется с подводной лодки, или с крутого побережья северного моря, что, в принципе, одно и то же.

Лера шла вдоль высокого берега. Отвесные скалы, кое-где покрытые мхом и маленькими кустиками, совсем не пугали, если на них растёт что-то живое. Но как? Прямо из камня? Раздумывая, беглянка немного отвлеклась от своих тягостных дум, и не заметила, как далеко ушла. Похолодало, надо возвращаться. Откуда появилось это животное, Лерка не поняла, местность просматривалась хорошо по всем сторонам света. С неба упало? Или покорило скалы, забравшись с прибрежной полосы? Или спустилось на парашюте? Или... Самое время обдумать эту ситуацию! Большая серая собака, лохматая и неухоженная, очень недружелюбно уставилась на

женщину, оскалив зубы и порыкивая. И вот тут Лера испугалась не на шутку, хотя никогда не боялась псин, у неё было много «знакомых» среди этого рода-племени...

– Ну чего ты, я же тебе ничего не сделала. Не пугай меня, хорошая собачка.

Но «хорошая» животина стала наступать на женщину и теснить её к откосу. Уговоры только раззадоривали собачищу, она всё сильнее и страшнее оскабливалась, покрасневшие глаза метали молнии, во всей напряжённой фигуре животного угадывалось желание напасть, растерзать, сожрать, в конце концов. Лерка стала судорожно вспоминать, что нужно делать в таких случаях. Главное, не махать руками и не бежать, а, наоборот, спокойно стоять, сомкнув ноги и прижав к телу руки. И не поддаваться панике, многие собаки чувствуют состояние человека, его страх и ужас. Особенно реагируют на выделение адреналина, если не отвести взгляд. Нельзя смотреть животному в глаза! А Лерка, как замороженная, уставилась в кроважидные зенки напротив, что подвигло злобную сучку к более агрессивным действиям. «Если она кинется на меня, я даже не смогу воспользоваться своим весом, чтобы прижать её к земле, как рекомендуют, эта зверюга в два раза тяжелее меня»: – последнее, что подумала Лера, отшатнувшись от яростно лающей, даже бешено раздражающейся псины. Скованность движений, вызванная нелепостью положения, сыграла злую шутку: неловко оступившись и сильно ударившись об острый камень, она в сле-

дующий миг полетела вниз!!!

Шлёп! Лерка даже испугаться толком не успела... Она угодила на небольшой выступ в скале, метра три от того места, где стояла, да ещё и на подложку из мха, что и спасло от сильных повреждений. Потрясающе, но справившись с испугом и обследовав себя, обнаружила только неприятную рану от удара по камню ещё там, наверху. Ну и выпрыгивающее сердце. Что дальше!? Собаки не слышно, она, видимо, сделала своё дело, «она может уйти». Кто поможет Лере-королеве? Постояльцы птичьего двора? Морского дна? Тридцать три богатыря и с ними дядька Черномор, вернее, Северомор!? Шофёр, он же должен хватиться её!

– Помогите! Пожалуйста, помогите! – Она орала, теряя силы и надежду, понимая, в какую ловушку попала.

Дело в том, что увидеть её сверху будет очень проблематично, кустики, помятые при падении, постепенно развернулись и скрыли пристанище, спасшее, а теперь и пленившее Лерочку. Она опять сотворила чудо из чудес, спряталась от Трошина и сама от себя... Уже и орать не осталось сил, зубы выстукивали чечётку от холода, хотелось пить и выть, жаль, что луна белыми ночами не сильно выражена... Сходила прогуляться... Каждое шевеление отдавало в рану, залепленную мхом, природным антибиотиком, Лерка где-то об этом читала. На маленьком козырьке, на высоте метров пятнадцать-двадцать над уровнем моря, не было свободы движения, даже толком ноги протянуть не получалось. Лерка

усмехнулась: «Если не протянет, значит, будет жить». Она ещё немного покричала и заткнулась, положение становилось критическим...

«Варенька, Ванечка, как я вас люблю!» Шкодные физиономии поплыли перед лицом взбалмошной матери, слёзы брызнули фонтаном, и, как, само собой, разумеется, накатила тошнота и головокружение. А ведь Алёшкин предупредил – никаких стрессов!

Лерка сильно прижалась к скале, закрыла глаза, попыталась расслабиться. Вспомнила, что в машине сняла свитер и завязала рукавами на талии. Кое-как стащила его, накрылась. Ветровка совершенно не грела, холод делал своё дело, пробирал до костей. Но уж до мозгов, точно, они уже ничего не соображали. Свернувшись калачиком, она стала прислушиваться к себе, губы сами зашептали слова молитвы. Но панические ноты играли реквием в душе, шум моря и крики птиц только увеличивали безысходность её положения. И стынь... А будет ещё холоднее, и Лерка всё равно останется королевой, только снежной...

– Лера! Лера! – Голос Трошина истерично проорал совсем рядом.

«Мне это снится? Или галлюцинации? Или крыша шифером шуршит?» – Лерка даже не пошевелилась.

– Ле-ра!!!

– Я здесь!

Как не слетела дальше по склону? Вовремя откинувшись

назад, опять улеглась, поймав свою бедную головушку.

– Я здесь, Ромка! Здесь...

Дальнейшее, как кадры старого кинематографа, чёрно-белого. Пока ждали спасательную технику, Трошин висел над пристанищем своей бестолковой жены головой вниз и говорил, читал стихи, пел и рассказывал были и небылицы. Он сбросил свою куртку, но она улетела вниз, подхваченная усиливающимся ветром, плед из хлебной машины постигла та же участь. Лерка банально замерзала. Изловчившись, мужики спустили на верёвке очередную куртку. А вытащить таким же образом женщину не получилось, она не смогла извернуться и привязать себя, на каменном уступе была большая вероятность улететь вниз при лишнем движении. Через пару часов спасатели вытянули Лерку в три секунды. Попав в руки Ромки, она, замотанная в тёплое одеяло, расслабилась, принимая с удовольствием тёплые, даже жаркие поцелуи, согревающие её тело и душу. И превращалась в амёбу обыкновенную, а, добравшись да гостиницы, уже была инфузорией туфелькой с парой пушистых ресничек.

– Ну что мне с тобой делать? – Трошин сидел на полу в ванной и выговаривал утопающей в пене Лерке своё «фи». – Ты не даёшь мне ни одного шанса, цепляешься за всякие толки и пересуды, бабские сплетни, бздыкалка моя любимая. Ты хоть понимаешь, что я уже умер там, на берегу? Тебе без меня нельзя, ходячее ЧП. Зачем усложняешь жизнь, хочешь её прожить в передрягах и трагедиях?

– Я хочу прожить с супом, мясом и чаем. А ещё к тебе хочу. – Лерка ушла под воду, была выдернута и... получила сеанс наслаждения пополам с залечивающими процедурами.

Поесть удалось где-то часа через полтора...

Они никогда потом не вспоминали эту жуткую историю, ведь она могла закончиться совсем иначе. Нет, не могла. Несколько лет назад Ромка может и мог бы психануть, не бросился бы в погоню за своей беглянкой, состряпав обиженного мужа. Но сейчас он отыщет её в любой точке Вселенной, ему без Лерки, Варьки и Ваньки одна дорога, к белым медведям. И когда жизнь подбрасывала офицеру Трошину очередные проблемы, а как без них, он вспоминал глаза Лерки там, на мизерном скальном уступе. «Всё хорошо, мой дорогой, всё хорошо!» Она ещё и успокаивала его, здорового дурня, вися над пропастью, а он над ней. И опять же зачем-то Господь устроил им это испытание!?

Следующий приём пищи состоялся в чудесном месте. Русский Север! Стариннейшая земля! Красота, закованная в отвесные скалы, тёмное сине-серое море в барашках, птичьи базары и незабудки. Аскетично, но жутко симпатично. Кучки маленьких голубых цветочков, причудливо изогнутые низенькие берёзки и стройные маленькие ёлочки... А под ними кустики цветущих ягод, разных, в диковинных листочках. И яркое холодное солнце, почти белое, расплескавшее вокруг свои всполохи – хоть картину пиши, шедевр обеспечен.

– Я знал, что тебе понравится. – Довольный Трошин встал сзади, обняв, уткнулся носом в макушку. – Моё любимое место, дарю! Оно наше на целую неделю.

У Лерки перехватило дыхание. Одни, только он и она! Какое счастье! Слава богу, что не заболела после неприятного приключения, старик-оленеvod напичкал её всякими бальзамами, и внутрь, и снаружи. Она повернулась и запрыгала вокруг Романа, пытаясь зацепиться за плечи и зацеловать уже его, мага и волшебника. Как ей всё тут было по душе! Лера прибывала в состоянии полного примирения с жизнью! Свершилось! Она не отдаст своего мужчину никому, слишком тернист был путь в сады Эдема. Им очень хорошо вдвоём, мелкое копание в житие-бытие исчерпало себя, вытолкнув на поверхность свежее восприятие происходящего с ними, новое, но со старыми дырками, как говорил Ромка. Ведь в их прошлом было много и хорошего, чистого, вкусного. А плохое? Оно есть у всех, в разной степени и ипостасях.

Роман схватил её в охапку, закружил, поднял, как маленькую девочку на вытянутых руках и опустил прямо на свои притягательные, такие вкусные и жаждающие Лерку губы...

В неё вселился бес, или бесенесса. Она носилась по скалам, спускалась к морю, прыгала по камням, пыталась кормить гагар, рискованно близко от их базара. Роман замучился вытаскивать её из ловушек и западней. Куда делись манеры леди? Перед ним стояла бандитка Валерка с соседнего двора. И когда пацанка, всё-таки, была атакована птицами,

терпение его лопнуло.

– Что ты хочешь от них? Поселиться в гнезде? А у них нет свободных? Быстро домой, ты наказана.

Надутая Лерка оставшуюся часть дня «изволила онеметь», сверкая своими жёлто-зелёными зенками. Трошин посмеивался, нагружая её всяческими заданиями. Взяв обет молчания, она даже не могла отказаться. Перед сном несносная девчонка вылезла из душа голышом, прошлась по комнате и неожиданно выскочила на воздух. Он и ахнуть не успел, а за окном около пяти тепла. Напяливая на ходу ветровку, схватил плед и, чуть не свалившись со ступенек, скатился на дорожку. Леры нигде не было. Вот так номер! Ромка бегал вокруг домика, орал и звал, бесполезно. Надо возвращаться, включить СОС и одеться, пока сам не превратился в зомби.

Леди лежала на кровати, картинно закинув за голову руки и чуть оголив грудь. Их высочество почивало. Или делало вид. И он понял, что она просто спряталась за дверью, а он с перепугу проскочил мимо. Нет, моя дорогая, так дело не пойдёт! Трошин сорвал одеяло, скинул куртку и завалился на Лерку, намертво впившись в её губы. Какое там сопротивление?! Голос вопиющего в пустыне. Он оторвался, оставив обжигающие, страстные следы от поцелуев на шее, груди, плечах, не реагируя, при этом, на сыпавшиеся на него удары, взбрыкивающие ножки и дерзкие слова. Отпустил, но не насильник же?

– Завтра же отвези меня назад, я хочу домой! – Тут же

заорала Валерия и спихнула его на пол. – И спи, где хочешь! Может, гнездо освободилось? Пойди, проверь.

– Как скажете, карета будет подана утром после завтрака. Раньше просто тыква не успеет вырасти! Да и с феями-крёстными у нас в Арктике напряжёнка. Но и они не помогут, настолько мил не будешь.

Он бросил на пол плед, подушку и улёгся, накрывшись покрывалом и курткой с головой. Быстро уснул, армейская привычка спать в любом виде и в самых сложных условиях не подвела. А ночью проснулся от сопения под мышкой: звезда его очей дрыхла под боком, выпятив голую попу с расплывшимся синяком, напоминая о недавнем приключении, из-под сползшего в сторону Романа покрывала. Она, эта пятая точка, уже заледенела, да и сама худышка была на последней стадии перед превращением в сосульку, не дотягивала «голубая женщина», разрисованная разного размера синячками, до Снежной королевы. Как он не заметил её перемещения? Перебазировав Лерку на кровать и замотав в одеяло, потряс, пытаясь разбудить, и помчался на кухню. А когда вернулся, она сидела в позе лотоса с закрытыми глазами и раскачивалась, как тростиночка на ветру, перегибаясь в талии и скрестив руки на высокой и совсем не маленькой груди. У Лерки была изумительная фигура, даже рождение детей не смогло испортить это произведение искусства. Трошин очень хорошо понимал художников всех времён и народов, изображающих обнажённые женские тела, создавая

шедевры и вызывая истинное восхищение у сильного пола. Чего не скажешь о мужском ню, а в профиль, вообще, чёрт и что и сбоку бантик.

Он заставил ледышку выпить водки. Глотнув, Лерка выпучила глаза, закашлялась и проснулась окончательно.

– Вот скажи, зачем ты меня всё время провоцируешь? Я ведь действительно хочу свить гнездо, вернее, восстановить. И не потому, что место около тебя освободилось. Ты мне мил, мил, очень мил, я так люблю тебя!

– Я уже и не надеялся услышать ещё когда-нибудь в жизни слова любви в твоём исполнении. Как я рад, Лерка. Я тебя обожаю! Ты должна простить меня окончательно, потому что мы возьмём с собой только историю нашей любви, вырвав из неё все грязные страницы, мешающие жить счастливо.

– Я опять должна, я опять на передовой. Как там говорят, надо научиться прощать, обзавестись мудростью, стать асом на предмет, что такое хорошо и что такое плохо. Ну, хоть бы кто-нибудь заикнулся, что нужно просто уметь не обижать и не причинять боль! Ромочка, давай оставим все эти неживые штампы и будем просто жить, с детьми и родителями, с друзьями и знакомыми. Просто жить! Я заканчиваю военные действия, у меня язык заплетается. Напоил бедную барышню. – И, дёрнув его на себя, накрылась счастливым майором, обнимая и всё сильнее прижимая к себе. – И не сползай с меня, я – сильная женщина, со мной бороться бесполезно,

если я уже точно уразумела, что никому тебя не отдам.

Первым делом, вернувшись в городок, они выдраили маленькую, но очень уютную квартирку. Причём, он мыл, чистил, вешал и устанавливал, а она разбирала и выбрасывала его вещи. Трусы и майки были отправлены на помойку в первый же день приезда. Видимо, чтобы не пахло всякими там... вождедеющими её Ромкой. Теперь следом летело всё остальное. Трошин только посмеивался, он почти не ходил в гражданке, да и не просил кое-кого одевать и одаривать его. Они даже обсуждать это не стали. На следующий день расписались, не делая из этого никакого праздника, день свадьбы как был, так и остался днём отсчёта их семьи. И Лерка улетела, чтобы через неделю вернуться к своему мужу, без которого она уже не сможет ни дышать, ни радоваться, ни просто жить!

В аэропорту её встретил Алёшкин и по дороге доложил обстановку. Люда проходила обследование у него в госпитале, в неврологии. Она вернулась из поездки на Восток, куда очень давно стремилась попасть, почти сразу, через несколько дней. Володя узнал об этом последний. Градова никого не оповестила, на звонки не отвечала, и её мама озаботила Римму Ивановну, которая и нашла Люсеньку дома в состоянии полного не стояния.

– Мы не сообщали тебе, иначе бы она нас убила. Но страшного ничего нет. Просто потрясение, шок, какой-то

удар. Я очень надеюсь, что твой приезд вызовет её на откровенность, она вывалит, наконец, гнетущие её разборки с самой собой, наружу, и процесс восстановления пойдёт. Поэтому, ты уж прости, я везу тебя сразу к ней. Можно даже отпустить домой под твой присмотр. Ну, посмотрим.

Люда походила на привидение: такая же прозрачная и трепещущая при каждом дуновении воздуха.

– Лерка! Выглядишь великолепно! Как я рада за тебя! Надо полагать, ты меня бросаешь? – Голос подружки сорвался, глаза вылупились, явно, чтобы не пропустить на свет божий слёзы.

– Людочка, я так соскучилась. Ты не отвечала последнее время, я уже и не знала, что предположить. А ты вон что удумала. Так, ничего не знаю, мы едем домой. Не завтра же я уезжаю. Мне тебе нужно столько всего рассказать, показать, подарить. Давай, собирайся. Отпускаешь, Володя? Кстати, а ты свободен? Поехали с нами, я вам такой ужин сварганю, северный обжор для гурманов.

Так и сделали. Алёшкин затащил свою пациентку с этажа госпиталя на этаж квартиры, ни на секунду не выпуская из рук. И дома ловил каждое её слово и движение, несмотря на безответность и невнимание с её стороны...

– Люда, ты не смотришь на Алёшкина, отводишь взгляд, стараешься не разговаривать с ним. Что-то случилось? Он очень переживает за тебя, это же видно невооружённым глазом. – Лера задала вертевшийся на языке вопрос, еле успев

закрывать за морским доктором дверь.

И «привидение» залилась слезами, Ниагаре делать нечего. Лерка всеми потрохами почувствовала, что дорогой подруженьке нужно выплакаться. Села рядом со стаканом воды.

– Я встречалась с Максимом. Не просто встречалась, а провела с ним ночь. Целую ночь. Я – дура, набитая похотью и глупостью. Не смогла устоять, потеряла голову, как только увидела голубые бесовские глаза! Если бы я знала, что он будет там, я бы хоть как-то подготовила своё сердце и предупредила душу. А так... Случилось, что случилось. И теперь я на дне, на страшном илистом и глубоком дне. – Слёзы как-то сами собой высохли, как будто заменённые ещё большим проявлением чувств, в виде самобичевания.

– И что? Ты любишь его, имеешь полное право...

– Лера, не начинай. Кто, как не ты, понимаешь, о чём я? Зачем лишние слова? Успокаивать меня не надо, я опять ощущаю себя паршивкой и изменницей. Я сотворила нечто, Лерочка! Узнав, что у Володи появилась эта Ольга, я даже самой себе не призналась, что ревную. Мне показалось, что мои чувства к нему стали возрождаться. И он, как назло, крутился вокруг, возился с детьми, очень ощутимо помогал. Ну, ты знаешь. И буквально перед отъездом, тебя уже не было, я попала в его руки, сильно подвернув в боулинге ногу. Римма забрала детей, а он потащил меня домой. И остался на всю ночь, мотая и перематывая. Боль утихла, я заснула, а Володя подвалился ко мне со спины. Лера, я в тот момент

всё вспомнила: и как мне было надёжно рядом с ним, и какой он преданный и верный, настоящий, и какие ночи он мне устраивал, какие слова говорил. И я сама, понимаешь, сама затащила его в водоворот любви и блаженства. Как мне было хорошо, Лерка! Ну что ещё нужно этой дуре, твоей неразумной подруге? Оказалось, что ей всё ещё нужен Стрельцов, давно променявший её и своего сына на научные амбиции, живущий в другой стране с другой женщиной и воспитывающий чужую дочку. Моё место в дурдоме, что и сделал Алёшкин, положив меня в психушку. Как жить дальше? – Это прозвучало как «с этим нельзя жить дальше...»

– Знаешь, что, хватит разборок с самой собой. Ты же не железная, подумай о детях. Где они, кстати? – Лерке нужно было увести этот негативный и чересчур эмоциональный разговор в другую сторону, она не знала, что сказать, как успокоить Людмилу.

– У мамы, она ещё не знает, что я приехала. А про психоз, и подавно. – Она взяла стакан с водой и вылила его себе на голову. – Это вместо пепла...

– Понятно, история не закончена. Промыла немного мозги? Тогда продолжай.

– Я проснулась под утро, меня, как кто-то толкнул. Этого гада не было рядом, а из-за двери доносились нежные и ласковые слова по-русски и по-английски. Он успокаивал свою дочечку, которая, точно, не его, чтобы она не плакала, папа скоро приедет и купит ей весь мир... Ле-ра... Я прозре-

ла в одну секунду. Этот человек не сказал ни одного слова, ни ласкового, ни грубого своему сыну, а этой девчонке... Ты даже в страшном сне не сможешь представить, что я почувствовала в эту минуту. А потом он вошёл и, поняв, что я всё слышала, бросился передо мной на колени и стал целовать с ног до головы, клясться в любви и сетовать на непреодолимые обстоятельства. Он говорил о контракте, о котором и мечтать не мог, о невозможности на тот момент что-либо изменить в личной жизни, что о разводе не могло быть и речи. В общем, нёс чушь и небылицы. Честное слово, если бы этот американец просто сказал, что разлюбил меня, было бы гораздо легче и честнее. А так получалось, что он любит только меня, и что следит за своим сыном, показывал фотографии, уж не знаю откуда. Этот чокнутый профессор открыл ему счёт, присылал деньги, которые до нас что-то ни разу не дошли. Ну и так далее, нет смысла передавать эту галиматью. Ну и вишенка на торте. Максим Стрельцов, осознав, какая создалась ситуация, в один прекрасный момент понял, что он натворил. Наверное, в промежутке между колоссальными открытиями века, когда он телепортировался из какого-нибудь космедуза в человека обыкновенного. И решил, что я не прошу его никогда, что гораздо проще не лезть в мою жизнь, оставить всё, как есть. Главное, его изыскания. Он почти всё время живёт на полигоне, Лариска прекрасно устроилась в шикарном доме, денег там, видимо, немеряно, дети по нянькам, мамаша прожигает жизнь в обществе себе подобных и

т.д. и т.п. Пока Стрельцов всё это пытался донести до меня в надежде на понимание, я его уже не слушала. Оделась, причесалась, почему-то покрасила губы, явно нервно-паралитическое уже стало накрывать меня, и ушла. Он бежал за мной, просил выслушать до конца, но получил по носу дверью моей комнаты. У меня не было ни одной мысли, соображение упало до нуля, извилины выпрямились. Из Люды Градовой вытекала жизненная сила, по капле, но непрерывно. Всё-таки, надежда умирает последней, теперь для меня это не только слова.

– Вот и выброси его из своей жизни раз и навсегда. Ещё неизвестно, кому больше повезло. Лично я уверена – тебе. Представь себе, во что превратилась бы твоя жизнь рядом с этим гением? Ведь тебе необходим был только он, а не его деньги, виллы, развлечения и показательные фотосессии. Стрельцова всё устраивает, ему не нужны лишние помехи слева и справа. И его жена поняла это, как никто другой. И бог с ними. У тебя есть чудесный доктор Айболит. Ну, правда, Люд!

– Да какой доктор! Я не могу смотреть ему в глаза, как ты не понимаешь? Он вычислит меня в одну секунду и тогда всё, конец Людочке Градовой.

– Туда ей и дорога. Зато возродится Люся Алёшкина. Ура! И никто, слышишь, никто не узнает о твоей встрече с Максом наедине. Никто!

– Профессор знает, он меня и отправил назад домой. Видно, что-то понял.

– Насколько я могу судить, там даже муха не пролетит. Ты можешь говорить что угодно, но Володя тебе нужен. Ведь так? Бери себя в руки, сильная моя женщина, выметай из своей жизни надуманные сложности и начинай слабеть, используя надёжное крыло отца твоих детей. Да, отца! Так, пьём чай, зелёный, молочный. Вкусно-т-и-и-ща...

Они ещё немного поговорили о Трошиных, о планах на будущее, даже немного посмеялись над Алёшкиным, таскавшим свою Люську, как хрустальную вазу. И улеглись без рук, без ног: одна с дороги, а вторая, ослабив немного струны своей метушейся души.

Собирали Лерку всем миром. Алёшкин занимался отправкой багажа морем, Люда взяла на себя детей. Она купила школьных принадлежностей на целый класс, чем очень рассмешила народ. А школьной формы у Варьки появилось аж три.

– Ты думаешь, что я буду жить в чуме на Северном полюсе? А продукты и учебники нам будут сбрасывать с вертолёта? Там – цивилизация. Просто холодно. Вот приедете, увидите эту красоту и поймёте, насколько прекрасен русский север.

– Да, ладно. А то не ясно, что тебе везде будет комфортно, лишь бы милый рядом. И в пустыне, и в горах, и в тундре. Но вернётесь вы, всё равно, в Питер. Вот увидишь!

В день перед отъездом, подружки не отходили друг от друга, прекрасно понимая, что расстанутся надолго. Они всё

что-то говорили, как будто боялись пропустить главное. Уложив детей, мама Леры привезла их накануне, сели пить чай.

– Люда, я много думала о последних событиях, анализировала, сопоставляла. Мозги кипели, уж прости. И вот к какому выводу пришла. Эта ваша встреча была послана провидением, дабы показать тебе, что есть что, наконец. Это как последняя буква в жизненно важном решении, понимаешь? Ты зациклилась на самом понятии «любовь», у тебя было своё, чётко выраженное представление о том, какая она должна быть. Но когда всё пошло не так, устои стали разрушаться, истины меркли, душа протестовала, ничего не давая взамен. Ты растерялась. И стала искать, как бы эти твои постулаты приспособить к новым реалиям. Люда, нужно просто их изменить, или заменить, как будет угодно, на новые или модифицированные старые, что ли. Нужно разрешить себе жить, быть счастливой, забыть о всяких гадостях, выбросить, мешающие существовать, воспоминания. Просто жить! Люська, родная моя! Иначе, у нас ничего не получится, и мы опять съедемся в город на Неве, куковать свои дни в самом красивом месте планеты Земля. Неплохая перспектива, но не лучшая. А от отличного искать хорошее могут только недалёкие люди. Мы же не такие?

И уже в аэропорту, отправив Людмилу с детьми в буфет, Лерка отчитала Алёшкина по полной.

– Неужели ты не понимаешь, что чувство вины перед тобой не даёт ей жить? Она не верит, что появление сына от

другого человека можно простить без последствий, так сказать. Она считает, что остаточные явления будут присутствовать всегда. И именно это мешает вам.

– Ну, тут мы с ней квиты, у меня тоже есть сын от другой женщины. И я...

– И ты ей это говорил?

– Это же очевидно.

– Ты ей го-во-рил? Вот так, прямо в лицо? Скажи сегодня же, Володя! Ты ей очень нужен, но Люська сомневается, нужна ли она тебе настолько, чтобы прожить с ней всю жизнь. На другое она не согласится. Я всё сказала, как чувствую, так и выдала, и очень вас люблю.

Когда будущие северяне прилетели и выползли на лётное поле, с ними можно было делать, что угодно, настолько они устали. Памятуя моменты из прошлого, Лерка даже не дёрнулась в сторону Трошина, ожидая дикий восторг от встречи с детьми. Но он подскочил к ней, закружил, сильно прижимая к груди.

– Господи, дождался! Один день без тебя уже мука, а тут целая неделя. Устали? Крошки мои, трошинки маленькие, держитесь за маму, у папы руки заняты. Вперёд, домой!

В машине он обнимал всех сразу. На одной руке по-хозяйски расположилась Варька, а другой он зацепил жену с Ванькой. Всю дорогу Роман чмокал и обнимал своих девочек и своего мальчика.

– Папа, ты процелуешь в маме дырку. Давай лучше мы будем тебя расцеловывать. – И Варька повисла у отца на шее, вызвав ревность у своего брата, тут же выползшего их рук матери и повисшего, с другой стороны, прибалдевшего от счастья отца...

Всё устроилось. Валерии Трошиной предложили вести уроки технологии в школе, а потом и организовать занятия рукоделием для мам. У неё уже был диплом модельера-дизайнера, и она с удовольствием начала вникать в предстоящую работу. Перезнакомившись с женским контингентом, Лера была приятно удивлена и немного раздосадована одновременно. Почти все офицерские жёны имели образование, применить которое им было некуда. Они помогали школе, как могли. Хореограф занималась с девочками, консерваторское образование пригодилось в обучении музыке и создании хора. Иностранные языки тоже имели место быть, выпускницы факультетов романо-германских, восточных и европейских языков несли доброе и вечное в массы. А также небольшая студия-театр во главе с выпускницей ВГИКа и кружок акробатики под руководством цирковой гимнастки.

– Послушай, Рома, а чем вы занимаете своих солдат во время отдыха?

– Им замы по воспитательной работе составляют расписание. А что?

И Лерка поведала о пропадающих талантах молодых жён, о возможности подсоединить их к обучению солдат, желаю-

щих учиться, просто о проведении вечеров по интересам.

– А почему нет? В офицерском клубе простаивает столько помещений. Подумайте.

И они подумали. Валерию Трошину вспоминали в этом городке даже, когда её семья покинула землю северную. И только хорошим словом. А одно происшествие рассказывали всем новеньким.

Если Варька, попав в совершенно другой мир, сразу приспособилась, то Ванька акклиматизацию не прошёл, стал болеть. Бабки забрали пацана, не дав его родителям и слова вымолвить против. Конечно, они были расстроены, но надеялись, что это ненадолго. У мамы Леры освободилось время, и она пропадала в школе с утра до вечера, особенно когда Ромка дежурил. В один из вечеров это всё и произошло.

Утро не задалось, Люда сообщила, что сильно заболела Римма Ивановна, и они с Алёшкиным пропадают в больнице по очереди, детей же не оставишь одних. На вопрос о личном, как всегда, пространный ответ, ничего определённого. Когда же закончится это безобразие? В дверь позвонили, посыльный протянул конверт, попросил расписаться. Раздумавшаяся Лера не сразу поняла, что к чему. Уже в школе страшно удивилась, прочитав о вызове к следователю. Её? За что? И благополучно забыла, неопытная в таких делах.

Школа готовилась к Новому году! Мамочки понапридумывали кучу развлечений для детей и взрослых. Почти всё было готово, оставалось только украсить вход с внутренней

стороны, никак не доходили руки. Женщины с детьми разошлись по домам, в школе остались Варька с учительницей по английскому, Лера и охранница Лидия Степановна, с которой они и принялись развешивать оставшуюся мишуру, причём Лерка сверху на стремянке. Неожиданно в школу ворвалась Илона с каким-то военным.

– Вот она! – Заорала благим матом прибалтийка. – Хватайте её, это она! – И дёрнула хилую лестничку на себя.

Лера не удержалась и со всего маху грохнулась об пол.

– Осторожнее! Что происходит? Что ты творишь? – Закричала Степановна, подскочив к скорчившейся женщине. – Лера, что? Где ударилась? Покажи.

– Похоже, я сломала ногу, зацепившись за перекладину лестницы. Лидия Степановна, вызывайте скорую и позовите, пожалуйста, Варьку. – Как она ещё разговаривала, непонятно, боль пронизывала с головы до ног.

– Что ты придуриваешься, Трошина! Мы твои штучки знаем. Что, отправила своего выродка на материк? А как же, так и вдруг, бесплодная моя! Да за одно то, что ты заставила меня столько лет мучиться от того, что я не совершала, убить мало. Вставай, тебя кутузка ждёт. – И схватила Лерку за руку.

Лидия Степановна встала на защиту, выпятив свою необъятную грудь, и оттолкнула разбушевавшуюся Илону, та была, явно, навеселе.

– Угомонись, профура. Это тебя надо изолировать от об-

щества. Я свидетелем пойду, ты ответишь за нанесение вреда здоровью.

– Гражданочки, успокойтесь. А вы, Смирнова, отойдите на пять шагов. Разрешите представиться, капитан полиции Львов. – И уже Лере. – Валерия Трошина, вы получали повестку? Почему не явились? Заставляете искать вас, беспорядок! Давайте я помогу вам, держитесь за меня.

– Мамочка, что с тобой? – Варька неслась, как стадо носорогов, она бы сейчас смела и слона. – Ты упала? С лестницы? Какой ужас! И папы нет.

– Варенька, успокойся и стой около меня. Сейчас в больницу поедем.

– Вы что, отпускаете её? Ни фигя, никуда не поедет, кроме тюрьмы. Иначе...

– Иначе я буду вынужден отправить вас в вытрезвитель, вы уже и так наворотили, гражданочка!

Кончилось всё тем, что Лерке определили трещину, наложили гипс и отправили домой. Причём, носил её везде страж порядка. Даже в квартиру затащил. Она так устала, что не сразу поняла, что он ушёл. На стуле возле дивана стояла чашка чая и висилась горка бутербродов.

– Дядя Вилли, его так зовут, мам, представляешь, придёт завтра для сдачи... нет, выдачи... ну вопросы будет задавать. И вот, он тебе оставил.

В файле красовалось чётко оформленное заявление госпожи Смирновой.

«Мы знакомы с Валерией Трошиной давно, наши мужья служили вместе в в/ч 0000. Будучи в довольно близких отношениях, мы проводили много времени вместе. Я помогала ей, чем могла: устроила на работу, занималась с дочкой, готовила, убирала, стирала и гладила. Мне и в голову не могло прийти, какой сюрприз ждал впереди. В один прекрасный день я поняла, что она гнусным образом домогается моего мужа. Сначала, находясь в шоке, не поверила. Но, увы, всё подтвердилось, Трошина изменяла своему мужу с моим. Прямых доказательств не было, они шифровались, встречались вне городка. Но их вычислили, и у меня есть показания очевидцев. Я выгнала своего благоверного, но решила отомстить. Роман Трошин повёлся с первого раза, и у нас постепенно возникло взаимное чувство, переросшее в любовь. Видимо, связали одинаковые жизненные неприятности. Мы уже подумывали о совместной жизни, строили планы, стали встречаться всё чаще и чаще. И вот тогда, видимо узнав о нас, разъярённая фурия и устроила страшный скандал посреди всего народа, даже не постеснявшись своей дочери. Разыграла так, что последствия были ужасны. Избила меня, сработал момент неожиданности. Я, опомнившись, только хотела постоять за себя, как эта притворщица увалилась, якобы потеряв сознание. А впоследствии, обвинила меня в случившемся выкидыше и потере возможности стать матерью. И мне пришлось жить с этим клеймом, с этим позором, пока Роман не забрал меня с собой на север. И всё

бы ничего, мы развелись с прежними половинами, устроились, старались забыть этот кошмар, жизнь налаживалась, наша любовь процветала. В моё оправдание сработал и тот факт, что лживая, когда-то подружка моя, забеременела от кого-то буквально через несколько месяцев после диагноза «бесплодие». Ничего не мешало нашему счастью, мы просто жили и наслаждались каждым днём. Но Роман очень скучал по дочке и отпросился посетить Санкт-Петербург. У меня не было возможности поехать с ним, но доверие и уверенность в моём любимом мужчине не вызывали беспокойство, и я разрешила. Вернувшись, Роман потерял покой: бывшая жена объявила его отцом мальчика, подсунув анализ ДНК. Её намерения были понятны: увеличивалась сумма алиментов, появлялась возможность отсудить квартиру. Я доказала, что ДНК – подлог. Документы прилагаются. Мало того, у меня есть доказательства развратной жизни, который вела эта женщина. Они тоже приложены. И это в то время, когда мы с Романом несли тяжёлую, сложную и ответственную службу. Роман Трошин – перспективный офицер, отдающий себя делу целиком и полностью, главным смыслом жизни определив служение Отчизне. Конечно, его моральное состояние не могло не тревожить меня, я прилагала много усилий, чтобы обеспечить покой и крепкий сон солдата...» И дальше – бла, бла, бла... Лерка посчитала дальнейшее чтение этого пасквиля недостойным её внимания.

А на следующий день...

– Льву Толстому делать нечего. Я сейчас расплачусь от миленья, «покой и сон солдата»! А можно посмотреть доказательства?

– Вы не иронизируйте, дочитайте до конца, пожалуйста. А потом я покажу прилагаемые документы. – Строго парировал «его так зовут», Вилли.

– Это выше моих сил. Рвотный порошок и токсичные чернила. Не отравиться бы!

– Хорошо, я доложу вкратце. Илона Смирнова обвиняет вас в клевете, избиении, второй раз уже здесь, а также в доведении заведующей офицерской столовой до сильного нервного срыва. Якобы, ревность и откровенная травля вынудили её покинуть север, о чём многие до сих пор жалеют, уж больно хороши были обеды Каролины. Ваша подружка проделала колоссальную работу.

– Ну да, поэтому она не предъявляла свои обвинения сразу, на такие измышления нужно время. И что? Меня посадят? В одиночную камеру?

– Смешного тут мало, так просто вы не отвертитесь.

– А вам не пора? И вообще, у меня бюллетень, приходите позже.

– Оставляю бумаги, это дубликаты. Ознакомьтесь досконально, вам предстоит отвечать в суде. Таков порядок.

– Спасибо за предупреждение, но презумпцию невиновности никто не отменял.

Он ушёл. У Леры ничего не болело, она даже смогла пе-

редвигаться по квартире. Проводив проведавших её коллег, ощутила усталость и странную слабость. Попив чайку, девчонки Трошины уснули. А утром проснулись под звуки, доносящиеся с кухни. Вилли что-то готовил.

– Проснулись? А я чай новый заварил. И оладушков на жарил.

– А как вы сюда попали?

– Несложно войти в открытую дверь. Пейте чай, он придаст вам силы.

Вилли Львов явно симпатизировал Валерии, ухаживая и исполняя роль хорошего друга. Но было совершенно очевидно, что рассчитывал он на большее.

Вернувшийся с дежурства Роман застал в своей квартире странную картину. На кухне мужчина в полицейской форме с закатанными рукавами, наполовину расстёгнутой рубашке и в фартуке, кашеварил, по-хозяйски гремя посудой. За столом сидели Варя и ... Илона. А Лерка дрыхла, даже не поведя ухом на шум.

– Что здесь происходит? – Бросив сумку, Трошин подскокил к жене.

– Папочка, ура! А мама заболела. Мы её лечим. А тётя Илона рассказывает, какая я хорошенькая маленькая была, а она меня нянчила.

– Лера! Ле-ра. – Он тормозил спящую женщину, бесполезно.

– Варенька, иди помоги дяде Вилли быстрее накрыть на

стол, если твоей маме параллельно. Видишь ли, Рома, Валерия напраздновалась так, что сломала ногу. А вчера опохмел с продолжением закончился ещё и ...

– Не утруждайся, оставь свои инсинуации для других, здесь дураков нет. И прошу покинуть мой дом. А вы, товарищ капитан, каким ветром?

– А он маму хочет в тюрьму посадить, а меня в детдом сдать. Не буду я ему помогать, он плохой.

– Ну, всё. Если не хотите слететь с лестницы парочкой голубков, будьте любезны освободить помещение по доброй воле. – Майор устрашающей фигурой возвысился над невысоким полицейским.

– Зря вы так. Тем более что мне нужно задать вам пару вопросов.

– Это к военной прокуратуре, только они имеют право на это.

– Ромочка, мы же за тебя волнуемся. Ты не представляешь, с кем связал свою жизнь, дорогой мой!

– Ты ополоумела? Или я непонятно объясняюсь? И молча, комментарии излишни. Вам помочь? Да вы сами друг друга оденете и узвездите уже, наконец, дорабатывать ваш неудавшийся сценарий. А, кстати, что планировалось, трагикомедия или просто фарс?

А Лерка спала. И только нашатырь привёл её в чувство.

– Ой, Ромка! Ты уже приехал? А сколько времени? Я столько проспала? – Ужаснулась его жена. – И ничего не при-

готовила, кошмар.

Она попыталась подскочить, поздно вспомнив о гипсе, и завалилась прямо к ногам мужа.

– Лерка, ну что ты! Аккуратно.

– У меня совсем нет сил, ничего не понимаю.

Вот это «нет сил» очень насторожило Романа. Подтащив Лерку к столу на кухне, подsunул ей картошку, и, пока готовился новый ужин, приготовленный Вилли был выброшен, вытащил из неё объяснение происходящего.

– А этот коп ей поверил. Чем она его взяла?

– Наверное, тем же, чем и тебя, в своё время. – Лерка полыхнула своими зелёнками, включив маленькие жёлтые фонарики. – Смысл жизни твоей пассии – извести меня и заполнить альфа-самца, так ты потряс её воображение. Забыть не может, или ты периодически возрождаешь её воспоминания?

Ромка вздрогнул, как от удара, кровь бросилась в голову.

– Ты действительно можешь предположить такое? Ну, тогда и я получил право узнать, где и с кем ты так скакала, почти голая, на фотках Илоны? И, главное, когда?

– На празднике Нептуна в летнем детском лагере, куда мы приезжали на родительские дни. На фото изменён фон. И мы с Людой там кормящие матери, а это выступление длилось всего пару минут. С Андрюшей мы не один раз посещали значные места. И страстно целовались в щёчку, и он пылко объяснялся в чувствах сначала беременной, а потом и зали-

вающейся молоком мамаше. Что там ещё? А, море шампанского и лётчики. Так это наши заказчики и...

Роман присел на корточки, прижал Лерку, виновато заглядывая в глаза, потянулся к губам.

– Моя любимая, моя родная. Да хоть космонавты и инопланетяне. Никому не отдам, не позволю даже помыслить о моей девочке. Не волнуйся, мы их размажем, они ещё не знают, с кем связались.

– Ой, гроза да к ночи. Да я сама никому не дамся, Ромочка. Где же ещё на свете такие необыкновенные глаза, без которых и жить нет смысла. Родной мой, единственный, самый-самый любимый... – Разбитые стёклышки в его глазах сияли, как кусочки калейдоскопа.

– Целуются! – Возмутилась их дочь. – А ничего, что маленькая девочка умирает от голода? Целовальники... – И развела ручки в стороны, округлив глаза.

Остаток вечера пролетел, мамочку жалели и оберегали, помыли, переодели, уложили. А после чая, Лерка была заядлой чаёвницей, она сразу заснула, причём крепко и надолго. Выяснилось, что заварку принесла Илона... У Трошина стали складываться части пазла, и утром он отправился к своему другу, военному юристу. Тот не особенно поверил, но чай на исследование отправил. И когда выяснилось, что в нём нашли львиную долю снотворного, взялся и за расследование.

Через пару дней стало понятно, что с леркиной ногой не всё в порядке. Мама настаивала на приезде в Питер, к Алёш-

кину, а дочь не соглашалась. Ну, куда она без мужа! Но когда местный хирург объяснил серьёзность положения, а Люда уже взяла билет, чтобы забрать Лерку, делать было нечего. Проревев всю ночь под боком Трошина, наговорив ему ласковых слов на год вперёд и выслушав на два, они с Варькой улетели, чуть не опоздав на встречу Нового года. Лерке было всё равно, нехорошее предчувствие не давало ей покоя, какой уж теперь праздник. Только ради детей, она очень соскучилась по сыну, пришлось взять себя в руки. Привезли и Римму Ивановну на денёк, и они с мамой Леры весь вечер о чём-то шептались. А к обеду тётку и Лерку доставили в военно-медицинскую академию, промучили до вечера и уложили в одной палате, назначив жене майора ещё и расширенное обследование нервной системы.

– Лера, ты не устала? Мне нужно с тобой поговорить.

– О Людмиле и Володе? Мне тоже непонятно, почему они ещё не вместе? Что-то произошло, чего я не знаю?

– Да, не будем ходить вокруг и около. Володенька узнал, что в последней командировке Люся встречалась со Стрельцовым. Не знаю, откуда, наше расследование с профессором не дало результатов. Да это и не важно. И то, что она сделала мини аборт, а потом чуть не сдохла, но к нему не обратилась, по понятным причинам, ему тоже доложили. Мой племянник поверил не сразу, но там сыграла какую-то роль Ольга. И тогда он принял решение, дурацкое: вернулся к докторше. Я долго пыталась достучаться до него, вывести на откры-

венный разговор. Володя стоял как скала, застывшая и безмолвная. Лучше бы и дальше молчал, потому что полученные объяснения меня убили. Он оставил попытки вернуть Люсеньку, чтобы та не отдала концы раньше времени. «Она будет культивировать свою вину до конца жизни. И где гарантия, что при каждой новой встрече её любовь к этому учёному мужу не всплывёт и не воплотится в реальность» – выдал мой племянник. Он уверен, что, если бы в её жизни не было его, Алёшкина, она, возможно, родила бы этого ребёнка, чтобы вернуть его отца.

– Скажите, Риммочка Ивановна, вы не осуждаете Люду? Ведь, по большому счёту она...

– О чём ты? Я же женщина. И потом, они не муж и жена. И, даже, не пара. Моему племяннику не хватает твёрдости, он очень похож на своего отца в вопросах любви. И будет жить всю жизнь с нелюбимой, запрятав своё истинное чувство на дне души. Что делать? Люся не знает, что Володя в курсе, мучается, изводит себя. Не понимает ничего. И она, Лера, я уверена, уже всё для себя решила: ей нужен Владимир Алёшкин, только он. Наверное, эта последняя встреча на Востоке утвердила её в этом решении, выкинув Стрельцова из жизни моей невестки (Римма Ивановна с настырным постоянством так называла Люську всё это время). Я её понимаю, любовь – любовью, а жизненное поле нужно преодолевать с надёжным человеком, с достойным и любимым, пусть и без бешеной страсти. И, вот тебе...

У Леры всё перемешалось в голове, ей тоже показалось, что подружка посматривает в сторону морского доктора совсем по-другому, как бы засматривается. Как он раньше на неё.

– Но ведь Володя встречал Новый год с нами, а не с вращихой.

– Это я попросила, семейный же праздник. А сегодня он дежурит, и она может прийти к нему со своими туесками. Подкармливает, пока я тут лежу.

– Ой, и Люда придёт, принесёт мне манатки.

И тут же влетела Градова, на ней не было лица. Стала разбирать пакеты, рассовывая содержимое по тумбочкам и шкафам. Молча. Две пациентки переглянулись и догадались, в чём дело.

– Зачем так много всего? Как ты допёрла?

– Мне не привыкать. Я ещё Володе хотела... – Голос сорвался, она закашлялась. – Но у него всё есть. Так что вам привалило, девчонки. Всё, я помчалась, твоя мама одна с детьми. До завтра!

В дверях они столкнулись, Люся и Володя. Она задохнулась, задержала дыхание и попыталась пролезть мимо богатыря. Куда там. Застряла, сильно прижавшись грудью к его торсу, запакованному в белый халат.

– Алёшкин, пропусти, быстро! Мне домой надо!

– Так Ольга может тебя подвести, что по морозу шататься, и...

– Пропусти, говорю! Мне срочно надо, зачем же прерывать ваше ... общение, такое интимное, уютное. Прямо, завидно. Совет да любовь! Да, отвали, дай пройти. – Она замолотила руками, изворачиваясь, как змеюка, глаза – аквариумы, вот-вот разревётся, чего никак нельзя допустить при нём.

– Люся, что-то случилось? Тебе помочь? Да что такое-то?

– Оставь меня в покое, исполин чёртгов, иди уже, тебя ждут. – Она сильно изогнулась и ударилась головой об косяк. – Отойди от меня на пять метров и ближе не подходи, пока я ещё жива! Капитан Америка, Халк и Илья Муромец в одном лице.

Люська ещё больше взвилась, упоминание об Америке прозвучало совсем некстати. Схватившись за голову, она, наконец, проскочила и понеслась по коридору.

– Доктор, что стоишь? Она же сильно ударилась, зачем отпустил? Володя, догоняй! – Римма уже орала.

Алёшкина снесло. Из коридора послышалось: «Ты куда, Вов?» И тишина... Молчали и свидетельницы взрыва зашкаливающих эмоций. Поболели... Через некоторое время Лера потащила, якобы на обезболивающий укол, никого не нашла, дотащила свой новый гипс до кровати, рухнула и всю ночь не спала.

А утром они разработали план действий. Вернее, сам план придумала мама Леры, а воплощать пришлось им.

Через день заговорщицы выпросились домой. Причём, к

Римме Ивановне. Мотаться между двумя квартирами было неудобно. Да и ухаживать сразу за двумя сподручнее в большей по размеру. Туда можно собрать всех, при надобности. Так и получилось, тётка была страшно довольна, а Лерка поддерживала легенду.

Мама Леры со своими внуками не ночевала с ними, а Люду с её отпрысками обязали остаться на ночь. Всё было продумано. Видя, как женщина зашивается, Володя не сможет просто уйти или остаться у Ольги. Но в первую ночь он позвонил и оповестил, что не придёт. Люда уложила детей, провела все процедуры и завозилась на кухне.

– Лера, иди. Поговори с ней. И помни, что она не должна знать, что мой племянник в курсе. Иначе, она точно засыплет себя пеплом и выключит своё сердце на приём всего доброго. Иди, девочка, водички попей.

Не успев переступить порог кухни...

– Ну, вот почему он не пришёл? Мне становится страшно, вдруг эта Оля уже что-то придумала? Или он влюбился в неё? Вы же сами говорили, там есть во что. Голова кругом.

Люда сидела за столом, опустив голову на руки перед собой.

– Людочка, ты почему не спишь? Устала же.

– Я очень устала, Лерка! Нет никаких сил так жить. Ты же видишь, Алёшкин разлюбил меня. И, если до вчерашнего дня я ещё сомневалась, пятьдесят на пятьдесят, то теперь всё

встало на свои места. Поделом мне, я же понимаю. Только тяжело. Ну, встречается он с другой женщиной, я ему зачем? Он что, будет помогать втайне от жены? Мне это надо? Чем раньше я пойму, что одна, тем скорее моя жизнь войдёт хоть в какую-то колею. А он рядом, в курсе всех моих проблем, заботится как старший брат о любимой сестре. Я так не хочу. Да и не могу, он отец моей дочери, и Лёшка называет его папой. Представляешь? Я вам помогу и уеду. К своим. Мы с профессором уже придумали, как открыть наше представительство при южном университете. Это единственно правильный выход. Пошли спать, а то я и так сильно засыпала раны солью, надо смыть. – И ушла в ванную.

Неопытные подпольщицы растерялись. Ситуация выходила из-под контроля.

– Подождём до завтра. – Подытожила Римма Ивановна. – Володя придёт обязательно. Наша задача, оставить его ночевать. А там посмотрим. И болеем, нам нужен уход.

– Да я себя нормально чувствую, все бока уже отлежала. Хотя бы готовить я могу? Ту же картошку.

– Ладно, помогай. Но не забывай о «своей слабости». А я ещё пару дней полежу, ради дела.

Алёшкин появился как раз к обеду. Люда старалась приготовить такие блюда, которыми можно было накормить и детей, и женщин, и здорового мужчину. Но именно сегодня гвоздём стола стала запечённая рыба. Одна из них, начинённая квашеной капустой пополам с икрой этой же рыбы,

приготовленная по рецепту мамы Люды, предназначалась, прежде всего, Алёшкину. Он очень любил это яство, и, поймав в поле зрения аппетитного леща, довольненько заулыбался.

– Люська, я тебя обожаю. Вот угодила, так угодила. Дай я тебя поцелую.

Люда дёрнулась, получив чмок в щёчку, и они, эти щёки вспыхнули мгновенно, как маков цвет.

– Лишнее. Я готовила для всех. Ты же столуешься в другом месте? Придёшь – не придёшь, кто знает? Мойте руки, всё готово! – Оповестила кулинарка.

Володя «потух». Он первым вышел из-за стола, поблагодарил. Удивительно, но не предложил помощь, а сразу ушёл в свою комнату. Спать, как он объявил.

– Когда это Алёшкин стал приходить домой днём и укладываться спать? Что-то новенькое. – Недоумевала мама Леры.

– Ночь, видимо, используется не по назначению. Дай бог! Да и жизнь у мужчины перекраивается, тоже дай бог! Скоро, Римма Ивановна, сбудется ваша мечта: семья вашего племянника будет жить с вами. Опять же, дай бог! – Изрекла Люда.

– Что ты со своим богом! Ой, я с вами богохульницей стану. – Римма перекрестилась. – Устал человек, отдыхает. Иди, лучше, чайку ему отнеси, он любит после обеда.

– Кто не давал? Чай заварен, лимончик, мёд, причём трёх

видов, что ещё нужно? А подол в зубах в другом месте, там и поднесут! – Очень спокойно, без каких-либо эмоций, проговорила она. – Так, отдыхать. Я уберу, приду Лёшку укладывать.

Все рассосались. Люда выключила воду, повернулась и уткнулась носом в грудь «уставшего доктора».

– Что происходит? Я тебя обидел? Когда, чем? Я, наоборот, не отвечаю, ты свободна, как птица. Разве не это тебе нужно? А здоровый, взрослый мужчина не может постоянно находиться на коротком поводке, иногда ослабевающим, тем более, столько лет.

– Ну и не находишься, у тебя впереди гораздо больше счастливых лет с любимой женщиной. Да, дай пройти, какого чёрта ты всю жизнь стоишь у меня на пути?

Вот уж воистину, слово – не воробей, вылетело – не поймешь. Морской волк, капитан второго ранга, побывавший в серьёзных и длительных переходах, спасший не одну человеческую жизнь и продолжающий это делать, остолбенел. До Люды тоже дошло, что она ляпнула в сердцах. Градова перестала дышать, вытаращив глаза и ухватившись за плечи Володи. Его лицо покраснело, желваки заиграли танец с саблями, глаза сузились, а губы соорили язвительную улыбочку.

– То есть, я хотела...

– Сказать, чтобы я не преграждал тебе путь. Вперёд! Это больше не повторится! – И грубо сбросив её руки, вышел из кухни, а потом и из дома.

Людка остро ощутила конец света, жизнь выходила из неё толчками, параллельно стуку сердца, которое почти не функционировало. Лучше бы уже сразу, и всё, темнота. А дети? А мама? Она уже ждёт их, дни считает. А Люда, пока, не может...

В проёме стояла Валерия. Она с укором смотрела на подружку.

– Что ты делаешь, Людка! И с собой, и с ним. Ты ломаешь свою жизнь, и его тоже...

– Не надо ничего говорить. Всё понятно и так. Не хочу никому мешать. Всё, Лера, я устала. Разговор окончен.

И так три дня... В доме повисла тревога. Ни Люда, ни Володя, ни с кем не общались. Она выполняла свои обязанности, как робот. А доктор заскакивал, врачевал, оставлял рекомендации и лекарства и уходил, ночевать не оставался. Лерка уже хорошо скакала, гипс сменили на тугую повязку. Римме тоже стало лучше, это лежбище котиков надоело до чёртиков. И они отпустили Люду, она выглядела не лучшим образом, усталость и нервы сделали своё дело. Впору, хоть укладывай её рядом. Мама Леры сообщила, что Люська, добравшись до дома, сразу заснула вместе с детьми, а она вышла в магазин и прогуляться. А когда пришла, заполошная мамаша со своими отпрысками встретила её у порога и сразу же уехала, такси стояло внизу.

– Лера, она уезжает! Что делать? Я не смогла остановить эту куклу с остановившимся взглядом и немым ртом. Но на

тумбочке нашла бумажку с номером рейса. Они улетают в десять вечера, а сейчас только четыре. Куда её понесло с детками? Она же не соображает ничего.

– Мама, звони Алёшкину. Если он не остановит её, никто не остановит. Звони. А я в аэропорт. Не волнуйся, я нормально передвигаюсь. Прыгать не собираюсь. Туда и обратно на такси.

Но в аэропорту Люды не было. Телефон «абонент не абонент». У Лерки возникло опасение, что подружка их провела.

– Володя, лети на ж/д вокзал. Поезд отходит в шесть, скорей. – Вопила Трошина в трубку.

Алёшкин был на полпути в аэропорт, вернуться назад и домчать до вокзала времени, явно, не хватит. Значит, будет догонять. На машине, самолёте, да хоть на воздушном шаре или дирижабле. За последние дни он окончательно понял, что готов забыть все свои никчемные обиды, все выводы и глупые, безмозглые решения. Эти ночи, проведённые в ординаторской в раздумьях, воспоминаниях и душевных муках, вымотали его до дна, до самого доньшка. Ольга звонила, требовала объяснений. А Люська, наоборот, молчала, прятала глаза, ему даже показалось, что они покрасневшие от слёз. И именно сегодня утвердившийся в своём решении браваый моряк отважился на разговор. Он никуда не отпустит свою любимую женщину, это же так очевидно.

Поезд показал ему хвост, и он рванул назад, намереваясь

догнать на машине. Пролетая по залу ожидания, боковым зрением зацепил живописную группку на скамеечке и тут же услышал: «Папа!» Не может быть, но слёзы брызнули сами собой. Большой, сильный, красивый, привлекающий внимание морской капитан ронял скупые слезинки среди толкающих его пассажиров. А женские глаза напротив улыбались в изнеможении, слёз уже не было.

– Володя, я не смогла убежать от тебя...

– Люся, любимая моя... – Он загрёб всех трёх своими ручищами, слов не было, только сердечный мотор работал на пределе сил, а любовь исполняла свои лучшие произведения. – Домой, домой, мои родные!

Пока ехали, стояли в пробках, троица уютно угнездилась на заднем сидении, птенцы под крылом матери. Умильная картинка растрогала Алёшкина, глаза опять заморозили. Что-то он сегодня совсем ослаб. Наверное, пружина раскручивалась, так туго натянута в душе последнее время. Да когда они уже доедут? Как ему хотелось зацеловать каждый сантиметр своей Люсеньки...

Она, как услышала его нестерпимое желание, вылезла из-под детей, села сзади кресла водителя, обняла и прислонилась к его щеке. Володя тут же поймал её губы, Люська потянулась к нему... Сзади засигналили. Оторвавшись, она переползла на переднее сидение, уселась, поджав под себя разутые ноги, и прилепилась к его плечу. Было неудобно, но зато её любимый мужчина так близко...

– Алёшкин, ты – мой самый родной человек, тебе, хоть, это известно? Тебе пришлось немало натерпеться от меня, прости и постарайся забыть. Я больше никогда не принесу тебе боль, не предам, не ...

– Я знаю, Люсенька. У нас с тобой столько хорошего впереди, ты даже не представляешь. Главное, мы любим друг друга, ведь да?

– Теперь я это точно знаю. Я. Люблю. Тебя. Алёшкин!!!

Надо ли объяснять, что морского волка накрыл девятый вал счастья!

Но когда он добрался, наконец, до спальни, его девочка спала, сладко улыбаясь. Причём, улёгшись по диагонали и раскинув руки в стороны. Она безмятежно улыбалась, и ему стало смешно. Он представил себя рядом с ней на оставшемся краешке, свернувшись калачиком или на полу, в том же положении. Ну, уж нет! Богатырь осторожно, нависнув над спящей красавицей, стал одними губами растёгивать пуговички ночной маечки. Освободив обе груди, застыл, прислушиваясь, как в его теле поднимается градус вожделения, всё его мужское естество завопило о немедленном удовлетворении желания. Он так соскучился по Люське, аж в глазах потемнело... Все её трещинки, все родинки, шрамики и даже некрасивый рубец на коленке, воспоминание о детстве, манили и притягивали со страшной силой, подтверждая, что перед ним не сон, а живая любимая женщина. А ведь он уже почти смирился, что потерял её... И в следующую секунду

почувствовал прикосновение к своей груди твёрдых сосочков и горячее дыхание, обжигающее его губы. Хрупкая женщина атаковала своего богатыря страстно и напористо. Завалив на себя, впилась в чувственные пухлые губы капитана, как голодная волчица в свою добычу. Эти губы могли сделать с ней всё, что угодно. Они приносили столько дивных минут, оставляя после себя послевкусие, которое уже ничем невозможно было заменить. Как она раньше этого не понимала? Ощущение крепкого большого мужского тела дополняло состояние блаженства, страстное желание заполучить его, наконец, целиком и полностью, начинало свои дьявольские пляски.

– Дюймовочка моя, я раздавлю тебя. Давай...

– Нет, ни за что. Я хочу прилипнуть к тебе, влезть в тебя, не расставаться ни на секунду. Вовка, я тебя слопаю, а если не получится, то поднакусываю. Самый сладкий, самый вкусный, самый желанный мой Алёшкин... Единственный мой навсегда...

И, действительно, принялась уплетать, впиваясь в губы, в подбородок, шею, во все, попавшие под раздачу, кусочки мужского тела. Прикусывая и причмокивая, сильно прижимаясь к нему, цепляясь за плечи, чётко выраженные мышцы рук и ног, Люська своим неистовым желанием вызывала у любимого мужчины такую же жажду блаженства... Пока не улетела окончательно в вояж «назад в будущее», вспоминая и наслаждаясь упоительными ласками, мечтая о том, чтобы

этот фейерверк не закончился никогда...

И что? Нужно было столько всего пережить, чтобы понять это? Вероятно, да! «Проверено временем и пространством» – фишка Алёшкиных. Экзамены сданы, диплом получен, впереди – новые горизонты, вернее, жизнь, которую ещё читать и читать, учить и учить, применять теорию на практике.

Жизнь на двоих, мир пополам, Вселенная поровну... Ничего не надо объяснять, когда каждое прикосновение отдаётся сладким нервом во всём теле, когда вместо слов – поцелуи, а все вопросы решаются одним взглядом, опустившись на дно любимых и таких родных глаз...

Через неделю провожали Валерию, на следующий день она улетала на север. Счастливая Римма Ивановна, заполучившая в свою квартиру, хвала всевышнему, семью племянника, затеяла пир горой. Все ей помогали, таскались с тарелками и продуктами, толкались, отстраивали детей и хохотали. Смех не умолкал ни на минуту. Звонок в дверь прозвучал неожиданно. На пороге стоял старший Алёшкин. Последний раз он был тут лет пять назад.

– Папа! Ты откуда? Почему не предупредил, я бы встретил тебя. – Сын обнял отца.

– Я проездом из Скандинавии. Узнал о болезни Риммы, решил проведать. Как она?

– Кого я вижу! Какого красивого дядечку к нам занесло! –

Римма Ивановна развела руками. – Проходи, добрый путник, не стесняйся. Чему обязаны лицезреть вас?

– Я пройду. Но сначала выдели мне пять минут.

– Ой, какие мы серьёзные! Расслабься, Алексей! – Римма была в отличном расположении духа и не собиралась его портить. – А ты приехал на семь минут, одна до, одна после и пять на общение? Может, отложим? У нас сегодня сабантуй стихийный, мы столько вкуснятины наготовили. Ну что за спешка!

И папа сдался. К концу вечера он уже был свой в доску. В отличие от своего сына, отец всё время балагурил, много шутил, развлекал детей и разновозрастных девочек. Удивительно, но он называл маленького Лёшку своим внуком и радовался тёзке. Он так и сказал: «Как я рад, внучек мой, дорогой Алексей младший!» Чудесный получился вечер. Проводив Леру с мамой и детьми домой, Люська с Володей неожиданно потеряли старших. Вот только крутились, и испарились. Пройдя по квартире, они обратили внимание на открытую входную дверь...

На лестнице, прямо на ступеньках, сидела Римма, а папа Лёша, стоя перед ней, целовал её руки и заглядывал в глаза, но женщина отводила взгляд.

– Риммочка, я так испугался за тебя. Просто потерял покой. Ты же такая жизнелюбка, никогда не жалуешься, веселишься, а когда печалишься, то как-то не по-настоящему, как будто не веришь, что может произойти что-то плохое. И

вдруг... Ты, правда, хорошо себя чувствуешь?

Володя опешил. Стоящая сзади Люся поняла, что он не в курсе бурной молодости его взрослых родственников.

– А что происходит?

– Ничего, просто столько лет знакомства роднят лучше всяких бумажек. Пойдём, я устала. – И утащила его, только повеяв плечиком.

Если тётка не посчитала нужным рассказать Володе о своей драме, она, тем более, не имеет права. Но эта сцена не выходила у неё из головы. Господи, какая нелепость! Как можно было просуществовать врозь всю жизнь, нося в своих сердцах любовь друг к другу? Такие одинаковые, отец и сын Алёшкины, высокие, от природы сильные и крепкие мужчины, внутренне оказались такими разными. Какое счастье, что именно Володя влюбился в Люсю Градову и не изменил своей любви, подарив и ей это замечательное чувство.

Леру с детьми встречал сослуживец Романа. Погодка была ещё та. Как они сели, непонятно! Но тревога, толком не покидающая её все эти дни, обострилась мгновенно, не увидев своего милого на бетонке аэродрома.

– Здравствуйте, Валерия! Не волнуйтесь, майор Трошин будет ждать вас уже в городке. Давайте скорее, ветер усиливается, надо поторопиться.

Машина, хоть и военный модернизированный Уазик, застряла на полпути, дорога впереди уже не просматривалась.

Это было очень серьёзное происшествие. Офицер ругал, на чём свет стоит, и лётчиков-камикадзе, прилетевших в такую пургу, и командование, не выделившее вездеход, и себя, решившего проскочить, а надо было остаться, убедить Леру не рисковать, а переждать в аэропорту. Ну что уж теперь! Одна надежда на Трошина, уж он-то не оставит свою семью в беде. И, правда, через пару часов они увидели сквозь сплошную пелену снега яркие пучки света. А ведь уже начали замерзать... Всю дорогу их трясло и подбрасывало, Лерка вцепилась в детей мёртвой хваткой, особенно переживала за Ваньку, плохо переносящего холод. А ведь мамочка Леры предупреждала и просила оставить мальчугана. Трошину было, явно, не до них, спасательная операция отнимала всё внимание и силы. Они не перекинулись даже парой фраз. Всё-таки, он непредсказуем, опять «виноватит» жену. Единственные недоразумения в семье Трошиных возникали только на почве детей. Даже, когда Ромка переносил своих родных из машины в подъезд, и их сносило, как пушинок, и засыпало, как снеговиков, он молчал. Зато в квартире царило тепло и вкусно пахло, но злющий Роман портил уютную картинку. Лерка уселась в прихожей, не выпуская из рук ребятишек, перепуганных и уставших.

Они уже проходили подобное в той жизни, в другом военном городке. И так же Лерка терялась в догадках, что, зачем и почему. А закончилось всё очень плачевно. Неужели Трошин прикрывает свои похождения налево, вываливая на

голову жены недовольство ею. А что, очень удобно, мол, сама виновата. У Леры в животе завязался тугой узел, ей стало жутко от своих же мыслей, усталость не давала возможности трезво рассуждать, а, тем более, что-то выяснять. Она подтолкнула Варьку к отцу, а сама потащила сына в ванную, его нужно было срочно согреть. Затащив следом и дочку, усе-лась на тёплый пол и немного расслабилась.

– Мама! А Ванечка воду пьёт прямо из ванны.

Влетел Трошин и, наклоняясь к детям, получил по губам головой от резко поднявшейся жены.

– Ой, извини...те! – Лерка сама схватилась за затылок, искры посыпались из глаз, слёзы брызнули сами собой, и, хотя было не очень больно, обида сделала своё дело.

– Извиняю, иди уже, приведи себя в порядок, я сам разберусь с детьми.

В порядок? После длительного, беспокойного двойного перелёта, с двумя детьми и багажом, а потом ещё и попав в пургу? Лера добрела до кровати, голова закружилась, и она завалилась на подушку, прямо в джинсах и свитере. Давно не посещали её эти приступы, и она надеялась, что это навсегда. В доме не было нужных лекарств, а на улице царил «вариант», не выпускающий никого на свет божий...

Лерка проснулась среди ночи, рядом дрых Трошин. Она медленно поднялась, голова не болела, страшно хотелось пить. Господи, пронесло. Рядом на тумбочке стоял стакан и лежали розовенькие таблеточки. Откуда?

– Ты уже приняла свою дозу. Что, не помнишь? Я тебе с водой размешал, и залил в рот. Мой любимый Лерчик! – Она вздрогнула, ведь он только что спал.

Повернулась, хотела что-то съязвить, но была заткнута горячими изголодавшимися губами и окольцована теплом сильных рук. Он раздел её в два счёта, отнёс в душ, отмыл поцелуями каждый сантиметрик, касаясь своих любимых мест с острым чувством обожания, получая в ответ сияние любимых глаз, мёд родных губ и дикое, какое-то нечеловеческое, наслаждение. И уже до утра они не спали, упиваясь близостью, набираясь друг от друга жизненно важного кислорода, обпиваясь живой водой и заглатывая весомые порции упоительного наслаждения.

Боже, она сейчас превратится в сухой колодец пустыни. Еле освободившись из-под расслабившегося мужа, Лерка поскакала на кухню. Попила, потянулась, неожиданно ощутив на своей груди ручищи своего дорогого. Не может без неё... Он сразу пристроился сзади, прижав её спиной к своей груди и выцеловывая шею, плечи, спину. Они уже давно ничего не стеснялись, занимаясь любовью во всех доступных местах и разными способами. Но когда он вот так, грубовато и по-хозяйски брал её, у неё срывало крышу. Лера ощущала себя самой желанной, самой любимой и единственной женщиной Романа Трошина. Он становился её владыкой, диктуя свою волю и вызывая постыдное желание подчиниться силе, не раздумывая ни секунды. Повернув её к себе лицом,

подложив под аппетитную попу свои руки, Роман посадил Лерку на стол. Она обвила его шею, зависла на губах, играя язычком и завоёвывая рот-искуситель, вызывающий своими чудесными поцелуями самые причудливые мечты и сладострастные надежды. И получала, отдавая себя целиком и полностью, на волю победителя, стараясь продлить миг блаженства. Почувствовать себя единым целым со своим любимым, окунуться в волшебный мир взаимной улады – это ли не пик интимных отношений мужчины и женщины, и для королевы, и для горничной, и для мастера женского бокса!

За окном – стужа, ветер, снег стеной. А у них – дети сопят, вкусный чай с лимоном, пироженки, варенье, в духовке – рыба, в кастрюле – молочная каша. Просто семья, где люди не просто живут вместе, а живут друг для друга. Лера убедилась в этом окончательно, когда соседки рассказали ей, что пришлось пережить её мужу в после новогодние дни.

Когда за дело взялся военный юрист, никто об этом не знал. И, разнюхав, что Трошин остался один, Илона Падловна обновила военные действия. Майор встречал Новый год на службе, поменявшись со своим сослуживцем, который не знал, как его отблагодарить, и пригласил на ужин после дежурства. Они выпили, всё-таки праздник, и Роман, придя домой, завалился спать. Проснулся от запаха готовящегося мяса и чего-то ещё. На кухне командовала латышка, в замочную скважину пролезла, что ли?

– Ты проснулся, мой драгоценный? Всё готово, иди, умывайся и за стол. О! Не торопи события, хотя... – И повисла на его шее, пытаясь обхватить бёдра мужчины ногами.

У мужиков по утрам выпирает из трусов, ну по-маленькому хочет человек, перетерпел. А эта дура подумала... Да пусть что хочет, то и мнит себе. Роман спихнул её руки со своих плеч, чёрт знает что происходит. Он прошёл в прихожую, снял шубу, промаршировал на кухню и надел «мексиканского тушканчика» на глупо улыбающуюся женщину. Крепко сжав, выпихнул на лестничную клетку, она даже «а» не успела сказать. Следом её причиндалы. Но не тут-то было, звезда торчала под дверью часа два и орала всякую ерунду, пока соседи не обратились за помощью в правоохранительные органы. На следующий день Трошин получил предложение, над которым смеялся весь день. Илона Смирнова предлагала обмен: она забирает документы из полиции, а он берёт её в жёны. Короче, дурдом отдыхает. А кончилась эта эпопея, когда она очередной раз пыталась запрыгнуть на Романа, а тот оттолкнул её, немного не рассчитав. Найдя свидетелей и запротоколировав увечье в виде синяка на ж..., Илона организовала суд офицерской чести. Мол, мужчина её сначала завлёл, обещал золотые горы, а потом избил и т.д. Юрист, разбирающийся в деле Трошина, использовал этот балаган во благо своему сослуживцу. И, вырыв себе яму, склочница сама попала туда по обвинению в клевете и нанесении вреда здоровью Валерии Трошиной. Логичный конец!

Сам суд проходил, как раз, в день, когда и прилетела жена майора, его любимая Лерочка. И вот почему он не встретил её сам. Уже через несколько дней мадам-фрау-пани с русской фамилией Смирнова была отправлена... А, чёрт её знает, куда? Главное, подальше!

На следующий день, вечером, Трошина встретила женщина-мечта, стильно одетая и загадочно улыбающаяся. Она сверкала зелёно-золотыми глазами, мягко освещая пространство вокруг себя волшебным светом. Королева! Красиво накрытый стол, музыка, цветочки, фрукты... А умопомрачительные запахи заполнили весь рот слюной у голодного и уставшего офицера. Что такое? С некоторых пор Роман терпеть ненавидел сюрпризы!

– Мой самый замечательный на свете муж! Раздевайся, умывайся и иди за стол.

Войдя в комнату, он обалдел. Его жена сидела на стуле, закинув ногу на ногу, покачивая красивыми туфельками на высоком каблучке. Рядом – Варенька в оранжевом платице и Ванечка в жёлтой рубашечке, его золотые цыплята.

– Присаживайся, мы будем тебя кормить и поздравлять, сегодня старый Новый год. Сначала вареники с сюрпризами.

А потом Варя читала папе стихи, танцевала вместе с мамой, а Ванечка залез к отцу на руки и подсунул ему под нос своё произведение в стиле карандашного модерна. Повесь, папа, на стенку и любуйся. Напрыгавшись, заснул в кресле, смешно подсунув ручку под щёчку. А Варя улетела в царство

Морфея, уткнувшись носом в папино плечо. Уморительные, смешные, любимые детки, цветочки бытия, жизнь без них была бы скучна и пуста.

– Ты не рано взгромоздилась на каблуки? Ещё и скачешь. – Роман изобразил строгого мужа. – Не болит?

– Я люблю тебя, Ромка! – Лера уселась к нему на колени, обхватив его бёдра ногами в классных туфельках, почему-то вызывающих у мужчины бешеное желание заняться любовью прямо сейчас, прямо в этих лодочках.

Что он и сделал. Сам процесс раздевания заводил со страшной силой, а обладательница стильного прикида к концу процесса просто горела от переполняющего её желания, нетерпеливо цепляя своего мучителя всеми доступными способами.

– Изверг, не мешай веселиться. Ждёшь, когда я превращусь в пепел? Сейчас же бери меня, прямо сейчас, слышишь? Или тебе несдобровать! – И дёрнув на себя, уложила на лопатки и отправила в нокдаун здорового мужика, потерявшего голову от такого наглого неспортивного поведения...

Они уже давно понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда, с полпоцелуя. Ну да, кое с чем придётся смириться, например, с тем, что Трошин – человек настроения. Но ведь расположение духа тоже можно обратить в свою веру. И Лерка уже поняла как, ничего не стесняясь, и отдавая себя в руки единственного и такого желанного мужчины до последнего

нейрона, теряя самообладание от одного только его взгляда или прикосновения родных рук. Или от жаркого и сладкого поцелуя, да просто от запаха мужчины, перемешавшегося с ароматом любящей женщины. Она обожает своего мустанга, и пусть об этом знают все!

Летом всё сложилось так, как они и не мечтали. Отпуска Алёшкина и Трошина оказались в одно время, и было решено разделить отдых со всеми желающими. Морской офицер, неожиданно ушедший в поход на несколько месяцев, наскучался до одури. Северяне же, просидевшие в своей берлоге, радовались любому общению с близкими людьми. Для этого был снят дом, в который съехались сами отпускники, их родители, друзья и Римма Ивановна. Она сразу взяла бразды правления в свои руки, с чем никто и не спорил. Приезжали и Пичугины, с которыми не виделись несколько лет. Они жили и работали в Сибири, далековато от цивилизации, что-то там строили и радовались жизни. И Андрей привозил свою беременную Ниночку, доведя до сведения собравшихся, что дышать и глазеть в её сторону запрещено. Разрешалось только носить на руках и выполнять все её прихоти. При таком скоплении народа, как ни странно, всем удавалось отдохнуть, распределив права и обязанности поровну. Чудесный получился отдых!

И уже почти перед самым отъездом Римма, устроившаяся в удобном кресле на веранде с видом на море, вдруг про-

изнесла торжественную речь, можно сказать, «Оду на злобу дня».

– Если бы вы знали, милые мои девочки, как я рада за вас! – Она обращалась к Лере с Люсей, пристроившихся попить кофе рядом с любимой тёткой. – Вы, как упругие розовые бутоны, ждущие своего садовника, долго гнулись и шатались, не давая покоя вашим животрепещущим душам. И расцвели, наконец, раскрылись. Я бы даже сказала, распустились. И в хорошем, и в не очень хорошем, смысле этого слова. Вы сейчас, девочки, такие, какими вас создала природа, без притворства, без зажатости, без надобности всё время кому-то что-то доказывать. И это здорово! И цветы, и их цветоводы и совместные цветочки радуются сами и тешат окружающих. Вы не просто обитаете вместе, вы живёте чаяниями друг друга, дополняете до целого ваше существование. Вы вместе! И это очень заметно и очень замечательно. Не мне вас учить, но подсказать я имею право. Так вот, мои распустившиеся донельзя доченьки. Семейное счастье – это такая субстанция, которая всё время нуждается в подпитке, причём, и обычными, и экзотическими способами. Удивляйте своих мужчин, не раскрывайтесь до конца, оставляйте место загадке, пусть разгадывают!

Через несколько лет северяне вернулись в Питер, подполковнику Роману Трошину предложили место в командном составе Можайского военного института. Леру пригласили

в молодую, развивающуюся компанию, основной деятельностью которой была торговля. Но её основатель мечтал о своём производстве, и в этом деле очень надеялся на Валерию, разработки которой пришлись ему по душе. Капитан второго ранга Владимир Алёшкин возглавил кафедру в военно-морской академии. Люся, назло всем злопыхателям, заняла законное место «правой руки» своего уважаемого профессора, много и плодотворно работала, стараясь как можно меньше мотаться по командировкам. При сильной занятости и сложности своей деятельности, она уже давно поняла, что главное, это семья. А с Володей ещё и очень интересная и комфортная жизнь. И плечо, надёжное, родное, всегда рядом. И когда на новогоднем корпоративе она почувствовала дискомфорт, почти сразу поняв его причину, муж уже стоял за спиной. Приобнял, что-то зашептал на ушко, развернул и увлёк к барной стойке. Люська, усевшись на высокий стул, вцепилась в чашку кофе, как во фляжку воды в пустыне. Глупо улыбаясь, поддакивала словам Алёшкина... Не выдержала, повернулась... Стрельцов стоял на том же месте, застывшая улыбочка больше была похожа на гримасу боли, в глазах застыла мука мученическая, да вся его фигура замерла в предстартовом ожидании, вдруг поймав фальстарт... Морской капитан проследил за её взглядом и молча отошёл в сторону. Понаблюдать. Но не тут-то было, Люська слетела с вертящейся табуретки, потеряв из вида своего мужа. Нашла, перевела дух, подскочила, поймала его руку и успокоилась.

– Не смей даже что-то там думать, слышишь? Просто мне стало любопытно сравнить его... Нет, в смысле, каким был и каким стал. Ничего интересного. Ну что, домой?

При первой же встрече Люся призналась своей подружке, серьёзной и разумной матроне, в том, что и огорошило, и обрадовало. Валерия стала несказанно привлекательной с возрастом, открытой всему миру и живущим в нём, её любили, уважали, прислушивались к словам и советам. Но больше всех на свете Лерку обожал её муж, держащий руку на пульсе жены и днём, и ночью: боялся, бравый офицер, что уведут. И ведь было кому, мужики вились около бизнесвумен пачками. Каждый судит по себе...

– Ты представляешь, подружка, я не умерла, не растворилась в воздухе, я даже не потеряла дар речи. Гораздо больше испугалась, когда не обнаружила Алёшкина, прям сердце упало в пятки. Лерка, я люблю только Володю. И я очень счастлива. И я... ничего не хочу знать ни о ком, кроме своего доктора.

Жизнь продолжается! И хотя в ней находится место для борьбы и невзгод, она, всё равно, прекрасна и удивительна! Быть добру!